16+

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2020

Издается с 2002 г.

Учредитель и издатель:
Московский педагогический государственный университет

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–67769 от 17.11.2016 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Филологические науки
10.01.01 – Русская литература
10.01.08 – Теория литературы. Текстология
10.02.01 – Русский язык
10.02.19 – Теория языка
10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика

Педагогические науки
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания

Адрес редакции:
109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **85006**

© МПГУ, 2020

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2020

The Founder and Publisher:
Moscow Pedagogical State University

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia, Verhnyaya Radishchevskaya str., 16–18, room 223, 109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

© MPGU, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Н.М. Солнцева, Чжан Жуй
Функциональность акустических образов в ранней прозе А. Грина 9

А.Б. Устинов
Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов 18

ЛИНГВИСТИКА

О.И. Антропова, Е.А. Огородникова
Автоматический метод выявления гипо-гиперонимических глагольных пар из глагольных дефиниций на основе синтаксического анализа и векторного представления слов 60

О.В. Курьянова
Морфология и линейный порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка 76

О.В. Федорова
Метод синтаксического прайминга в экспериментальной лингвистике 92

МЕТОДИКА

Е.А. Еремина
«Грамматика» словесного образа в обучении иностранцев восприятию русского художественного текста 121

Contents

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

N. Solntseva, Zhang Rui
The functions of the acoustic images
in the early prose works of Alexander Grin 9

A. Ustinov
Alexander Blok and Nikolai Gumilev
in the Petrograd Union of Poets 18

LINGUISTICS

O. Antropova, E. Ogorodnikova
Automated method
of hyper-hyponymic verbal pairs extraction
from dictionary definitions
based on syntax analysis
and word embeddings 60

O. Kuryanova
Morphology and linear order
attributive of adjectives
in the history of the Russian language 76

O. Fedorova
Syntactic priming in experimental linguistics 92

TEACHING THEORY

E. Eremina
“Grammar” of verbal image
in Russian literature in teaching foreigners 121

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-9-17

Н.М. Солнцева, Чжан Жуй

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация**

Функциональность акустических образов в ранней прозе А. Грина

В статье рассмотрены фоностилистические особенности, смысловые значения акустических образов в ранних рассказах А. Грина-реалиста. Сделан вывод об их повышенной композиционной роли. Акцентируется внимание на лексике с акустической семантикой, на ономатопее как звукоподражании и смыслоподражании. Описаны средства достижения звуковой полифонии в изображении пейзажей и эмоциональных состояний, сюжетосложении. Определена роль аллитераций, темпоральных характеристик акустических образов, сочетания автологических и ассоциативных образов, вариативной функциональности диалоговых реплик. Проанализированы просодические особенности повествования. Дана характеристика мотивов тишины и музыки, отмечена их смыслообразующая роль в содержании рассказов.

Ключевые слова: акустика и просодия художественного текста, ономатопея, звукообраз, музыка, тишина, А. Грин, Андрей Белый, Е. Замятин, В. Вейдле

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Солнцева Н.М., Чжан Жуй. Функциональность акустических образов в ранней прозе А. Грина // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 9–17. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-9-17

© Солнцева Н.М., Чжан Жуй, 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-9-17

N. Solntseva, Zhang Rui

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The functions of the acoustic images in the early prose works of Alexander Grin

The article deals with the phonostylistic and semantic features of acoustic images in the early realist stories of Alexander Grin. The conclusion is made about their important compositional role. Attention is focused on vocabulary with acoustic semantics, as well as onomatopoeia understood as the imitation of both the sound and its meaning. The functions of sound polyphony in the depicting of landscapes and emotional states and in the plot structure are discussed. The role of alliteration, the temporal characteristics of acoustic images, a combination of autologous and associative images, and variable functionality of remarks in dialogs are described. The prosodic features of the narrative are analyzed. The motifs of silence and music and their role in the semantic structure of Grin's stories are noted.

Key words: acoustic and prosodic features of artistic text, onomatopoeia, sound imagery, music, silence, Andrei Belyi, W. Weidle, E. Zamiatin

FOR CITATION: Solntseva N., Zhang Rui. The functions of the acoustic images in the early prose works of Alexander Grin. *Rhema.* 2020. No. 2. Pp. 9–17. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-9-17

В образной системе ранней прозы А. Грина заметно доминирование того или иного устойчивого компонента, в соотношении с другими структурными образованиями формирующего текст как художественное семиотическое целое. Можно предположить, что в начале своей литературной биографии Грин относился к творческому акту как к опыту, в котором произведение выплавлялось во многом благодаря тому или иному приоритетному элементу формы – пейзажным свойствам, вербальному портрету, поэтике ощущений, событийному ряду и проч. Настоящая работа представляет собой часть большого исследования особенностей ранней прозы Грина и роли акустических образов в русской литературе первой половины XX в.

Акустическая образность обладает повышенной функциональностью в двух ранних рассказах Грина – «Случай» (1907) и «Кирпич и музыка» (1907). В названных рассказах дан широкий спектр фоностилистических и в целом лингвопоэтических особенностей.

Обратимся к описанию природы в одном из эпизодов «Случая»: *Тяжелые водяные капли часто хлопали*, *падая в рытвины*, *наполненные водой*. *Изредка ветер*, *внезапно прошумев над вершинами елей и сосен*, *стряхивал с веток целые потоки воды*, *тогда казалось*, *что лес наполняется торопливым*, *смутным шепотом*. *Иногда раздавался слабый писк сонной птицы*, *легкий*, *осторожный треск… Вдали*, *в самой глубине лесного затишья*, *какое-то печальное и одинокое существо монотонно гудело*, *и его глухое* «*гу-у*!», «*гу-у*» *выло*, *как ветер в трубе* [Грин, 1991, с. 79]. Писатель, создавая образ звучащего пространства, экспериментировал с ономатопеей. Мы исходим из емкого понимания ономатопеи, предложенного В. Вейдле: «звукосмысловая ткань ономатопеи отнюдь не сводится к звукоподражанию, “смыслоподражание”, вот как можно было бы основную ее функцию назвать» [Вейдле, 2001, с. 39].

Грин ввел в небольшой фрагмент целый ряд слов, фонетически имитирующих звук (*хлопали*, *прошумев*, *шепотом*, *гудело*, *писк*, *треск*, *гу-у*). Эффект акустической полифонии достигается сочетанием глухого звучания (*хлопали*) с выразительным (*писк*, *треск*), повтором фонетически и семантически родственных слов (*водяные*, *водной*, *воды*), аллитерациям (на «с»: *слабый писк сонной*, *сосен*, *стряхивал с*; на «г»: *гудело*, *и его глухое* «*гу-у*!», «*гу-у*»), очередностью звуков в начале слов (*слабый писк сонной птицы*), звуковым сгущением (*глухое* «*гу-у*!», «*гу-у*» *выло*, *как ветер в трубе*). Грин отметил степень интенсивности звучания (*слабый*, *легкий*, *осторожный*, *монотонно*). За счет сочетания автологических образов и ассоциативных, за счет темпоральных характеристик (*часто*, *изредка*, *внезапно*, *торопливым*) в рассмотренном фрагменте представлено живое и динамичное пространство.

Заложенный в звуках «ономатопоэтический потенциал» [Якобсон, 1985, с. 31] порождает ассоциации и тем самым выявляет свои смыслоподражательные возможности. А. Белый актуализировал звуковые ассоциации с материальным миром в поэтическом тексте («Жезл Аарона», 1917), даже сочетал свои звукосемантические идеи с космогоническими («Глоссолалия», 1917). Е. Замятин рассматривал звукоподражание как знаковый элемент инструментовки в прозе. По сути, звуковое отражение реальности он видел в акцентах на тот или иной звук. Например: «“Зачерненные сажей, жутко шмыгают… сопят медведи”, – инструментовка на Ч-Ж-Ш: шорох в тишине. Звукоподражание; “Хлопает, бьет бич, скользят, колют копья, колотит каменная палка”, – инструментовка

грома на КО-КА» [Замятин, 2018, с. 129] и т.д. Следуя Замятину, мы обнаруживаем, что в цитате из «Случая» частотны звуки «н» (22), «т» (21), «л» (19), «в» (18), «с»/«з» (17/5), «п» (13), и тем самым создается эффект сенсорного ощущения ветра и льющегося с вершин сосен тяжелого водного потока, наполняющего лес.

В рассказах Грин, во-первых, обращался к собственно звукоподражательным словам (например, в «Кирпиче и музыке»: *дерево треснуло и заскрипело* [Грин, 1991, с. 114]; *шурша*, *падали шишки*, *вздыхая*, *шумел лес*; *Окно захлопнулось* [Там же, с. 115]; *Хрястнуло что-то* [Там же, с. 118]; *лес… гудел* и др. [Там же, с. 119]), во-вторых, описывал впечатления от звуковых эффектов, в-третьих, в его прозе частотны слова с разнообразной акустической семантикой.

В прозе А. Грина активны аллитерации, особенно на экспрессивные «с»/«з», например: *за десятки верст*, *рискуя большими расходами*; *Крестьянин вынул старинные серебряные часы и зажег спичку*; *незримые семена*, *взрастившие заботу* [Там же, с. 80] и т.д. Частотны сгущения шипящих, например: *нащупал в кармане бумажку*, *сложенную вчетверо* [Там же, с. 78]; *Лошадь быстро бежала*, *поматывая шеей* [Там же, с. 79]; *Топот приближался*, *слышался ленивый*, *сдержанный разговор*. *Рыжик вытянул шею* [Там же, с. 80] и т.д. Эпизодически Грин – осознанно или нет? – придавал повествованию просодическую специфику стиха. Например, ямбические фразы в «Случае»: *отыскивая тайные пружины* [Там же]; *засуетился*, *вылезая из повозки и покорно расставляя руки* [Грин, 1991, с. 81]; *Они переглянулись*, *спешились и подошли* [Там же, с. 82] и т.д.; хореические: *А чего же ты торопишься?* [Там же, с. 80], *Темные фигуры отошли на несколько шагов* [Там же, с. 83] и т.д.

Акустические образы компенсируют лапидарность портретных характеристик, внутренних монологов, психологических реакций, авторских комментариев. Они активны не только в пейзажных описаниях, но и в изображении внутреннего мира героев, в сюжетосложении, диалогах.

Показателен эпизод из рассказа «Кирпич и музыка», в котором описано внутреннее состояние героя: *Сердце ударило тяжело*, *звонко*, *и от этого зазвенела тишина*, *готовая крикнуть*; *ему было скучно и жутко*. *Где-то в лесу поплыли слабые отзвуки голосов и*, *едва родившись*, *умерли*; *Он прислушался*, *грузно дыша и чувствуя*, *как нечто тяжелое*, *полное дрожи*, *растет внутри*, *готовое залить слабый отблеск хмельной мысли угаром слепой*, *холодной ярости* [Там же, с. 119] и т.д. Или вульгарная натура героя передана через порождающую неблагозвучие концентрацию согласных в словах *кудласт* [Там же, с. 108], *скреб* [Там же, с. 109], *обшмыганный* [Там же, с. 110],

верблюжий [Грин, 1991, с. 111], *всклокоченную* [Там же, с. 115] и т.д. Грин сам указал на семантический ресурс звука, когда написал, что герой по имени Евстигней был *такой же растрепанный*, *как имя*, *которое он носил* [Там же, с. 108]. В данном случае звучание имени для него важнее, чем его номинативный смысл (с др.-гр. – «добрый знак»).

Акустические образы сопутствуют развитию сюжета. Например, в экспозиционном абзаце «Случая» сказано, что *жалобно скрипел флюгер* [Там же, с. 78], и эта деталь априори придает происходящему трагический пафос. С появлением казаков пространство наполняется резкими звуками: *возбужденное ржанье* [Там же, с. 80]; *захохотал громким*, *резким смехом*; *сочно выругавшись* [Там же, с. 81] и др. Акустические образы акцентируют внимание на смене событий, и – как следствие – психологической реакции героя: с угрозой расстрела Бальсен *дико*, *отчаянно вскрикнул*, *закричал*, *заплакал* [Там же, с. 82]. Сам расстрел в восприятии героя дан без звуковых характеристик, что предшествует финальному мотиву небытия (*Затем всё исчезло* [Там же, с. 83]). Звуковое сопровождение получает сюжет в «Кирпиче и музыке». Так, эпизод повторного присутствия Евстигнея у дома управляющего включает много выразительных звуковых деталей: у женщины *дрожащий от испуга голос*; *Евстигней крякнул*; *стекла с звоном и дребезгом брызнули во все стороны* [Там же, с. 119]; *Евстигней взревел*; *лес ответил*: «*Гау-гау-гау*!» [Там же, с. 120]; Евстигней грубо ругается, *прислушиваясь к своему хриплому*, *задыхающемуся голосу*; его *тело ныло и скулило* [Там же].

Перед А. Грином, по-видимому, стояла задача создать образ собственно звучащего слова. В том же рассказе люди существуют в пространстве, наполненном вульгарным, какофоничным звучанием: *Потом стали кричать*, *икая и ласково переругиваясь скверной бранью*, *и опять Евстигней не знал*, *что кричат и зачем ругаться*, *хотя ругался сам и смеялся*, *когда смеялись другие*. <…> *Крик и шум усиливался*, *рос*, *бил в голову*, *звенел в ушах* [Там же, с. 117]. Писатель, достигая эффекта форсированной громкости, использовал как сам глагол *ругаться*, так и однокоренные *ругань* и *ругательство*, *отругаться*, *выругаться*, *переругаться*. Например: *Шла баба – он ругался*; *шли парни – он задевал их*, *смеясь их ругательствам*, *и ругался сам*, *лениво*, *назойливо* [Там же, с. 110]; *Евстигней вскочил*, *как ошпаренный*, *и выругался* [Там же, с. 112]. Пронзительности, зычности описанному пространству придают семантически близкие друг другу слова, например *хохотал*, *осклабляясь*, *гоготал*. Как при интенсификации фонетических композиций, Грин в пределах короткого фрагмента прибегал к концентрации звуковой лексики родственного смысла: *На дворе*, *где стояла казарма*, *сидели*

татары и громко, *пронзительно пели резкими*, *гортанными голосами*. *Увлекшись и краснея от напряжения*, *смотря и ничего не видя*, *они вздрагивали*, *надрываясь*, *и в вопле их*, *монотонном*, *как скрип колеса*, *слышалось ржание табунов*, *шум степного ветра и неприятный верблюжий крик* [Грин, 1991, с. 111]. Поэтическая ассоциация пения со степным ветром снижается акустическими прозаизмами.

Разнообразие средств создания образа собственно звучащего слова проявляется и в композиции диалогов. Например, в «Случае» предшествующий расстрелу разговор казаков и героя не приводит к успешной коммуникации. Он сформирован из коротких фраз, его вербальные возможности ограничены, но при экономии языковых средств психологическое напряжение достигается вариативной функциональностью реплик. В лингвистике выделяют шесть типов реакций, характеризующих разговорный диалог: аффективную; оценочную; фатическую, т.е. неинформационную, содержащую повтор, согласие и проч.; интонационную; регулятивную; респонсивную, т.е. отвечающую на регулятивную [Борисова, 1996].

Во-первых, Грин выстроил диалог на регулятивных фразах, устанавливающих контакт и фиксирующих первичную информацию: *Куда путь держишь*, *дружище*?, *В город*… [Грин, 1991, с. 80]; *Откуда*?, *Из Келя*…, *А есть у тебя паспорт*?.. [Там же, с. 81] и др. В них очевидно императивное, побуждающее содержание. В диалогах Бальсена и казаков, Бальсена и офицера они преобладают, что соответствует речевому жанру допроса. То у героя требуют паспорт, то следует приказ обыскать его, то ему приказывают стоять смирно и т.д.

Существенное место в репликах казаков и офицера занимает оценочная реакция. Соответственно такое же место в диалоге занимает респонсивная реакция Бальсена, ее смысл меняется от нейтрального (Бальсен спокойно объясняет факт своего присутствия в лесу ночью) к аффективному, выраженному в интонационных фразах: *За что?!*, *Меня все!*.., *Я Отто Бальсен!*.. [Там же, с. 82] и др. По сути, они же носят фатический характер – не дают новой информации, повторяют сказанное, но выражают эмоцию говорящего. Определенность конфликта выражена в семантически противоположных репликах – в вопросе *Так мне можно ехать?* и ответе *Нет*, *нельзя* [Там же, с. 81].

Аффективные интонации маркируют кульминацию сюжета. Аффект передан через метаязыковой комментарий автора, в котором отмечено так называемое молчащее слово: *Он хотел крикнуть и не мог* [Там же, с. 83]. Эмоциональность фрагменту придает эмотивная (и противоположная логике эпизода) реакция казаков, расстреливающих Бальсена: *Ослаб*. *Пужается*…, *Не копайся*, *Данилко* <…> *Чего томить человека*?

[Грин, 1991, с. 83]. Если смысл и интонации фраз Бальсена передают его искренность, то во фразах казаков очевидно уклонение от прямого обозначения действия.

Ключевую смысловую роль в повествовательной структуре «Кирпича и музыки» играет мотив музыки, в котором Грин сфокусировал саму идею рассказа, события, психологические ситуации. Здесь «музыка, с одной стороны, отражает чувства, но с другой стороны, становится импульсом к осознанию себя и обстоятельств» [Максимова, 2004, с. 99]. Примитивное сознание Евстигнея преображается под влиянием доносившихся из дома управляющего звуков фортепиано – *смелых и спокойных*, *как громкая хоровая песня* [Грин, 1991, с. 115]. Более того, музыка побуждает его к образным восприятиям, он ассоциирует запечатленные в памяти звуки с тем, чего не было в реальности: *вспомнил музыку и остановился*: *показалось*, *что где-то далеко*, *в самой глубине леса – поет и звенит*. *Он прислушался*, *но все было темно*, *сыро и тихо* [Там же] и т.д. Вместе с тем Грин далек от идиллического решения темы культуры и человеческой природы, побеждает темная, злобная натура Евстигнея.

Важный мотив рассказов – тишина как нейтральное состояние бытия и гармонирующее с ним состояние внутреннего мира человека. Грин опять же вносит в текст вариативные отношения тишины и акустической полифонии. Перед встречей Бальсена и казачьего разъезда тишина символизирует изначальный порядок вещей: *Копыта перестали звучать*, *и колеса затихли*. *И в жуткой*, *сонной тишине лесного покоя*, *встревоженного только этим шумом езды одинокого человека*, *казалось*, *ничто уже больше не разбудит затишья ночи*, *упавшего на землю* [Грин, 1991, с. 79]. После конфликта с татарами Евстигней вошел в тихую чащу, где слышится только *пугливый шорох и плавный шепот вершин*; одновременно со *стороны завода вставал густой*, *дышащий шум печей*, *звяканье железа*, *бранчливые скучные выкрики*; одновременно в тишину как бы упали, разбежались серебряные колокольчики и стихли; звуки по лесу *ширились*, *уходя в вышину и*, *снова возвращаясь на землю*, *звенели и прыгали* [Там же, с. 113] и т.д. В отличие от композиции первого эпизода, композиция этого трехкомпонентная; образы деструктивных звуков, благозвучия, тишины отражают многомерность бытия.

Если в «Случае» Грин описал соответствие тишины изначальному состоянию героя, то в «Кирпиче и музыке» – влияние тишины на звериную натуру Евстигнея, здесь отмечены моменты перехода от пароксизма гнева к спокойному обдумыванию мести, далее – к истончению чувства злобы и бессознательному подчинению эмоций благодатной тишине: *злоба и испуг еще чередовались в нем*, *но он скоро успокоился*

и, шагая по тропинке среди частого мелкого кедровника, думал о том, какую пакость можно устроить татарину в отместку за его угрозу. Но как-то ничего не выходило и хотелось думать не об Ахметке и его ноже, а о влажном и тихом сумраке близкой ночи [Грин, 1991, с. 113].

Итак, звук осмыслен Грином как образ. Писатель, явно обладая ярким акустическим мировосприятием, мастерски его применил в ранней прозе. Он широко использовал средства вербального воссоздания полифонии бытия. Как следует из поэтики рассказов, звукообраз и в целом акустическая лексика имеют непосредственное отношение к экзистенциальным смыслам жизни человека, его сенсорным состояниям, мнемическим возможностям, что отвечает идеям В.С. Соловьева («Достоверность разума», 1899) о языке – универсальном феномене, собирающем «разрозненное в такое единство, которое всегда шире всякой данной наличности, психическом факте» [Соловьев, 1988, с. 811], вступающем в отношения с мышлением и реализующемся *«посредством памяти»* [Там же, с. 812].

Библиографический список / References

Борисова, 1996 – Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург, 1996. С. 21–48. [Borisova I.N. Discursive strategies in conversational dialogue. *Russkaya razgovornaya rech kak yavlenie gorodskoy kultury*. T.V. Matveeva (ed.). Yekaterinburg, 1996. Pp. 21–48. (In Russ.)]

Вейдле, 2001 – Вейдле В.В. Царь Оксиморон и царица Ономатопея // Вейдле В.В. Эмбриология поэзии / Сапов В.В. (сост., коммент.). М., 2001. С. 27–40. [Veidle V.V. King Oxymoron and queen Onomatopoeia. *Veidle V.V. Embriologiya poezii*. Sapov V.V. (ed., commentary). Moscow, 2001. Pp. 27– 40. (In Russ.)]

Грин, 1991 – Грин А.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Рассказы 1906–1912 гг. / Ковский В.Е. (сост., вступ. ст.); Ревякина А.А. (примеч.). М., 1991. [Grin A.S. *Sobranie sochinenii*. In 5 vols. Vol. 1. Rasskazy 1906–1912 gg. [Stories, 1906–1912]. V.E. Kovskii (ed., introduction); A.A. Revyakina (notes). Moscow, 1991.]

Замятин, 2018 – Замятин Е.И. Инструментовка // Замятин Е.И. Техника художественной прозы. М., 2018. С. 128–139. [Zamyatin E.I. Orchestration. *Zamyatin E.I. Tekhnika khudozhestvennoi prozy*. Moscow, 2018. Pp. 128–139. (In Russ.)]

Максимова, 2004 – Максимова О.Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: Дис. … канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004. [Maksimova O.L. Proza A. Grina: muzyka v khudozhestvennom soznanii pisatelya [A. Grin's prose: Music in the writer's artistic consciousness]. PhD diss. Syktyvkar State University, 2004.]

Соловьев, 1988 – Соловьев В.С. Достоверность разума // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. / А.Ф. Лосев, А.В. Гулыга (сост., общ. ред., вступ. ст.). М., 1988. Т. 1. С. 797–813. [Solovyov V.S. Reliability of reason. *Solovyov V.S. Sochineniya*. In 2 vols. A.F. Losev, A.V. Gulyga (eds.). Moscow, 1988. Vol. 1. Pp. 797–813. (In Russ.)]

Якобсон, 1985 – Якобсон Р.О. Звук и значение // Якобсон Р.О. Избр. работы / Звегинцев В.А. (сост., общ. ред.); Иванов Вяч. Вс. (предисл.). М., 1985. С. 30–91. [Jakobson R.O. Sound and meaning. *Jakobson R.O. Izbrannye raboty*. V.A. Zvegintsev (ed.); Vyach. Vs. Ivanov (introduction). Moscow, 1985. Pp. 30–91. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 20.02.2020
The article was received on 20.02.2020

Об авторах / About the authors

Солнцева Наталья Михайловна – доктор филологических наук; профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7500-0003
E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

Чжан Жуй – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Zhang Rui – postgraduate student at the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: kristinaruirui@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

А.Б. Устинов

**Издательство «Аквилон»,
94122 г. Сан-Франциско, США**

Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов

В настоящей работе предлагается детальная реконструкция истории петроградского Союза поэтов, в учреждении которого активно участвовали Александр Блок и Николай Гумилев. Особое внимание уделяется их литературной и организационной деятельности в рамках Союза поэтов, а также их взаимоотношениям, впоследствии получившим мифологическое обрамление благодаря ненадежным мемуарам и доверчивости биографов обоих поэтов. Материалом для статьи послужили архивные документы, журнальные статьи и газетная хроника 1920–1921 гг., а также доступные теперь в автографах «Записные книжки» А. Блока, ранее известные лишь в купированном подцензурном издании Вл. Орлова.

Ключевые слова: Петроградский Союз поэтов, А. Блок, Н. Гумилев, история русской поэзии, В. Ходасевич, литературные институции, литературный быт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Устинов А.Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 18–59. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

© Устинов А.Б., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

A. Ustinov

"Aquilon Books",
San Francisco, CA, 94122, USA

Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets

In this article, the author proposes a detailed reconstruction of the history of the Petrograd Union of Poets, which was established with an avid participation of both Alexander Blok and Nikolai Gumilev. The author focuses his attention on their literary and organizational activities within the framework of the Union of Poets, as well as on their professional relations that have now become a subject of several myths created by unreliable memoirs and supported by the poets' credulous biographers. The article is based on archival materials, magazine reviews and newspaper chronicles from 1920–21. The author also uses Blok's Notebooks, heavily censored in the Soviet times but now made available in autographs.
Key words: Petrograd Union of Poets, Alexander Blok, Nikolai Gumilev, Vladislav Khodasevich, history of Russian poetry, literary institutions, literary environment

FOR CITATION: Ustinov A. Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets. *Rhema*. 2020. No. 2. Pp. 18–59. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-18-59

Для Блока его поэзия была первейшим, реальным духовным подвигом, неотделимым от жизни. Для Гумилева она была формой литературной деятельности. Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев – лишь тогда, когда он писал стихи. Всё это (и многое другое) завершалось тем, что они терпеть не могли друг друга – и этого не скрывали. Однако в памяти моей они часто являются вместе.

Владислав Ходасевич

Участие Александра Блока в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов хорошо известно и представлено в многочисленных биографических статьях. При этом основным источником для реконструкции истории этой литературной организации, даже несмотря на действенную инъекцию архивных материалов в публикации «Блок

и Союз поэтов» [Рождественская, Тименчик, 1987], почему-то продолжают оставаться мемуары: шестидесятнические воспоминания Надежды Павлович (1895–1980) [Павлович, 1964; Павлович, 1977][1] и рассказ Всеволода Рождественского [Рождественский, 1966]. По понятным причинам на первый план в них выходят эмоции, а «фактический субстрат» [Тименчик, 1994] искажается согласно личным предпочтениям мемуаристов. В особенности это касается взаимоотношений Блока, первого председателя Союза поэтов, с Николаем Гумилевым.

Именно воспоминания Павлович стали источником легенды о якобы бескомпромиссном и едва ли не «открытом» противостоянии двух ведущих поэтов пореволюционного Петрограда, еще более резко подчеркнутом ей в стихотворной форме[2], и спровоцировали войну мемуаров. Рассказ Павлович о Союзе поэтов несколько лет спустя попыталась переписать в пользу Гумилева ее ровесница Ирина Одоевцева (1895–1990)[3], но из-за умышленной беллетризованности ее воспоминаний [Одоевцева, 1967], изложенные там факты оказались заслонены тем же эмоциональным туманом. Такова, например, ее безапелляционная характеристика Союза поэтов, выстроенная на фоне отношений Блока и Павлович:

> Союз поэтов, как и предполагалось по заданию, был «левым». И это, конечно, не могло нравиться большинству петербургских поэтов. К тому же стало ясно, что Блок хотя и согласился «возглавить» Союз поэтов, всю свою власть передаст «Надежде Павлович с присными», настроенными более чем пробольшевистски. Блок в то время уже начинал отходить не только от общественной жизни, но и просто от жизни.

---

[1] Новая попытка «переопределить» отношение Павлович к Блоку предпринята в [Гончарова, 2011].

[2] *Но Блок молчал внимательно и хмуро,*
Но Блок молчал, не предлагая сесть.
И усмехнулся: «Николай Степаныч!
Ошиблись вы. На месте вы своем.
Мы разных вер, мы люди разных станов,
И никуда мы вместе не пойдем»

[Павлович, 1962, с. 22].

[3] См. мемуарный рассказ Георгия Адамовича об отношениях «учителя» и «ученицы»: «Гумилев наделен был даром особой убедительности, правда, – не столько логической, сколько внутренней, духовной, трудно поддающейся определению. <…> Недостаточно было бы сказать, что к Одоевцевой Гумилев благоволил. <…> В литературных разговорах он любил со своим привычно горделивым видом, слегка прищурившись и растягивая слова, упомянуть о “моей молодой ученице Ирине Одоевцевой”, но это входило в игру: надо же было дать понять профанам и непосвященным, что учиться у него, Гумилева – большое счастье, исключительная удача. Надо было намекнуть, что если Одоевцева уже пишет стихи, обращающие на себя внимание, то потому, что ею именно он руководит» [Адамович, 1960, с. 148].

> Он, хотя и не подчеркивая этого, давно тяготился честью, выпавшей на его долю и только из чувства долга – чрезвычайно сильно в нем развитого – заставлял себя – через силу – играть взятую на себя роль. Выгод от такого правления петербургским поэтам ждать не приходилось [Одоевцева, 1963, с. 136].

С изменением общественной ситуации стало возможным комментировать воспоминания Павлович мемуарными рассказами Одоевцевой. По этому пути пошли составители книги «Жизнь Николая Гумилева» (1991), что, наверное, уместно в собрании «воспоминаний современников» о поэте, составленном его поклонниками [Зобнин и др., 1991, с. 277–279]. Представляется, однако, странным, что задачей проверки документальных свидетельств и сопоставления соответствующих фактов не озаботили себя редакторы «Трудов и дней Н.С. Гумилева», составленных Павлом Лукницким, поддавшись той же мемуарной «зависимости» и положившись на уже известные публикации. При этом невероятным образом без внимания были оставлены «материалы», как называл свой свод Лукницкий, которые появились в печати в течение той декады, пока «Труды и дни» [Лукницкий, 2010] готовились увидеть свет, и в которых должным образом были скорректированы эмоциональные всплески воспоминаний о Гумилеве в петроградский период его жизни после возвращения из Европы в конце апреля 1918 г.[4]

Что касается собственно истории Союза поэтов, то ошибки, появившиеся еще в хронологических обзорах петроградской литературной жизни в первом выпуске журнала «Дом Искусств» (1921. № 1. С. 68–74)[5] и позже развитые Вл. Орловым в комментариях к избранному корпусу «Записных книжек» Блока [Блок, 1965][6], были приняты на веру и не подвергались повторной верификации. Почти невостребованной осталась и двухтомная летопись «Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография» [Галушкин, 2005], где в нарастающей прогрессии перечислены факты деятельности Союза поэтов – от начальных собраний «инициативной группы» до организации «Клуба поэтов», приблизившего, по наблюдению Владислава Ходасевича, конец этой литературной антрепризы[7].

---

[4] О предшествующем пребывании Гумилева в Париже и Лондоне см.: [Степанов, Устинов, 2011–2012].

[5] В газетных и журнальных статьях тех лет Союз поэтов и Дом Искусств спорадически ставились в кавычки. В последующих цитатах, за исключением статейных заголовков, названия этих творческих организаций даются без кавычек.

[6] О проблематичности издания Орлова см.: [Магомедова, 2009, с. 518–541].

[7] Ходасевич называет это заведение «“Дом поэтов” (филиал Союза)» [Ходасевич, 1997, с. 92].

Корректная реконструкция истории петроградского Союза поэтов, тем не менее, вполне возможна без привлечения мемуарных фантомов, а также досужих размышлений относительно поведенческих стратегий Блока и Гумилева уже на основании газетной и журнальной хроники 1920 и 1921 гг. Более того, необходимым подспорьем служат сделанные теперь доступными (хотя, как водится, не полностью) факсимиле записных книжек и дневников Блока[8], издание которых в новом собрании сочинений, судя по темпам выхода прочих томов, займет не одну дюжину лет [Линдеберг, 2011].

Попутно можно усомниться в целой серии утверждений Орлова, высказанных им в примечаниях. Так, запись Блока 14 сентября 1920 г.: «Замятину – статьи о Лире и о Союзе поэтов для ж<урнала> Д<ома> Иск<усств>», – сопровождается ремаркой без пояснений: «Статья о Союзе поэтов не была написана» [Блок, 1965, с. 600]. Тем не менее, обзорная статья «Союз Поэтов», правда, анонимно, была напечатана в журнале «Дом Искусств», как и очерк Блока «“Король Лир” Шекспира» – совершенно в соответствии с его намерениями. Поэтому «Союз Поэтов», хотя бы и в разделе «Dubia», но должен быть включен в корпус нехудожественной прозы Блока. Именно в этой обзорной статье было впервые рассказано, как начинался петроградский Союз поэтов:

> Мысль о Союзе поэтов, о своевременности и необходимости профессионального объединения возникла уже давно, но петербургские поэты решили осуществить это объединение, конечно, не по шумному примеру московской «эстрады», а на особых петербургских началах: учредители хотели, помимо защиты профессиональных интересов, найти в стенах союза возможность говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы.
>
> В конце июня с. г. (1920 г. – *А.У.*) в помещении Вольной Философской Ассоциации впервые собралась организационная группа в составе: А.А. Блока (председатель), Андр. Белого, Н.С. Гумилева, М.Л. Лозинского, Н.А. Оцупа, Н.А. Павлович, Вс.А. Рождественского

[8] Все цитаты из записных книжек Блока приводятся далее по автографам, обозначенным как ЗК-61 («Записная книжка № 61. 1920 г.») и Дневник-20 («Дневник. Лето 1920 – 1921 г. февраль») с указанием листа. Исправления неверных прочтений Орлова специально не оговариваются, также не отмечаются восстановленные лакуны, допущенные им из-за неудач с расшифровкой почерка Блока либо сделанные намеренно по идеологическим соображениям.

(секретарь) и К.А. Эрберга[9] (<Блок А.?>. Союз Поэтов // Дом Искусств (Петроград). 1921. № 1. С. 74)[10].

Блок отметил в своей записной книжке, что Павлович появилась у него в субботу, 19 июня 1920 г.[11] как эмиссар Валерия Брюсова, возглавлявшего тогда Всероссийский Союз поэтов[12]. Спустя неделю она сообщила в Москву об открытии Петроградского отделения ВСП как о fait accompli. «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, – писала Павлович 25 июня, – в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузминым, Эрбергом и с несколькими молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне» [Блок в переписке, 1982, с. 503]. В обсуждении планов открытия петроградского Союза поэтов Гумилев участвовал наравне с Блоком, который пометил в записной книжке 22 июня: «Гумил<еву> о Н.А. Павл<ович> (проф<ессиональный> союз) и Третьяк<ове> (перев<оды>, статья)» [ЗК-61, л. 14] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]).

Первое совещание по учреждению Союза состоялось в тот же день, как это запомнил Андрей Белый: «22-го …Организ<ационное> собрание Ленингр<адского> <sic!> Союза поэтов» [Белый, 2016, с. 458]. До своего отъезда в Москву 9 июля Белый успел застать и два других собрания

---

[9] Ср.: «Организовано Петербургское Отделение Всероссийского Союза Поэтов. Состав президиума: председатель – Ал.Ал. Блок; товарищи председателя – К.А. Эрберг и Н.А. Оцуп; секретари – Н.А. Павлович и Вс.А. Рождественский; казначей – С.Е. Нельдихен-Ауслендер. Желающие вступить в Союз должны представить на рассмотрение приемной комиссии (А.А. Блок, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин, М.Л. Лозинский) книгу или 10 стихотворений в рукописи. За всеми справками и разъяснениями обращаться к секретарю Вс.А. Рождественскому – Симеоновская ул., 3, кв. 4 – письменно; по пятницам от 4–5 – лично. Тел. 145–73» (Жизнь Искусства (Петроград). 1920. № 517. 30 июля. С. 1; далее газета везде обозначается как ЖИ).

[10] Ссылки на анонимные статьи, сообщения и афиши приведены в круглых скобках в виде выходных данных, без вынесения этих материалов в библиографический список в конце статьи.

[11] «Стрельна. Сон на солнце. Веч<ером> – Над. Ал. Павлович, Е.Ф. Книп<ович>, Викт<ор> Третьяков» [ЗК-61, л. 13 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]). Поэт Виктор Третьяков вспоминал в очерке памяти Блока, напечатанном рижской газетой «Сегодня» 1 сентября 1921 г.: «В столовой за чаем сидели, кроме поэта и его семьи, еще приехавшая из Москвы барышня, занимавшая у большевиков какой-то видный пост, кажется, по комиссариату просвещения. Барышня рассказывала московские литературные новости. Блок, как всегда, внимательно слушал, изредка вставляя какое-нибудь слово» [Блок в переписке, 1982, с. 504]. В июле 1920 г. Блок подарил ей свою фотографию с инскриптом «Надежде Александровне Павлович на память о начале нашего знакомства» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 111].

[12] Брюсов пребывал в должности председателя Всероссийского Союза поэтов с мая 1920 г. до середины февраля 1921 г. [Брюсов, 1976, с. 232].

«инициативной группы», имевших место 27 июня и 4 июля. «По поручению Ал<ександра> Ал<ександровича> Блока, – писал Михаилу Кузмину 24 июня Всеволод Рождественский, – передаю Вам приглашение на организационное собрание Петербургского отделения “Всероссийского союза поэтов” в воскресенье, 4 июля в 8 ч<асов> веч<ера> в помещении “Вольной философской Ассоциации” (Чернышева пл<ощадь>, под<ъезд> № 1). Вас очень нужно» [Блок в переписке, 1982, с. 504] (см.: [Галушкин, 2005, т. 1, ч. 1, с. 583, 589–590]).

«Для проверки литературного ценза вновь вступающих членов, – сообщалось в журнальном обзоре, – решено было учредить особую коллегию в составе А.<А.> Блока, Н.С. Гумилева, М.А. Кузмина и М.Л. Лозинского» (<Блок А.?>. Союз Поэтов // Дом Искусств (Петроград). 1921. № 1. С. 74). Работа «коллегии», состоявшей из трех видных поэтов и одного выдающегося переводчика, которая на протяжении месяца с небольшим разбирала заявки, вынося суждения либо о приеме, либо об отставке кандидатов, подробно освещена в названной публикации «Блок и Союз поэтов» [Рождественская, Тименчик, 1987]. Уместно привести, в качества примера, суждения об упомянутом в приведенных выше записях Блока «поэте, филологе и писателе по вопросам искусства»[13] Викторе Третьякове (1888–1961), который, прежде чем отправиться поздней осенью 1920 г. в Ригу, застал расцвет деятельности петроградского Союза поэтов:

> Стихи В. Третьякова не хуже многих присылаемых, хотя несколько вялы и подражательны. По-моему, можно бы принять его в Союз. Этот вопрос надо решить скорее, потому что ему грозит воинская повинность, и, если мы его примем, могли бы что-нибудь сделать для него.
>
> *Ал. Блок*
>
> От Третьякова, автора, по-видимому, молодого, можно ждать интересных стихов. Я высказываюсь за его принятие в Союз, хотя бы на правах члена-соревнователя.
>
> *М. Лозинский*
>
> Членом-соревнователем принять можно.
>
> *Н. Гумилев*
>
> [цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 687]

[13] См. далее: «В своем творчестве, между прочим, весьма тепло и благосклонно встреченном покойным Гумилевым, М. Кузминым, <С. Нельдихеном->Ауслендером и др. петроградскими поэтами, он близок к направлению Гумилева и Кузмина» (Сегодня (Рига). 1921. № 261. 15 ноября. С. 5).

Как заметил Р. Тименчик, четвертый «отсутствующий в автографе отзыв Кузмина» [Рождественская, Тименчик, 1987, с. 692], был приведен в рецензии Александра Перфильева на книгу Третьякова «Берег дальний. Стихи» (Tallinn, 1940):

> Настоящее признание в литературных кругах он получил в первые годы революции. А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин очень сочувственно отзывались о стихах молодого поэта и принимали в нем большое участие. Одобренные ими стихи вошли впоследствии в сборник «Солнцерой» (<Берлин,> Петрополис, 1930). М. Кузмин восхищался стихотворением «Вечер», посвященным ему и вошедшим в тот же сборник. О В. Третьякове М. Кузмин в свое время писал:
> «В лице В. Третьякова мы имеем настоящего поэта, понимающего серьезные задачи поэзии. Нахожу в его стихах черты своеобразия».
> Это очень ценное понимание молодого автора.
> Н. Гумилев пригласил В. Т<ретьякова> в свою группу, где слушателями в то время были Вс. Рождественский, Георгий Иванов, Н. Оцуп и др. молодые поэты. Он же поручил Третьякову переводить английского поэта Вордсворта для издательства «Всемирная Литература» [Перфильев, 1940, с. 20].

Первое представление петроградского Союза поэтов было организовано Ларисой Рейснер (Раскольниковой) 4 августа 1920 г. в доме Лассаля. Эту посредственно-жеманную поэтессу, необыкновенно взлетевшую в пореволюционные годы, не без ехидства вспоминал Георгий Иванов: «Была барышня Лариса Рейснер, писавшая стихи о маркизах. За барышней ухаживали, над стихами смеялись. И вот теперь эта барышня – “комарси” <…> Женщина всегда женщина – Лариса Рейснер, говоря, что она “комарси”, немного прихвастнула: “комарси” был, собственно, ее муж, мичман Раскольников. Сама же Рейснер носила всего лишь звание “заместительницы комиссара по морским делам” – “замком по морде”»[14].

К участию в этом официальном представлении Союза поэтов был ангажирован Блок, чье имя должно было наполнить зал бывшего

[14] «А “комарси” значило – командующий морскими силами», – пояснял автор [Иванов, 1928, с. 161–162].

Тенишевского училища. Поэтесса Анна Радлова[15] писала об этой уникальной способности Блока в отчете о его выступлении, состоявшемся незадолго до того, 29 июля, под эгидой петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфилы)[16]:

> Когда вчера вечером в переполненном белом зале на Чернышевой площади, 2 (в здании Государственного архивного фонда. – *А.У.*) я слушала Блока, я вспоминала строки другого великого поэта, Баратынского:
>
> *И поэтического мира*
> *Огромный очерк я узрел,*
> *И жизни даровать, о лира,*
> *Твое согласье захотел.*
>
> Не олимпийски прекрасная ясность Пушкина, а мучительная, объемлющая огромный очерк мира мысль Баратынского таинственно и пышно расцвела через сто лет в Блоке, ибо Баратынский был одним из тех мучеников искусства, которым дано *всё видеть* и *всё знать*, а Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное.
> И этим поэзия Блока всегда откровение для тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

---

[15] Месяцем раньше Блок записал в альбом Радловой стихотворение:

Хотел я, воротясь домой,
Писать в альбом в стихах,
Но – ах!
Альбом замкнулся сам собой,
А ключ у Вас в руках,
И не согласен сам замок,
Чтобы вписал хоть восемь строк
Писать стихи забывший
Блок.

Июнь 1920

[Блок, 1999, с. 92],

– отметив его 29 июня в записной книжке: «В Альбом Радловой» [ЗК-61, л. 14 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 495]). 29 декабря 1919 г. по поводу Радловых к Блоку обратился Алексей Ремизов: «Прошу за Радловых Анну и Сергея (Анна Дмитриевна и Сергей Эрнестович Радловы В<асильевский> О<стров> I л<иния> 40 кв. 4) произвести их в члены Дома Искусств и выдать членские билеты» [Блок, Ремизов, 1981, с. 125].

[16] Программа вечера была оглашена в афише: «В помещении Вольфилы (Чернышева пл<ощадь>, д. 2, подъезд 1) в четверг 29-го июля 1920 г. состоится вечер Александра Блока по следующей программе: Р.В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово. Александр Блок прочтет 1) поэму “Возмездие”, 2) Стихи. Начало в 7½ часов вечера» [Блок в переписке, 1982, с. 506]. Блок отметил это чтение в записной книжке: «Мой вечер в Вольфиле (Вступ<ительное> сл<ово> Ив<анова>-Раз<умника>). Были мама и Люба. Хорошо» [ЗК-61, л. 17] (ср.: [Блок, 1965, с. 497]).

> На вечере, устроенном <издательством> «Алконост», Блок читал фрагменты поэмы «Возмездие», первая песня которой была напечатана в «Русской Мысли». Написана поэма четырехстопными ямбами и содержание ее – история трех поколений одной русской семьи, начиная с семидесятых годов.
> Со времени «Евгения Онегина» в русской поэзии не было такого мастерского изображения *эпохи*, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет само действие. <…> И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-е годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать «Возмездие», «Скифы» и «Двенадцать», назовут наши бушующие годы временем Блоковским [Радлова, 1920, с. 1].

Несмотря на привычку к аншлагам, Блок отказался читать стихи, а предпочел сказать несколько общих слов о Союзе поэтов, видимо, предчувствуя, что собравшаяся аудитория окажется совсем чужой и будет предрасположена к тому, чтобы услышать иную поэзию – «революционную». Рейснер с удовольствием использовала этот эпитет где ни попадя, в том числе и по отношению к Блоку. «Вернуться в Петербург после трех лет отсутствия почти страшно, – восклицала она в одном из фельетонов, – что с ним сталось, с этим городом революции и единственной в России духовной культуры? <…> Неужели же в пустыне духа, которую третий год проходит борющаяся новая Россия, неужели в мертвом конце осады, среди страданий, поражений и побед великого народа не подымется голос поэзии, науки и искусства, чтобы благословить, чтобы увенчать эти жертвы, это одиночество в целом мире, эту геройскую обреченность? Неужели никто, кроме Ал. Блока, не даст революции чистого имени и вечного стиха?» [Рейснер, 1920, с. 2].

Однако для присутствовавших в зале б. Тенишевского училища слушателей «революционная» поэзия означала совсем иное, чем то, что продвигала Рейснер, поэтому появления Блока оказалось недостаточно. Потребовалось доказательство безоговорочного принятия новой власти и успешной перековки в «революционные» поэты. Для этого на сцену был выставлен Сергей Городецкий, в прошлом литературный соратник Гумилева и отставной синдик «Цеха поэтов», недавно объявившийся в Петрограде и безоговорочно присягнувший новому режиму. «Это время он провел в Закавказье за пределами советской России, куда он бежал, оглушенный первыми громами революции, – писал пролетарский поэт Федор Грошиков. – Правда, путь из Закавказья в Петроград довольно далекий и нелегкий, но С. Городецкий сделал путь еще более

далекий и еще более трудный – он пришел к революции. Он пришел с “того” вражеского лагеря» [Грошиков, 1920, с. 4]. Впрочем, оправдать Городецкого не представлялось возможным, как бы он ни старался соответствовать новому правопорядку:

> 4 августа состоялось первое выступление «нового» С. Городецкого с чтением последних произведений.
> Творчество Городецкого многим известно. В свое время немало говорилось и писалось о нем как о создателе своеобразного течения в поэзии, давшего впервые каноны акмеизма.
> Многие еще не забыли лучшего сборника его стихов «Ярь», вышедшего в годы беспросветно-душной реакции (1907 г.). В эти дни мистических сумерек человеческой мысли он создал своих солнечных, ярких, языческих богов, осветивших гнилое, нездоровое болото общественной жизни.
> В дальнейшем своем творчестве Городецкий потерял себя и своих ярких богов и с головой ушел в интеллигентную пошлятину, а с началом войны в позорный шовинизм. Трудно простить поэту его известное стихотворение «Сретение царя». Но в то время не он один поддался на провокацию патриотизма; в ней повинна, за небольшим исключением, вся тогдашняя интеллигенция.
> Автор прочитал ряд новых стихотворений из циклов: «Молот и Серп», «Нефть» и «Грузинские ночи» [Там же].

В своих воспоминаниях Николай Тихонов описывал этот вечер едва ли не как процесс публичного избиения Городецкого:

> Ларису Рейснер я почти не знал, я слышал, что она стала комиссаром Балтфлота. Но сочетание Городецкого и ее вступительного слова настолько поражало, что я пошел на этот вечер.
> Народ, конечно, был самый разный. Главным образом молодежь, студенты, молодые рабочие женщины. Эти люди представляли зрелище восторженное, они все были обносившиеся, полуголодные, скромные. Это пришли люди действительно слушать стихи.
> И вдруг перед нами появилась красотка. Молодая красавица, блестящая, она была великолепно, я бы сказал, вызывающе одета, в розовой шляпке, очень уверенная. Я не знал Ларисы Рейснер и первый раз в жизни ее видел, и она производила впечатление какого-то видения из другого мира. Начался вечер. <…> И вдруг с первых же слов этой красотки начался полный разгром Городецкого. Это был такой разгром, как будто его пригвоздили к позорному столбу, против него были обращены ядовитые речи, смертельные обвинения. После

такого выступления участнику можно <было> только возмутиться и протестовать.

Но никаких протестов не было, Городецкий сидел, слушал. И вот Лариса Рейснер кончила свою обвинительную речь и, довольная собой, села как ни в чем не бывало. Городецкий подошел к ней, горячо поблагодарил за выступление и даже поцеловал почтительно ее руку. Потом он начал читать стихи. Но стихи читал революционные[17] [Тихонов, 1980, с. 116–117].

Судя по тому, что у вечера в «Тенишевском зале» была предыстория[18], можно предположить, что Городецкому было известно о том, через что ему предстоит пройти на «трудном пути к революции». 20 июля они вместе с Рейснер посетили Блока, который отметил в записной книжке: «Лар<иса> Мих<айловна> Раскольникова вечером, Городецкий и Е.Ф. Книпович и Оцуп» [ЗК-61, л. 16] (ср.: [Блок, 1965, с. 497]). Присутствовавший поэт Николай Оцуп позже написал об этом визите:

Внизу послышался треск мотора. «Вероятно, за мной из Чека», – улыбнулся Блок. Любовь Дмитриевна встала и, поглядев в окно, крикнула: «Сашенька, какая-то дама и… Сережа Городецкий». В передней, куда Блоки вышли встретить гостей, раздались восклицания и даже звуки поцелуев.

– Так ты жив? – спросил Блок.

– Благодаря ей, благодаря Ларисе Михайловне, – отвечал Городецкий, бывший с белыми белым, с красными красным, но захваченный красными, как белый где-то на юге, и в самом деле спасенный от расстрела комиссаршей Ларисой Рейснер. Спутницу Городецкого, ныне покойную, я знал еще по университетскому кружку поэтов. Амбициозная, красивая, сероглазая поэтесса, издательница и редактор претенциозного журнальчика «Рудин» Лариса Рейснер тогда уже обещала стать чем-то из ряда вон выходящим. Она и стала комиссаршей, женой Раскольникова, блестящей звездой советских салонов.

---

[17] Чтобы показать свою лояльность, Городецкий тогда же напечатал стихотворный фельетон «Покойнички» с несуразной концовкой:

Где стоял, там и сел
На сенце я:
До конца уразумел,
Что значит интеллигенция.

[Городецкий, 1920а, с. 3]

[18] См. индифферентную запись Блока: «Вечер Городецк<ого> с Л. Рейснер в Тениш<евском> Зале, *мое слово о* “*Союзе поэтов*” – в 7 часов» [ЗК-61, л. 17 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 498]).

Утверждают, что, будучи комиссаршей во флоте, она сама подписывала смертные приговоры.

Городецкий и Рейснер, только что приехавшие с юга, восторженно заговорили о «Двенадцати». Блок молчал.

– Покажи, Саша, все, что выпустил за это время, – попросил Городецкий.

Блок покорно пошел за книжечками «Алконоста».

Просмотрев книжечки, Городецкий начал говорить о себе, о мерзавцах белогвардейцах, о великой красной армии, о гениальном Раскольникове, о том, какою дорогой ценой он, Городецкий, купил счастье жить в великой рабочей республике. Блок слушал эту коммунистическую тарабарщину, всё более и более омрачаясь.

Чтобы изменить разговор, мать Блока спросила Ларису Рейснер:

– Как же вы себя чувствуете среди матросов. Вероятно, атмосфера простая, здоровая.

– О, нет, половина матросов больна сифилисом.

Лариса Рейснер любила бравировать цинизмом, и у Блока хотела щегольнуть свободной от «предубеждений и ложного стыда». После неловкой паузы Рейснер обратилась к Блоку с предложением прочесть несколько лекций во флоте.

Блок отказался с милой улыбкой.

– Но паек… – начала Рейснер.

Блок отказался резко, уже без улыбки [Оцуп, 1927, с. 4].

«Первое, что он мне сказал, когда мы обнялись летом 20-го года после долгой разлуки, – припоминал Городецкий, – это то, что он колет и таскает дрова и каждый день купается в Пряжке. Он был загорелый, красный, похожий на финна. <…> Встреча эта была чудесная, незабвенная. “Милому с нежным поцелуем”, написал он мне на “Двенадцати”. Опять сидели за столом, как в юности, все, Любовь Дмитриевна <Блок> и Александра Андреевна <Кублицкая-Пиоттух>» [Городецкий, 1922, с. 87]. Блок, действительно, подарил Городецкому «Двенадцать» (Пг., 1918) с инскриптом «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. Ал. Блок. 20 июля 1920» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 52]. 22 июля Кублицкая-Пиоттух писала Марии Бекетовой: «Приехал Городецкий. Был у нас. Он всё такой же веселый и славный. Записался в партию коммунистов» [Блок в переписке, 1982, с. 505].

Действительно, по прибытии в Петроград Городецкий придерживался в своих печатных выступлениях исключительно большевистской линии. «Вся огромная писательская братия отыгралась от революции одной, правда гениальной, но всё же одной поэмой: „Двенадцатью“ Александра

Блока“», – писал он в «Разложении интеллигенции» [Городецкий, 1920б, с. 1][19]. В другом памфлете, напечатанном несколько дней спустя в той же газете, он снова не смог обойти поэму Блока: «В общем, поэзия постояла за себя. И как венец ее, как первый поэт наших дней, медленно, но верно растет Блок. Его “Двенадцать”, написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг. И если б он раскрыл сейчас свои уста и за двенадцатью увидел миллионы, – а это будет, этого все ждут, как праздника, – если б он допустил себя до радости понять всё происходящее, то за судьбу поэзии можно было б быть спокойным» [Городецкий, 1920в, с. 2][20].

Категорическим неприятием такой «смены вех» можно объяснить отсутствие на вечере петроградского Союза поэтов Гумилева, одного из его учредителей, тем более что за два дня до этого Городецкий побывал на его чтениях в Доме Искусств[21]. «В четверг (5-го августа 1920 г. – *А.У.*) я познакомилась с Сергеем Городецким… – записала чувствительная современница. – Он мне не понравился. Лицо – хищной птицы. Зубы – хищного зверя. И говорит обо всем со страшным апломбом» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 380]. Сам же Городецкий потом признавался в одной из автобиографий: «Летом вместе с Ларисой Рейснер я поехал по Волге в Нижний, где в Сормове состоялось первое мое выступление перед русской советской аудиторией. Затем работал в Петрограде, где меня назначили начальником литературной части Политуправления Балтфлота. Из старых друзей я встретился с А. Блоком. Встречи с Н. Гумилевым окончились полным разрывом» [Городецкий, 1966, с. 19][22].

---

[19] См. также в написанном им некрологе Блока: «На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее» [Городецкий, 1921, с. 58].

[20] В тот же день Блок отметил в записной книжке: «Моховая. Хлеб. Горьк<ому> об Оцупе. Жалованье (Всемирка). Всё заседание – о фельет<оне> Городецкого и о пайках» [ЗК-61, л. 18 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 499]). См. также чуть более поздний памфлет Городецкого «Литература и мещанство» [Городецкий, 1923].

[21] Как было объявлено в афише: «В Понедельник, 2-го Августа ВЕЧЕР Н. ГУМИЛЕВА 1) Из африканских воспоминаний (проза). 2) “Дитя Аллаха” (Драматическая поэма). 3) Стихи. Начало в 7 час. веч.» (цит. по: [Гумилев, 1988, между с. 128–129]). См. отчет о вечере: [Оцуп, 1920, с. 1]. В тот же день накануне выступления Гумилев провел занятия в переводческой студии М. Лозинского: «В малиновой гостиной заняты все стулья и кресла и сидят на ковре. Два окна закрыты ставнями, а на фоне третьего колючий, сутулый, в лиловой куртке – Ремизов, он читает. И голос его звучит таинственно и уютно. Я слушаю с большим удовольствием и жалею, что нет рукоделья. <…> Затем в зале звонко взлетают отточенные рифмы. Это – Гумилев. Я сижу, широко открывая глаза» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 379].

[22] См. также его записки, отправленные Рейснер 1 августа 1920 г. со следующим пояснением: «Дорогой друг. Я написал вам этапы своего мучительного литературного пути. Все воскресло в памяти. Многое во мне вам станет понятным. Сохраните эти листы – это единственное, что я о себе записал. Посылаю книги. Целую ваши милые руки и Федора Федоровича (Раскольникова. – *А.У.*) целую» [Городецкий, 1969, с. 187].

Вскоре после расстрела Гумилева Городецкий позволил себе неуместные высказывания по его адресу в воспоминаниях об умершем Блоке, впрочем, и его не избавив от упреков. Без тени смущения припомнил он и свое позорное появление на сцене Тенишевского зала:

> Усталой души Блока хватило только на последний порыв. И за месяц своего пребывания в Петербурге я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено. Вскоре я его увидел во всех позах его последней жизни: на вечере его в Вольфиле, где он читал «Возмездие» аудитории из дам и барышень, любивших в нем совсем не то, куда он шел сокровенно; в палаццо «Всемирки», где он дэндировал революцию вместе с ненавистным ему Гумилевым; в канцеляриях, в заседаниях. Был еще хороший момент, когда он пришел к Раскольниковым в Адмиралтейство, …где Лариса Рейснер, прошедшая всю Волгу и Персию с революционерами, была неодолимым агитатором, где были немецкие товарищи, приехавшие на Коминтерн. <…> Любовь и уважение этих новых людей дали ему оценить петербургское литературное болото, которое затянуло его с головой. Он опять был весел, молод, остроумен и силен. Но на утро опять начиналась осада эстетов и литераторов и канцелярская скука. <…>
>
> На моем вечере в Думе, где я читал новые стихи, в которых с обычным мне наскоком на будущее фиксировал в данность желаемое и требуемое, он очень взволнованно говорил мне, что не всё принимает, что я многого не вижу и не знаю[23]. Этот разговор продлился потом, и в последние дни перед моим отъездом дошел до разлада, правда, не такого, какой у меня произошел с депутацией петербургской интеллигенции, возглавляемой Гумилевым, но всё же трещина ощутилась очень болезненно, и с этим тяжелым впечатлением я и уехал, чтобы не увидеть Блока никогда больше [Городецкий, 1922, с. 87–88][24].

Осенью 1920 г. вечера петроградского Союза поэтов стали проводиться достаточно регулярно. Пробный «Вечер поэтов с музыкальным

[23] «Я все еще запряжен в балтфлотские дела, и к тому же начинаю “линять” – устаю, – писал Городецкий Блоку 8 августа. – И все нет тихого вечера для беседы с тобой, что мне особенно нужно после твоих фраз о моих стихах. Мне было очень трудно перед аудиторией, от которой я совершенно отвык, – на моем вечере. А ведь то, что я выступил именно перед ней, было, м<ожет> б<ыть> бессмысленным опытом начать стягивать концы раны, оторвавшей интеллигенцию от революции, – что делаешь и ты – “Двенадцатью”, и что, по-моему, первый долг твоего союза поэтов. Но ничего не вышло, у меня было ощущение горькой пустоты после вечера, я опять попался на удочку чуда» [Блок, Городецкие, 1981, с. 61].

[24] Об отношениях Гумилева с Городецким после возвращения последнего с Кавказа см.: [Тименчик, 2017, с. 496–506].

отделением», в котором было заявлено выступление Гумилева и Владимира Пяста, состоялся в Павловске, в 1918 г. переименованном в Слуцк[25]. «7 сентября состоялся первый вечер поэтов в Павловском вокзале, – говорилось в газетном отчете. – В первом отделении вместо Н.С. Гумилева выступил Сергей Ауслендер-Нельдихен, Вл. Пяст, Н.М. Граудан (заменивший виолончелиста Е.В. Вольф-Израэля) и Р.А. <Г>риневич (пение). Большое впечатление произвела во втором отделении поэтесса <Н.В.> Голубицкая-Корсак, как мастерством своего стиха (“Псалом”, “Перстень” и др.), так и совершенством передачи» (ЖИ. 1920. № 554–555. 11–12 сентября. С. 2. Ср.: [Галушкин, 2005, т. 1, ч. 1, с. 617–618]).

В начале сентября было принято решение, что постоянной площадкой для поэтических вечеров петроградского Союза поэтов станет Дом Искусств, или «“Диск”, как иногда его называли» [Ходасевич, 1997, с. 275]. Параллельно с этим вопросом обсуждалось участие членов Союза поэтов в дебютном выпуске журнала «Диска». 8 сентября Блок отметил в записной книжке: «На Засед<ании> Высш<его> Совета Дома Иск<усств> (о кн<ижной> лавке, о журнале)», а еще несколько дней спустя записал: «Н.А. П<авлович> – поселить в Доме Иск<усств>[26]» [ЗИ-61, л. 20 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 501]).

«Для публичных выступлений Союз поэтов вошел в соглашение с Домом Искусств, в залах которого состоялось пять вечеров стихов, – сообщалось в обзорной статье. – Первый 4-го сентября – Ал. Блок. – “Возмездие” (поэма), В. Зоргенфрей, Н. Оцуп – “Александрина” (поэма), Всеволод Рождественский, Надежда Павлович – “Серафим”, М. Шкапская – “Mater Dolorosa”. Второй – 11 сентября: Н. Гумилев, Георгий Иванов, Наталия Грушко, Борис Евгеньев, Л. Берман, С. Нельдихен-Ауслендер, Ирина Одоевцева. Третий вечер: Вера Аренс, Дм. Крючков, М. Кузмин, О. Мандельштам, Анна Радлова, Дм. Цензор

[25] См. афишу: ЖИ. 1920. № 550. 7 сентября. С. 1. Ср. оговорки А. Кублицкой-Пиоттух в письмах к М. Бекетовой 3 сентября: «Про Союз поэтов: он еще только налаживается», – и 18 сентября 1920 г.: «“Союз поэтов” еще только возникает, ничего не оформилось, и не знаю будет ли в нем толк. Некому руководить. Деточку (А. Блока. – *А.У.*) чуть не силком принудили быть председателем, и Надя Павлович – секретарь, растеряха, больная, беспорядочная и проч.» [Блок в переписке, 1982, с. 509, 510].

[26] Благодаря участию Блока, Павлович поздней осенью 1920 г. переехала из Максимилиановского переулка в общежитие Дома Искусств. «Заключительные слова» Эдгара в редакции Блока приведены Вл. Орловым по хранившейся у него машинописи перевода «Короля Лира» с пометками Блока и Замятина (см.: [Блок, 1965, с. 600]):

Смиримся же пред тяжкою годиной;
Да, говорите, что подскажет сердце,
Никак не то, что говорить должны.
Всех больше вынес старец. Юны мы,
Не суждено нам видеть столько тьмы.

и т.д.» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74.). Указанные в этом отчете даты – неверны, но именно из этого отчета они попали в публикации последующих лет, начиная уже с рукописи Лукницкого[27].

Вечера Союза поэтов были запланированы на общем заседании 7 сентября:

> Устроить в ближайшем времени следующие вечера в Доме Искусств:
> 1) В среду 15-го сент<ября>.
> Стихи
> 1 отд<еление>
> В. Зоргенфрей
> Н. Оцуп
> Н. Павлович
> В. Рождественский
> М. Шкапская
> 2 отд<еление>
> А. Блок – «Возмездие» (поэма)
> 2) Вечер стихов с участ<ием> Н.С. Гумилева
> 3) 29 сент<ября> юбилейный вечер М. А. Кузмина
>
> Устройство вечеров (за исключ<ением> худож<ественной> части вечера М.А. Кузмина) поручить хозяйств<енной> комиссии.
>
> [цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 691–692]

Как извещала газета «Жизнь Искусств» в развернутой статье «В “Союзе поэтов”», начало «публичным выступлениям» в Доме Искусств, согласно решению Высшего Совета, должен был положить поэтический вечер 15 сентября 1920 г.:

> Союз поэтов устраивает ряд вечеров, в которых примут участие: Ирина Одоевцева, Вера Аренс, Анна Ахматова, Л. Берман, А. Блок, Вл. Гиппиус, С. Городецкий, Наталия Грушко, Н. Гумилев, Борис Евгеньев, К. Эрберг, В. Зоргенфрей, Георгий Иванов, Вл. Княжнин, Дм. Крючков, М. Кузмин, М. Лозинский, С. Нельдихен-Ауслендер, Николай Оцуп, Надежда Павлович, Всеволод Рождественский, Анна Радлова, Лариса Рейснер, Маргарита Тумповская, Александр Тамамшев, Дмитрий Цензор, Мария Шкапская.
>
> Первый вечер состоится в Доме Искусств в среду, 15-го сентября, по следующей программе: Александр Блок – «Возмездие» (поэма), Николай Оцуп – «Александрина» (поэма), В. Зоргенфрей, Н. Павлович, Вс. Рождественский и М. Шкапская – стихи. <…>

[27] Публикаторы «Трудов и дней Н.С. Гумилева» в подтверждение ссылаются и на хронику «Николай Гумилев» Е. Степанова (в кн.: [Гумилев, 1991, с. 418–419]), который позаимствовал даты вечеров Союза поэтов из того же журнального отчета.

Все справки, касающиеся «Союза», дает секретарь по телефону 145–73 от 4–6 по пятницам (Симеоновская, 3, кв. 4) (телефон и адрес Вс. Рождественского. – *А.У.*). Возобновлен прием стихов для желающих вступить в «Союз» (Приемная комиссия: А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин, М. Лозинский) (В «Союзе поэтов» // ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2).

Первый вечер Союза поэтов состоялся только неделю спустя: «Назначенный на среду 15 сентября в Доме Искусств первый вечер “Союза поэтов” переносится на среду 22 сентября. Программа та же», – но с тем же заявленным составом выступающих (ЖИ. 1920. № 557. 15 сентября. С. 1.). Блок отметил в записной книжке: «22 ср<еда>. 1ый Вечер Союза Поэтов в Доме Иск<усств>» [ЗК-61, л. 21 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 502]).

Следующим стало чествование Михаила Кузмина. «В среду 29-го сентября в Доме Искусств состоится юбилейный вечер М.А. Кузмина, ввиду исполнившегося пятнадцатилетия его литературной деятельности, организуемый Петербургским Отделением Всероссийского Союза поэтов, – говорилось в официальном заявлении. – В вечере принимают участие: М.А. Кузмин, О.А. Глебова-Судейкина, А.И. Мозжухин, В.Я. Хортик, А.М. Примо и др. В фойе выставка книг, нот, рукописей, рисунков и портретов» (ЖИ. 1920. № 568. 28 сентября. С. 2. См. также афишу: ЖИ. 1920. № 566–567. 25–26 сентября. С. 1). Дополнительные подробности сообщил обозреватель «Жизни Искусства»: «29-го сентября там же Союз поэтов чествует пятнадцатилетие литературной деятельности М.А. Кузмина. В программе намечено: пьеса “Два брата или Счастливый день” в исполнении труппы Передвижного театра и музыкальное отделение, составление которого поручено В.Г. Каратыгину. М.А. Кузмин прочтет ряд своих неизданных стихов. В фойе будет устроена выставка рукописей, нот, книг и рисунков» (В «Союзе поэтов» // ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2).

Это чествование отвечало странной привязанности Кузмина к публичному празднованию собственных дат. Так, предыдущий свой «юбилей» он отмечал 29 октября 1916 г. в петроградском театре-кабарэ «Привал комедиантов», где специально к «Х-летию литературной деятельности М.А. Кузмина» был подготовлен спектакль, включавший также «мимический» балет «Выбор невесты» в постановке хореографа Бориса Романова с декорациями Мстислава Добужинского [Конечный и др., 1989, с. 127–130]. Программа «юбилейного вечера» Союза поэтов не предполагала балетных номеров, но подготовка к нему все равно оказалась довольно непростой.

Накануне празднования организатор юбилея балетный критик Аким Волынский получил паническую записку от Корнея Чуковского: «Я должен уйти экстренно; позвольте самым решительным образом отказаться от завтрашнего выступления на вечере Кузмина. Как я ни думал,

никакой речи у меня не выходит. Тороплюсь сообщить Вам об этом, чтобы Вы могли своевременно принять меры. Мне кажется, что Профсоюзу *не надо* выступать. Всё же это *не идейное* объединение, а чисто матерьяльное» [Чуковский, 2013, т. 14, с. 443][28]. Еще раньше сомнения в состоятельности вечера выразил сам Кузмин. «Разные дела. По-моему, с юбил<еем> мало, что выйдет. Гумилев и Блок писать отказались», – записал он в дневнике 17 сентября [Кузмин, 1981, с. 163].

Тем не менее, все сложилось замечательно – на вечере выступили и Блок, и Гумилев. «Пошли в Дом Искусств. А за нами прислали лошадь, – записывал 29 сентября Кузмин. – Прямо меня провели к Чуковскому и там держали долго. Блок, Рождеств<енский>, Оцуп, Грушко меня берегли. Все вышло отлично, душевно и прилично. Блок читал очень трогательно» [Там же]. «*Юбилейный вечер М.А. Кузмина* (Союз Поэтов в Д<оме> Иск<усств>), – пометил в тот же день в записной книжке Блок. – *Приветствие ему*» [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 503]). «На вечере Кузмина я стихов не читал, а читал ему приветствие в прозе», – сообщил он 18 октября Надежде Нолле-Коган [Блок, Нолле-Коган, 1981, с. 346]. «Домосед и нелюдим, он все же выступает на юбилейном вечере М. Кузмина, – вспоминал блоковскую речь В. Третьяков, – и его приветствие, как всегда, затрагивает глубо-скрытые душевные струны. Он роняет вещие слова: “Мы должны сберечь поэта”, – и сразу все прочие формальные адреса погасли, забылись» [Третьяков, 1927, с. 2].

Блок также оставил автограф на юбилейных страницах «Чукоккалы», между другими записями: «32 м<инуты> 8-го. *М. Кузмин* – юбилей вместе с тем и моего знакомства с К.И. Чуковским»; «8 <часов>. 15 <минут>. Обезьяньему кавалеру Корнею Чуковскому в день юбилея Кузмина. Ну! Ну! *Н. Гумилев*»; «В кондуите Чуковского расписался. *Виктор Шкловский*. *Ник*. *Оцуп*»; «Юбилей Кузмина удался. Мне ужасно понравился весь дух. *А. Кублицкая-Пиоттух*»; «Молчу и жду чужих речей. Сам я оратор, увы, не юбилейный. *А. Волынский*» [Чукоккала, 1999, с. 273][29].

[28] Ср. его нелестное замечание о Волынском в дневниковой записи 11 января 1920 г.: «Поразительный человек! Природный приживальщик. Живет у нас в Доме Искусств – припеваючи и все ноет, все жалуется – заработки у него огромные, – человек он одинокий, но все попрошайничает…» [Чуковский, 2013, т. 11, с. 285].

[29] «В Доме Искусств было отпраздновано несколько юбилеев, – пояснял Чуковский. – Среди них мне особенно памятен юбилей поэта Михаила Алексеевича Кузмина, на котором Блок произнес задушевную речь. “Как это чудесно, – говорил он, обращаясь к юбиляру, – что, когда мы все уйдем, родятся новые люди, и для них опять зазвучат ваши ‘Александрийские песни’ и ваши ‘Куранты любви’ – те самые, которые омывали, и пропитывали, и жгли солью музыкальных волн души многих из нас… Мы от всего сердца желаем, чтобы создалась, наконец, среда, где мог бы художник быть капризным и прихотливым, как ему это нужно, где мог бы он оставаться самим собой, не будучи ни чиновником, ни членом коллегии, ни ученым”. На юбилее присутствовала мать Блока, которая горячо аплодировала сыну» [Чукоккала, 1999, с. 273].

Поклонник Кузмина критик Эрих Голлербах сообщал подробности вечера в отчете, написанном по свежим следам для «Жизни Искусства»:

> Первое приветствие произнес А.А. Блок от имени Всероссийского Союза поэтов, который, по словам оратора, задается целью сберечь таких людей, как М.А. Кузмин, охранить их от суровых условий повседневности, дать поэту возможность работать непринужденно и бестревожно. «Года проходят, многое изменилось, – сказал А.А., – а вы – всё тот же:
>
> *Венок над головой, полуоткрыты губы,*
> *Два ангела напрасных за спиной».*
>
> Были и еще речи. Говорили: Н.С. Гумилев от коллегии редакторов издательства «Всемирная Литература», Б.М. Эйхенбаум от Дома Литераторов, В.<А.> Чудовский от Дома Искусств, С.<М.> Алянский от «Алконоста» (прочитавший также потешный адрес, сочиненный А.М. Ремизовым в свойственном ему стиле), В.<Б.> Шкловский, В.<Р.> Ховин. <…>
> Отвечая ораторам, М.А. Кузмин в кратких словах поблагодарил всех присутствующих за внимание и честь.
> Новый рассказ, прочитанный М.А., и стихи, прочитанные им во 2-м отделении, показали, на какой чудесной высоте продолжает держаться талант писателя, который, в противоположность многим «маститым», с годами не разменялся на пустяки, не утратил силы и свежести своего дарования. <…>
> Вечер закончился стихами М.А., которые ему пришлось бы читать без конца, если бы не позднее время; публика была безжалостна к своему любимцу и бурными аплодисментами выражала желание слушать еще и еще красочные, мелодичные стихи, изысканные [Голлербах, 1920, с. 2].

Вообще «Жизнь Искусства» устроила настоящий «праздничный парад». В приуроченном к юбилею выпуске газеты на первой странице были опубликованы статьи «О прозе М. Кузмина» Бориса Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1920] и «Необходимый парадокс. (М.А. Кузмин и “Жизнь Искусства”)» Николая Стрельникова (под его поэтическим псевдонимом «Яков Пущин») [Стрельников, 1920]. 7 октября там же была напечатана статья Виктора Жирмунского «Поэзия Кузмина» [Жирмунский, 1920], а 12 октября – очерк Игоря Глебова (Бориса Асафьева) «Музыка в творчестве М.А. Кузмина» [Асафьев, 1920]. При том, что в месяцы, предшествующие юбилею, в газете появилось лишь единственное сообщение о его литературной работе: «Писатель М.А. Кузмин, по заказу издательства <З.И.> Гржебина, заканчивает монографии композиторов Гретри, Россини и Делиба» (ЖИ. 1920. № 502. 13 июля. С. 1).

Оказавшаяся на праздновании в Доме Искусств неожиданно и в сопровождении влюбленного в нее Михаила Лозинского[30] Ада Оношкович-Яцына (1896–1935) описывала свои впечатления от «юбилейного вечера»:

> Когда я попала в битком набитый душный зал, где на эстраде что-то читал, запинаясь, маленький ненастоящий Кузмин, <меня> сразу охватила удивительно родная атмосфера.
> Вот в углу черная голова Раи <Блох>, Лева Лунц, Катя <Малкина>, а между <Николаем> Радловым, <Валерианом> Чудовским, Анной Радловой, <Николаем> Оцупом, Гумом <Гумилевым> и К° – Шерфоль <Лозинский>.
> Кузмин дочитывал рассказ, по-видимому, что-то интересное о двух близнецах, но, опоздав к началу, я ничего не могла понять. Дребезжащий голос звучал откуда-то издали, глотались и слова. Я бросила тщетную попытку постигнуть, в чем дело, и занялась тем, что рассматривала профиль Шера <Лозинского>. Кузмин кончил, и начались вокальные номера. Второе отделение. Я теряла представление о времени и месте, слушая Александрийские песни. Затем на эстраде пели старинные раскольничьи «духовные песни», похожие на нестеровские рисунки – «пятница, красота христианская». Я знала, что Шеру они нравятся больше Александрийских песен, и когда Катя спросила его об этом – так и оказалось[31] [Оношкович-Яцына, 1993, с. 384].

В обзорной статье «Союз Поэтов» вечер Кузмина был признан едва ли не самым успешным из устроенных в Доме Искусств:

> Наиболее удачным из всех начинаний Союза <поэтов> следует считать юбилейное чествование М.А. Кузмина (пятнадцатилетие литературной деятельности), прошедшее с исключительным подъемом и успехом (29 сентября в Доме Искусств). Были оглашены приветствия: от Союза поэтов (Ал. Блок), от издательства “Всемирная Литература” (Н. Гумилев), от изд<атель>ства “Алконост” (<С.> Алянский), от изд<атель>ства “Очарованный странник” (В.Р. Ховин), от Дома Литераторов (Б.М. Эйхенбаум), от “Общества Изучения Поэтического Языка” (Викт. Шкловский),

[30] См. ее каламбурную запись 29 октября, обыгрывающую название дебютного сборника стихов Лозинского 1916 г.: «Убеждала себя, что должна отказаться от Ш<ерфоля> и не мутить его горный ключ» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 387].

[31] См. также ее запись 28 сентября: «Последний семинар Шера перед отъездом его в Дом отдыха на две недели в Царское Село. <…> – Завтра юбилей Кузмина. Вы не собираетесь <…>? – Я вряд ли смогу. <…> – А я должен быть, неудобно. – Нет, я не пойду. Еще столько дела в квартире! Такой хаос! Шагаю под звездным небом домой и не знаю, не засосет ли меня завтра на Кузмина какая-то неведомая сила?» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 384].

от Дома Искусств (Вал.А. Чудовский), от Ал.М. Ремизова (жалованная грамота Кавалеру и Музыканту ордена Обезьяньего Знака) и др. (Союз поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74.)

Более того, этот вечер стал темой стихотворения Александра Беленсона «На юбилее М.А. Кузмина», вторую половину которого он посвятил выступлению Блока и повторил слова из его речи – «Мы должны сберечь поэта»:

Александрийской мне затеи
Стихи Духовные милее,
В них вера русская видна.
Как на старинных медных кубках,
Острится профиль Кузмина.
Певец сетей, голубок хрупких,
Ведомый мудростью вожатый,
Он держит розу, и она,
Любовно кем-то подана,
Рукою бережной не смята.

А рядом профиль светлый Блока,
Задумчивый, голубоокий
В искусственном мерцанье свеч.
С улыбкой беззащитной детской
Его взволнованная речь
О доле русской, не немецкой.
О том, что средь развалин храма,
Где прежде крест был, нынче – меч,
Должны поэта мы беречь
И сохранять разбитый мрамор.

[Беленсон, 1922[32], с. 27]

Последующие вечера Союза поэтов должны были придерживаться того же расписания. «В среду 6 октября с<его> г<ода> <в> Доме Искусств состоится организуемый Всероссийским Союзом поэтов второй вечер стихов, – сообщала хроника, не принимавшая в счет «юбилейный вечер» Кузмина, – при участии Нат. Грушко, Н. Гумилева, Бориса Евгеньева, Георгия Иванова, М. Лозинского, С. Нельдихен-Ауслендера,

[32] См. отклик на эту книгу другого поклонника Кузмина, поэта Иннокентия Оксенова: «Мы ждем с нетерпением обещанного издательством “Атеней” “Неизданного Пушкина”; мы понимаем необходимость и интерес подобных собраний неизданных произведений каждого выдающегося поэта. Но не совершил ли Александр Беленсон известного рода некорректность, выпустив в свет “Неизданного Кузмина” при благополучно здравствующем поэте и дав, кроме того, этому собранию свое собственное творческое имя? Но шутки в сторону. Где кончается Кузмин и начинается Беленсон, не скажет самый отважный исследователь “гностических” премудростей “Тесных врат”. Темы, словарь, ритмика – короче сказать, всё, без исключения, заимствовал Беленсон у Кузмина. <…> За каждым стихотворением Беленсона явственно сквозит второй план – творчество Кузмина, питающее нашего автора. Местами это дает впечатление не стилизации, а пародии» [Оксенов, 1923].

Ирины Одоевцевой и Маргариты Тумповской. Билеты в Доме Искусств и в Доме Литераторов. Начало в 6 час. веч.» (ЖИ. 1920. № 574. 5 октября. С. 3). Об этом вечере написал Михаил Слонимский в статье «Вздутожилая поэзия»[33], позаимствовав эпитет из стихотворения «Человек человеку – волк (Вечер)» Сергея Нельдихена, чьи неожиданные поэтические опыты были у всех на слуху осенью 1920 г.:

> На протяжении семи лет – три резко различающихся поколения – люди мирного, военного и, наконец, революционного времени. <…>
> Молодые поэты, придавленные стихотворной техникой Гумилева, безнадежно блуждают между Блоком, Ахматовой, Гумилевым, Маяковским… Учатся в студии, как писать стихи, и никак не могут перестать быть учениками.
> Строить новое направление легко, – стоит только взглянуть во французский словарь: там много хороших слов – image, например; остается прибавить «изм» и направление готово – имажизм или, покрасивее, имажинизм.
> Каждый чувствует, что должно же быть, наконец, что-то новое, и поэты бьются, чтобы это новое сказать. А новое мелькает неясно, и никак нельзя его ухватить.
> Публика стекается на вечера поэтов, академически хлопает академически хорошим стихам и запоминает фамилии, отпечатанные на афише.
> Последний вечер поэтов, устроенный в Доме Искусств, обещал быть таким же спокойно академически интересным, как и предыдущие. Обещали это и имена участников: Гумилев, Георгий Иванов, Нат. Грушко.
> Но внезапную остроту предал вечеру С. Нельдихен-Ауслендер. Внезапно публика услышала человека новой формации.
> Нельдихен-Ауслендер взял верный путь: его поэма – это автобиография. Прием его – полная телесность образов, конкретизация, доведенная до necplusultra. Он нисколько не стесняется употреблять «непоэтические» образы и обороты речи.
> <…> Поэтической лжи в нем нет ни капли. Он нисколько себя не стилизует и выбирает самые грубые эпитеты для определения себя и окружающего мира. <…>
> Сказал Нельдихен-Ауслендер мало и не всё сказал хорошо, но его «вздутожилая» поэзия, если не собьется с дороги, может в будущем открыть новое и неожиданное.

[33] В рукописи название статьи было прочитано неверно, поэтому она была опубликована под заголовком «Вздутогнилая поэзия» (см. [Нельдихен, 2013, с. 408–409]).

Во всяком случае его стихи (странно применить это академическое слово к тому, что пишет Нельдихен-Ауслендер) ярко оттенили всё то новое и старое, что было на вечере, – и поэтов мирного времени Нат. Грушко и Г. Иванова, и прекрасные баллады Ирины Одоевцевой, романтизирующие современность, и «Заблудившийся трамвай» Гумилева [Слонимский, 1920, с. 1].

Следующий вечер, объявленный в «Жизни Искусства»: «В среду 13-го октября с<его> г<ода> в Доме Искусств состоится третий вечер стихов. Будут читать свои произведения Вера Аренс, Дмитрий Крючков, Мих. Кузмин, Вл. Пяст. Билеты в Доме Искусств и в Доме Литераторов. Начало в 7 час. вечера» (ЖИ. 1920. № 577. 8 октября. С. 1), – оказался и последним из устроенных в «Диске». Воспоминания об этих вечерах Союза поэтов оставил В. Третьяков:

Вечером в Доме Искусств, в его белом парадном зале снова увидишь украшенье Петербурга – старенького Кони на костылях и с палкой. Он всё же читает лекции в разных концах. <…> Голос еще крепкий в старом человеке, привычный, спокойный, повсюду слышный. И какой выговор!

В другой вечер К. Чуковский тут же броско, искристо прочтет о Маяковском и Ахматовой. Назовет их «Две России» – уличной и монашеской. Он всегда умеет найти, чем восторгаться даже в малосимпатичном. Этот находчивый восторг – его орудие. И всегда есть что-то детское в его подходе, удивляющееся. Он умеет удивляться и восторгаться, и этим заражает слушателя. А кто еще из критиков наших владеет таким искусством?[34]

Читая о двух Россиях, Чуковский обещает в следующий раз коснуться одной гениальной поэмы – «Возмездия» Блока. А он тут же сидит в своем френче у боковой стены, и знающая публика (отборная здесь) сейчас же обращает на него взоры. Две барышни, улыбаясь, переглядываются друг с другом, найдя Блока среди сидящих. Это столичное

[34] Ср. замечание Третьякова о зависимости стихотворений Ахматовой от поэзии Гумилева: «Что из того, что она много раз рифмует любовь и кровь, очи и ночи, поле и воля или пишет часто простыми старинными метрами и размерами. Живость, искренность, изысканная ритмика ее песни, своеобразие подхода в жизни искупают всё это. <…> А какая трепетная нежность к любимому, к милой русской природе, к простым обыденным вещам у этой поэтессы-монашенки с огненным сердцем. В этом всепрощающем и тихом любовном созерцании у нее общее с М. Кузминым. <…> Будучи женой покойного поэта Гумилева, она примкнула к его теории “адамизма”, но всё-таки сумела ярко сохранить свое лицо. Среди ее стихов немало найдется, конечно, навеянных личностью и поэзией такого первоклассного мастера слова и обаятельного человека, как Гумилев» [Третьяков, 1921б, с. 2].

обожание писателя, а не крикливая влюбленность провинциальных барышень в актеров.

В антрактах по комнатам Дома Искусств весь литературный Петербург. Седовласый изможденный писатель, а рядом литературный молодняк: Н. Оцуп, Рождественский, Одоевцева. Отовсюду слышны суждения завсегдатаев, а не случайных посетителей.

На вечере стихов та же избранная петербургская публика. Сидя, читает Блок спокойным, матовым, слегка носовым голосом отрывок из «Возмездия»[35]. Гумилев, стоя и наизусть гортанным голосом[36], металлическим баритоном произносит свои стихи, а в заключенье поэму[37].

Читает Шкапская; тогда еще начинавшая, неокрепшая, вызывавшая еще улыбку сентиментальностью подхода. Читает торопливо, смущенно Рождественский свои жизнерадостные стихи. Выходит Нельдихен и начинает свою шутовскую «Лабораторию медицинских исследователей». Публика уже ждет от него чего-нибудь особенного и заранее улыбается. Читает круглый, солидный, но молодой Оцуп поэму из белорусской жизни. Он тогда носился с идеей насаждения в России большого эпоса[38].

---

[35] «Еще звучит в ушах его спокойный, как будто сдерживающий огромную лирическую силу, голос, – писал Третьяков в статье памяти Блока, – видишь еще так четко его медленные жесты и походку. Вот он, спускаясь размеренным шагом с лестницы издательства “Всемирной Литературы” на Моховой, отщипывает кусочки от своего хлебного литературного пайка и подносит ко рту. Вот он у себя на Офицерской в защитном френче и сапогах, как всегда сдержанный, смотрит куда-то через собеседника своими удивительными глазами вещих скандинавских бардов» [Третьяков, 1921а, с. 3].

[36] См. диаметрально противоположный отклик о манере чтения Гумилева: «Читали свои стихи сами поэты, – одни лучше, другие хуже. Хуже всех оказался, как чтец, Н. Гумилев, который старался произносить “стихи с тем напевом”, который одно время был таким модным, а теперь, потеряв прелесть новизны, стал невыносим, когда бы не чувствуете в нем музыкального ритма, а видите (как у Н. Гумилева) одно лишь мучительное старание не отстать от “моды”…» (К. <Канкарович А.?> Оранжерейная поэзия // ЖИ. 1921. №№ 786–791. 26–31 июля. С. 3). Ср.: «Говорил Гумилев слегка шепелявя, успокаивающе-ровным голосом» [Лурье, 1923, с. 9].

[37] Владимир Шкловский вспоминал совместные чтения Гумилева и Блока: «Высокие, несгибающиеся, стоя друг перед другом, оба читали вслух свои стихи особым распевным рецитирующим тоном, характерным для петроградских поэтов, когда они сами декламируют, и который отмечен Эйхенбаумом в его статьях» [Шкловский, 1922].

[38] См. в репортаже В. Третьякова «Петроградские письма»: «“Деревенскими ямбами” щеголяет насквозь акмеистический, поэтически разборчивый Вс. Рождественский, очень четкий и впечатляющий. <…> Верный своему принципу больших композиций, призванных теперь на смену мелкой лирике, Николай Оцуп опубликовал на последнем вечере поэму из современной белорусской жизни “Александрина”» (Театр и жизнь (Рига). 1920. № 3. С. 7)» [цит. по: Рождественская, Тименчик, 1987, с. 693]. Ср. саркастическую ремарку Блока 13 сентября: «“Александрина” Оцупа (к образов<анию> лит<ературной> среды)» [ЗК-61, л. 20 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 501).

После вечера возвращаешься при скудных фонарях, по звонким плитам, толкуя о распоясанности имажинистов и собранности акмеизма[39]. Тут же празднуется 15-летие литературной деятельности М. Кузмина. Сам он невысокий, тонкий стоит на подиуме и принимает поздравления. Блок говорит проникновенно о значении поэта, о необходимости сберечь его, а затем поздравляет юбиляра. Гумилев читает ему ряд адресов и, держа прямо голову в высоком воротнике, целует его. Затем ряд депутаций, которые, как всегда, что-то читают и говорят обычное. Наконец, юбиляр отвечает. Начинает с юмористического заявления, что он «еще менее красноречив, чем предыдущие ораторы». Публика смеется и аплодирует.
В розовой гостиной на столах разложены книги и ноты Кузмина, на щитах, – рисунки и портреты.
Во всем видны дружество и спайка [Третьяков, 1926, с. 2].

Вечера в Доме Искусств были прерваны по решению нового правления петроградского Союза поэтов, во главе которого в середине октября встали Гумилев и сперва отказавшийся, но спустя неделю согласившийся Блок. История смены «союзного» руководства многократно пересказывалась и хорошо известна. Наиболее важными документальными свидетельствами остаются записи Блока:

28 <сентября> вт<орник>. Моховая. Дрова. Хлеб. Жалованье (и за I пол<овину> сент<ября>) расп<иска> есть. (За гр<анью> прошл<ых> дней – Зоргенфр<ею> и Рождеств<енскому>) после в С<оюз> поэтов.
[Рожд<ественскому> – о Радловой.] <…>
Гумилев и др<угие>[40] фрондирует <sic!> против Павлович и Шкапской [ЗК-61, л. 21 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 503]).

[39] Замечательны наблюдения об отличиях Петрограда и Москвы и отдельно об имажинистах в письмах Кузьмы Петрова-Водкина. «Здешняя жизнь ничем не напоминает петроградскую, – писал он жене 18 июня 1921 г. – Вчера, например, я был в кабаре молодых писателей, так называемых „имажинистов“ – меня шикарно приняли: с кофе, пирожками и речами. Они блещут варваризмами и талантами. Это придает жизни. Мы на берегах Невы слишком тяжеловесны, слишком серьезные и слишком дохлые» [Петров-Водкин, 1991, с. 213–214]. «Изобразить Москву немыслимо, – размышлял он в письме к искусствоведу и коллекционеру Федору Нотгафту: – “имажинисты”, кафе и музыка бульваров, восточной роскоши рынки, черные лица бухарских халатов. Шум, партийный гвалт художников всех клик <…>; русофильство, антисемитизм, интернационал, – сатана здесь правит бал, – ну как же можно порядком, толком рассказать о Москве при такой конъюнктуре. Это снаружи, как пена, а речка течет жутко и это уже не весело…» [Петров-Водкин, 1991, с. 214–215].

[40] Блок вписал «и др.» сверху к сделанной записи: «Гумилев фрондирует против Павлович и Шкапской».

3 окт<ября>, в<о>скр<есение>. <…> Павлович и Оцуп уговаривают через маму по телеф<ону> не уходить из Союза поэтов [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 503–504]).
5 окт<ября> вт<орник>. В 6½ – презид<иум> и общ<ее> собр<ание> Союза Поэтов. Я ухожу от председ<ательствования>. *„Президиум“ тоже ушел*[41] [ЗК-61, л. 22] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]).
12 вт<орник>. <…> Союз поэтов в 7 час. буд<ет> выбир<ать> новое правление. А я – в *театр* [ЗК-61, л. 22 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 504].).
13 ср<еда>. <…> Утром пришло поэтов 15 и заставили меня остаться председателем Союза [ЗК-61, л. 23] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]).

Возглавлял депутацию к Блоку никто иной, как Гумилев. «Хотя Блок нисколько не держался за свое председательство, все же провал не мог не оскорбить его. Но он и вида не показал, что оскорблен, – рассказывала И. Одоевцева со слов Г. Иванова. – Когда новое правление во главе с председателем Гумилевым и секретарем Георгием Ивановым отправилось к нему с визитом, Блок не только любезно принял его, но нашел нужным „отдать визит“, посетив одну из пятниц, устраиваемых Союзом на Литейном» [Одоевцева, 1967, с. 143]. Другая участница этого похода, Мария Шкапская, посвятила явлению пятнадцати поэтов и их уговорам Блока стихотворный пастиш «Блок Александр (Опера)»:

Эпиграфы

«*Ба, знакомые всё лица*»
«*Не верь, не верь себе, мечтатель молодой*»
«*Измены нет, любовь одна*»
«*Остерегайтесь грушкообразных*»

I

Хор поэтов

(на мотив «Дети, в школу собирайтесь»)

Жили-были мы с папашей,
И не ведали мы бед.
Был папашей милым нашим
Александр Блок, поэт.

Встанет утром спозаранку,
Приготовить надо бланку
Да бумажки подписать.
Вместо чаю пьет чернила,

[41] Два дня спустя «7 октября был устроен вечер “Журнала Дома Искусств” при участии Александра Блока (статья “Король Лир”), Евг. Замятина (рассказ “Детская”), Алексея Ремизова (“О человеке, свинье и звездах” <sic!>), К.И. Чуковского (“Неизвестные страницы Достоевского”) и Мих. Слонимского (“Искусство на Западе”)» (Дом Искусств // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 70). «Чит<ал> ст<атью> о Короле Лире на вечере журнала “Дом Искусств”», – отметил Блок в записной книжке [ЗК-61, л. 22 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 504]). На этом вечере также побывал Гумилев, который пришел в «Диск» из Дома литераторов. «Мамаша отправилась за дровами, – записал 7 октября в дневнике М. Кузмин. – Мы подождали и пошли в Д<ом> Л<итераторов>. Там сидит Гумилев с мешком…» [Кузмин, Дневник, л. 319].

На Союз все отдал силы,
Перестал стихи писать.
Но Союз неблагодарный
Вел себя пред ним бездарно,
Неприятности чинил.
И папаша оскорбленный
Об отставке непреклонной
На собраньи заявил.

II

Ария Блока

Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
И завтра рано чуть светочек
Союзная взревет семья.
Заплачут Берман и Евгеньев,
Ауслендер, Аренс и Крючков,
Грушко завоет в исступленьи,
О, что за музыка без слов!
Автомобили подкатили,
Лариса мне в окно стучит.
И вот я в новый путь готовый,
Союз весь замертво лежит.

III

Хор поэтов

(жалобно, Блоку)

(на мотив «Горел, горел пожар московский»)

О, на кого нас покидаешь
Ты на заре прекрасных дней
И Гумилёву обрека-а-ешь
Своих беспомощных детей.
Он нас сурово обуча-а-ет,
За нами зорко он следит,
Примерной жизни науча-а-ет,
Стихи писать весь день велит.

IV

Серенада Оцупа под окном на Пряжке

(на мотив «Канарейка желтый хвост на ветке сидела»)

У Старкова был в шкафу
Соусник прекрасный,
Но матрос его украл,
О, Старков несчастный!
Но немедля мы с Грушко
Суд свой учинили,
И Старкову сей сосуд
Сразу возвратили.
О, поверьте, папа, нам,
Мы не готтентоты!
Не допустим мы до Вас
Никакой заботы.

V

Ария Гумилёва

(на мотив «Выше качайтесь, качели»)

Об отставке, глупец, не мечтай,
Мое общество счастьем считай

(В сторону Блока, грозно)

Ставьте строчки стройно в ряд, стройно в ряд, стройно в ряд,
Мой не дремлет зоркий взгляд, зоркий взгляд, зоркий взгляд.

VI

Хор поэтов, переодетых пилигримами на лестнице на Пряжке

В открытую дверь виднеется грот Венеры

(на мотив из «Тангейзера»)

Моя вечерняя звезда,
Ты закатилась навсегда…

(дальше им мешают продолжать рыдания)

Занавес

Эпилог

Дуэт Блока и Павлович

(на мотив из «Пиковой Дамы» «Мой миленький дружок»)

Она

(тревожно-вопросительно)

Мой миленький дружок,
Смотри, сдержи зарок,
Их не поддайся рёву,
Не сдайся Гумилёву.

Он

(угрюмо-сконфуженно)

Мой маленький дружок,
Я не сдержал зарок.
Поддался я их рёву
И сдался Гумилёву[42]»

[Блок в переписке,
1982, с. 507–508]

«Я пробовал уйти из Союза поэтов, – писал Блок 18 октября Н. Нолле-Коган, – но меня упросили остаться. Здесь очень много скандалов и сплетен, напишите про каких-нибудь московских» [Блок, Нолле-Коган, 1981, с. 346]. Несмотря на «союзные» пертурбации, его отношения с Гумилевым особо не пострадали и продолжали оставаться уважительно отстраненными. 3 ноября Блок надписал свою новую, вышедшую незадолго до того книгу «Седое утро» (Пб., 1920): «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву с приветом. Ал. Блок» [Дарственные надписи Блока, 1982, с. 57].

Первый вечер Союза поэтов при новом правлении был назначен на четверг, 21 октября[43]. Местом его проведения был выбран союзный

[42] Как замечают комментаторы, здесь «упоминаются члены Союза поэтов Л. Берман, Б. Евгеньев, С. Нельдихен-Ауслендер, В. Аренс, Д. Крючков, Н. Грушко, Н. Оцуп, а также Л. Рейснер и ее автомобильные прогулки с Блоком (ср. ЗК, 499, 500)» [Блок в переписке, 1982, с. 508].

[43] См. дневниковую запись 21 октября 1920 г. Марии Рыжкиной (1898–1984), участницы переводческой студии Михаила Лозинского: «Мих<аил> Леон<идович> не будет бывать у нас по четвергам, так как Союз поэтов устроил свои четверги, и, конечно, он будет там, у нас же (лозинят) вероятно будет “малое эрмитажное собрание” по вторникам» [Оношкович-Яцына, 1993, с. 386]. См. также ее ламентации в записи 20 декабря: «Поэт – как же. Гумилев прозвище мое (Памбэ. – *А.У.*) знает и на улице кланяется, с Блоком как-то раз за руку поздоровалась, с Чуковским при встрече целуюсь, Лозинский в доме бывает и полуименем зовет, но они будут уходить втроем (М. Л<озинский>, А. О<ношкович-Яцына> и Рая (Раиса Блох. – *А.У.*)) или вдвоем в Союз, а я буду плавать в студийной бездарной тине…» [Там же, 1993, с. 391].

клуб, где прежде уже проходили совещания – 3 сентября Блок отметил в записной книжке: «7 час. веч<ера> – презид<иум> Союза в нов<ом> помещении (Литейн<ый> 30, кв. 7)» [ЗК-61, л. 20] (ср.: [Блок, 1965, с. 500]), – но чтения до сих пор не устраивались. «Спешно ремонтируется клуб Союза поэтов (проспект Володарского, б. Литейный, 30), – сообщала газетная хроника в середине сентября. – Открытие последует в непродолжительном времени»[44] (ЖИ. 1920. № 556. 14 сентября. С. 2). По этому поводу Блоку 15 сентября написала Павлович:

> Александр Александрович, да будет Вам известно, что I<-е> (интимное) открытие Клуба состоится завтра, на него Рожд<ественский> и разослал повестки, и мы оба вечером забыли об этом.
> Мне и хочется, и не хочется, чтоб Вы были; не хочется потому, что я плохо себе представляю, как завтра все будет и боюсь, что сначала ничего не будет выходить, а тогда с Вами не будет сладу, и Вы сократите обещанный безропотный срок. А если этой опасности мне и Союзу не угрожает, то, конечно, хочу, чтобы Вы были.
>
> Над. Павлович
>
> Начало в 8. Написано нескладно, но все равно привет маме и Л<юбови> Д<митриевне> [Павлович, Письма, л. 10] (ср.: [Гончарова, 2011, с. 288]).

«“Интимное” открытие Клуба С<оюза> П<оэтов> в 8 часов вечера, – отметил Блок это событие 16 сентября. – Тошно, скучно. Злюсь на Павлович за курсятничество <sic!> и беспомощность»[45] [ЗК-61, л. 21] (ср.: [Блок, 1965, с. 502]). Оставив ремарку в записной книжке 21 октября: «В Союз поэтов в 9 час. веч<ера> – оч<е>нь замечательно (см. дневник)» [ЗК-61, л. 23 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 505].), – свои впечатления от вечера в союзном клубе он решил доверить дневнику:

---

[44] Ср.: «В дальнейшем Союз Поэтов предполагает расширить деятельность и открыть для гостей двери своего клуба (Литейный, 30), где в настоящее время по четвергам происходят оживленные интимные собрания – чтения стихов и обмен мнений» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74).

[45] Тогда же Блок записал: «† С.А. Венгеров. Печаль Летнего Сада, он сохранил свое величие среди измельчения всего»; ср. в письме А. Кублицкой-Пиоттух к М. Бекетовой 18 сентября: «Умер Семён Афанасьевич Венгеров» [Блок в переписке, 1982, с. 510]. «10 октября Дом Искусств устроил вечер памяти проф. С.А. Венгерова, – было отмечено в хронике. – На вечере этом произнесли речи С.Ф. Ольденбург, Б.М. Энгельгардт, Ю.Н. Тынянов, Н.О. Лернер и дочь покойного Е.С. Венгерова» (Дом Искусств // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 70). «Сбор с вечера, посвященного памяти проф. С.А. Венгерова, состоявшегося 1 октября в Доме Искусств, целиком поступил в фонд памятника С.А. Венгерову» (ЖИ. 1920. № 586. 19 октября. С. 1).

Вечер в клубе поэтов на Литейной 21 октября – первый после того, как выперли Павлович, Шкапскую, Оцупа, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться.
Мое самочувствие совершенно другое. Никто не пристает с бумагами и властью.
Верховодит Гумилев – довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение.
Все под Гумилевым.
Гвоздь вечера – J. Мандельштамм <sic!>, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, «жидочек» прячется, виден артист[46]. Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилев определяет его путь – от иррационального к рациональному (противупол<ожный> моему). Его «Венеция». По Гумилеву – рационально всё (и любовь, и влюбленность в т<ом> ч<исле>), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое (В начале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже непохожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и всё кончится Словом – всё исчезнет, останется одно Оно).
Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся по-прежнему). Анна Радлова невпопад вращает глазами. Грушко подшлепнутая. У Нади Павлович больные глаза от зубной боли. Она и Рождественский молчат. Крепкое впечатление производят одни акмеисты.
Одоевцева.
М. Лозинский перевел из Леконта де Лилля – Мухаммед Альмансур, погребенный в саване своих побед. Глыбы стихов высочайшей пробы. Гумилев считает его переводчиком выше Жуковского… [Дневник-1920, л. 4 об.–5 об.] (ср.: [Блок, 1928, с. 172–173; Блок, 1963, с. 371]).

«С Надей Павлович дело наладилось, – писала А. Кублицкая-Пиоттух М. Бекетовой 22 октября. – <…> Союз поэтов ее выкурил вместе с Марусей Шкапской. Саша был вчера на Литейной в их клубе. Остался доволен. К нему не пристают ни с чем. Делают всё Кузмин и Гумилев. А он, по-видимому, только ради имени» [Блок в переписке, 1982, с. 512]. Тогда же администрация Дома литераторов предложила

[46] На купюру блоковской характеристики О. Мандельштама впервые указала его вдова [Мандельштам, 1972, с. 378]; ср.: [Ronen, 1983, с. 308].

выступить в Москве Гумилеву и Кузмину, который отметил в дневнике: «21 октября. <…> Побежал еще в Д<ом> Л<итераторов>. Предлагают съездить в Москву с Гумилевым. Взял бумаги, но денег не было[47]…» [Кузмин, Дневник, л. 336].

Подробные рассказы об этом вечере написали и Одоевцева, специально отмеченная в дневниковой записи Блока, и Павлович. «5 октября открылся клуб поэтов, – вспоминала она. – Мы получили помещение на Литейном, в бывшем доме Мурузи. Наиболее интересен был вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступал О.Э. Мандельштам. Он привез прекрасные стихи, и Блок слушал его с большим интересом, особенно его стихи о Венеции, напомнившие Александру Александровичу собственные венецианские впечатления[48]» [Павлович, 1964, с. 472]. Как и Павлович, Одоевцева указала, что вечер Союза поэтов (в ее рассказе – «собрание клуба поэтов») состоялся «в доме Мурузи на Литейном» [Одоевцева, 1967, с. 279].

На самом деле клуб Союза поэтов открылся по этому адресу только летом 1921 г. «Всероссийский Союз Поэтов (Петербургское Отделение) получил разрешение на открытие “Клуба Поэтов”, – сообщалось в хронике. – Клуб будет помещаться в помещении <sic!> Союза Поэтов (угол Литейного и Спасской, дом быв. Мурузи). Открытие предположительно назначено на 1-е июля» (ЖИ. 1921. №№ 761–762–763. 25–28 июня. С. 2). Начало работы неоднократно откладывалась из-за личных неурядиц между организаторами клуба. Так, А. Беленсон даже выступил с обращением в «Жизни Искусства»: «Довожу до сведения членов Всероссийского Союза Поэтов и других деятелей искусства о том, что я вышел из состава Комитета по организации “Клуба Поэтов” и отказался от заведывания художественной частью означенного клуба» [Беленсон, 1921].

Путаница двух адресов была также поддержана неверным прочтением записи Блока об устроенном Союзом поэтов 9 декабря вечере памяти Афанасия Фета: «Союз поэтов в доме литер<аторов> – гов<орят> о Фете. Не пойду» [ЗК-61, л. 27]. При публикации этот фрагмент был напечатан как «Союз поэтов в доме Мурузи», тем самым переместив

[47] Они выехали в Москву 31 октября и пробыли там до 3 ноября. Из Москвы Гумилев отправился в Бежецк и около 7 ноября вернулся в Петроград.

[48] Стихотворение «Веницейская жизнь» (1920) произвело впечатление также на актрису Ольгу Арбенину. «Очень понравилась мне и “Венеция” – после блоковской и кузминской – эта была “черная”, как я и думала, – писала она о строчках “Черным бархатом завешанная плаха / И прекрасное лицо…”, вспоминая Мандельштама. – Не знаю, в каких словах я сумела ему это выразить, – по-видимому, он был очарован, – но, сколько я помню, день был будничный, и я не была ни нарядной, ни красивой» [Гильденбрандт-Арбенина, 2007, с. 159].

место действия с д. 11 Бассейной улицы на д. 24 проспекта Володарского (б. Литейного) [Блок, 1965, с. 509]. Точно так же и вечер был перенесен в памяти мемуаристок в дом Мурузи из почти соседнего д. 30, где клуб Союза поэтов был тогда только приокрыт[49].

По иронии судьбы вечер 21 октября оказался последним совместным выступлением Блока и Гумилева под эгидой Союза поэтов. После случившейся рокировки Блок избегал присутствия в совещаниях правления. Несмотря на то, что он принял участие в следующем вечере Союза поэтов, устроенном в форме «живого альманаха» в Доме литераторов, он разочаровался в перспективах этой литературной организации. «Сильный мороз. Читать в Доме литераторов (“Х-ый альманах”)! Идиотство»[50], – отметил он 28 октября в записной книжке [ЗК-61, л. 24] (ср.: [Блок, 1965, с. 505]).

Завершающим проектом Гумилева в Союзе поэтов можно считать подготовку им союзного альманаха. «В конце декабря выходит в свет издаваемый Всероссийским Союзом поэтов литературный альманах “Дракон”, – сообщала газетная хроника. – В альманахе будут напечатаны стихи Валерия Брюсова, Александра Блока, Н. Гумилева, М. Кузмина, Федора Сологуба и др., поэмы Н. Гумилева, Ирины Одоевцевой, Сергея Ауслендер-Нельдихена и Николая Оцупа; статьи Андрея Белого, Н. Гумилева и Оскара <sic!> Мандельштама» (ЖИ. 1920. №№ 632–633. 15–16 декабря. С. 1).

«Дракон» вышел весной 1921 г. и, несмотря на участие Блока[51], вызвал противоречивые отклики. «Вышел сборник новых поэтов “Дракон” (у меня еще нет), – сообщал Георгий Блок в письме 7/23 июля к Борису Садовскому. – Самое удивительное, что там поэты расположены по *алфавиту*: *А*дамович, *Б*лок, и т.д. Этого еще не приходилось

[49] Ср.: «В дальнейшем Союз Поэтов предполагает расширить деятельность и открыть для гостей двери своего клуба (Литейный, 30), где в настоящее время по четвергам происходят оживленные интимные собрания – чтения стихов и обмен мнений» (Союз Поэтов // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 74).

[50] См. анонс: «28 октября – “Альманах Дома Литераторов”, № 10 (Н. Лернер, А. Радлова, А. Кугель, А. Ремизов и А. Блок)» (ЖИ. 1920. № 589. 22 октября. С. 1). Валериан Чудовский писал в отчете об этом вечере: «Формальная оправданность глубокого внутреннего опыта, из коего лишь насквозь проплавленными, без всякой случайности, выливаются всегда простые образы, приемы и слова. Таков – как некогда у Боратынского – склад творчества Анны Радловой, и еще, хоть и совсем иначе у (читавшего в тот же вечер) Ал. Блока последних годов» [Чудовский, 1920].

[51] Блок передал Гумилеву стихотворения для альманаха еще весной. «Гумилеву для альманаха 26 III 2 ст<ихотворен>ия: “Сфинкс” и „Смолкали и говор и шутки“ – 32 строки (оба – в кн<иге> “За гр<анью> прошл<ых> дней”)», – отметил он в записной книжке [ЗК-61, л. 5 об.] (ср.: [Блок, 1965, с. 489]). См. перепечатку из «Дракона» стихотворения «Сфинкс» (Время (Берлин). 1921. № 156. 27 июня. С. 3).

видеть – до чего переругались, значит» [Блок в переписке, 1982, с. 529]. «В “Драконе” есть еще стихи Блока, Зенкевича; изящное стихотворение Кузмина; статья Андрея Белого – “Отрывки из глоссолалии”, – отмечал рецензент разнообразие участников сборника. – <…> Разноцветный дракон может быть доволен разноцветным “Драконом”. Его память не оскорблена»[52] [Слонимский, 1921, с. 2].

В то же время Сергей Бобров подчеркнул в своем отзыве, что сборник получился «очень петербургский, с акмеистическим „умонаклонением“» [Бобров, 1921], тем самым угадав, что «Дракон» состоялся не столько как альманах Союза поэтов, сколько как сборник воссозданного Гумилевым нового «Цеха Поэтов», в деятельности которого приняли участие М. Лозинский, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп, Б. Евгеньев, Г. Адамович, Вл. Пяст, С. Нельдихен, Вс. Рождественский. Еще один «цеховой» поэт Владислав Ходасевич с необходимым драматизмом рассказал о дальнейшей судьбе Союза поэтов в воспоминаниях «Гумилев и Блок»:

> Однажды ночью пришел ко мне Мандельштам и сообщил, что «блоковское» правление Союза час тому назад свергнуто и заменено другим, в состав которого вошли исключительно члены «Цеха», в том числе я. <…> Все это мне не понравилось, и я сказал, что напрасно меня выбрали, меня не спросив. Мандельштам стал меня уговаривать «не подымать истории», чтобы не обижать Гумилева. Из его слов я понял, что «перевыборы» были подстроены некоторыми членами «Цеха», которым надобно было завладеть печатью Союза, чтобы при помощи ее обделывать дела мошеннического и коммерческого свойства. Для этого они и прикрылись именем и положением Гумилева. Гумилева же, как ребенка, соблазнили титулом председателя. Кончилось тем, что я пообещал формально из правления не выходить, но фактически не участвовал ни в его заседаниях, ни вообще в делах Союза. Это-то и толкнуло меня на выход из «Цеха».
>
> Блок своим председательством в Союзе, разумеется, не дорожил. Но ему не понравились явно подстроенные выборы, и он был недоволен тем, что отныне литературное влияние Гумилева будет подкреплено нажимом со стороны союзного правления. И Блок решился выйти из неподвижности.
>
> Как раз в это время удалось получить разрешение на издание еженедельника под названием «Литературная газета». В редакцию вошли А.Н. Тихонов, Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. Для первого номера

[52] Ср. в отзыве Георгия Иванова: «На 80 страницах вышедшего в марте 1921 г. альманаха “Дракон”, разумеется, слишком тесно 14 его участникам» [Иванов, 1922, с. 96–97].

Блок дал статью, направленную против Гумилева и «Цеха». Называлась она «Без божества, без вдохновенья». «Литературная газета»[53] прекратила существование раньше, чем начала выходить: за рассказ Замятина и мою передовицу номер был конфискован еще в типографии по распоряжению Зиновьева. Статью Блока я прочел лишь много лет спустя, в собрании его сочинений. Признаться, она мне кажется очень вялой и туманной, как многие статьи Блока. Но в ту пору ходили слухи, что она очень резка. В одну из тогдашних встреч Блок и сам говорил мне то же [Ходасевич, 1997, с. 88–89].

Библиографический список / References

Адамович, 1960 – Адамович Г. Наши поэты. II. Ирина Одоевцева // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1960. Кн. 61. С. 147–153. [Adamovich G. Our poets. II. Irina Odoevtseva. *Novyi Zhurnal* (New York). 1960. Vol. 61. Pp. 147–153. (In Russ.)]

Асафьев, 1920 – Глебов И. <Асафьев Б.>. Музыка в творчестве М.А. Кузмина // Жизнь искусства. № 580. 12 октября. С. 1. [Glebov I. <Asafyev B.>. Music in the works of M.A. Kuzmin. *Zhizn' Iskusstva*. No. 580. October 12. P. 1. (In Russ.)]

Беленсон, 1921 – Беленсон А. Письмо в редакцию // Жизнь искусства. 1921. № 773–774–775. 9–11 июля. С. 2. [Belenson A. A Letter to the Editor. *Zhizn' Iskusstva*. 1921. No. 773–774–775. July 9–11. P. 2. (In Russ.)]

Беленсон, 1922 – Беленсон А. Врата тесные. Пг., 1922. [Belenson A. Vrata tesnye [Close gate]. Petrograd, 1922.]

Белый, 2016 – Белый А. Ракурс к дневнику. Материал к биографии (составлен для личного пользования) // Андрей Белый. Автобиографические своды / Сост. А. Лавров и Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М., 2016. С. 329–654. [Bely A. A perspective to the diary. Material for the biography (compiled for personal use). *Andrey Bely*. *Autobiographical codices*. A. Lavrov, J. Malmstad (eds.). (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 105). Moscow, 2016. Pp. 329–654. (In Russ.)]

Блок, 1928 – Дневник Ал. Блока, 1917–1921 / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. [Dnevnik Al. Bloka, 1917–1921 [Alexander Blok's diary, 1917–1921]. P. Medvedev (ed.). Leningrad, 1928.]

Блок, 1963 – Блок А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921 / Подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. М.; Л., 1963. [Blok A. Sobranie sochineniy v 8 t. [Collected works in 8 vols.] Vol. 7: Autobiography 1915. Diaries 1901–1921. Vl. Orlov (ed., notes). Moscow; Leningrad, 1963.]

Блок, 1965 – Блок А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М., 1965. [Blok A. Zapisnye knizhki, 1901–1920 [Notebooks, 1901–1920]. Vl. Orlov (ed., notes). Moscow, 1965.]

Блок, 1999 – Блок А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. V: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М., 1999. [Blok A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. [Complete works and letters in 20 vols.]. Vol. V: Lyrical and narrative poems (1917–1921). Moscow, 1999.]

[53] О «Литературной Газете» и напечатанных там передовой статье Ходасевича «Памяти предка» и очерке Замятина «Пора» см.: [Устинов, Сажин, 1991].

Блок, Городецкие, 1981 – Блок А. Переписка с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. ст. и публ. В. Енишерлова. Коммент. В. Енишерлова и Р. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 5–62. [Blok A. Correspondence with A.A. and S.M. Gorodetskys. Introduction by V. Enisherlov. Commentary by V. Enisherlov and R. Tymenchik. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 5–62. (In Russ.)]

Блок, Нолле-Коган, 1981 – Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган и воспоминания Н.А. Нолле-Коган о Блоке (1913–1921) / Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Кувановой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). С. 324–365. [Blok's letters to N.A. Nolle-Kogan and N.A. Nolle-Cogan's memories of Blok (1913–1921). Introduction and commentary by L. Kuvanova. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 324–365.]

Блок, Ремизов, 1981 – Блок А. Переписка с А.М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З. Минц. Публ. и коммент. А. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 63–142. [Blok A. Correspondence with A.M. Remizov (1905–1920). Introduction by Z. Mints. Ed., with a commentary, by A. Yulova. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 63–142. (In Russ.)]

Блок в переписке, 1982 – Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. ст. Н. Котрелева и З. Минц // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1982. С. 153–539. [Blok in unpublished correspondence and diaries of his contemporaries (1898–1921). Introduction by N. Kotrelev and Z. Mints. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 3. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1982. Pp. 153–539.]

Бобров, 1921 – Бобров С. <Рец.:> «Дракон» // Печать и революция. 1921. Кн. 2 (август-октябрь). С. 206. [Bobrov S. Review of "Drakon". *Pechat i revolyutsiya*. 1921. Vol. 2 (August-October). P. 206. (In Russ.)]

Брюсов, 1976 – Брюсов В. Пятилетие Союза поэтов / Публ. К. Суворовой // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 232–235. [Bryusov V. The Fifth anniversary of the Union of Poets. Ed. by K. Suvorova // *Valery Bryusov*. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 85). Moscow, 1976. Pp. 232–235. (In Russ.)]

Галушкин, 2005 – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Галушкин. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград, 1917–1920 гг.; Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград, 1921–1922 гг. М., 2005. [Literaturnaya zhizn Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Contemporary responses. Bibliography]. A. Galushkin (ed.). Vol. 1. Part 1. Moscow and Petrograd. 1917–1920; Vol. 1. Part 2. Moscow and Petrograd, 1921–1922. Moscow, 2005.]

Гильденбрандт-Арбенина, 2007 – Гильденбрандт-Арбенина О. Девочка, катящая серсо…: Мемуарные записи. Дневники / Сост. А. Дмитренко. М., 2007. [Guildenbrandt-Arbenina O. Devochka, katyashchaya serso…: Memuarnye zapisi. Dnevniki [A Girl rolling a cerceau…: Memoirs. Diaries]. A. Dmitrenko (ed.). Moscow, 2007.]

Голлербах, 1920 – Голлербах Э. Юбилейный вечер М.А. Кузмина // Жизнь Искусства. 1920. № 574. 5 октября. С. 2. [Gollerbakh E. M.A. Kuzmin's Anniversary evening. *Zhizn' Iskusstva*. 1920. № 574. October 5. P. 2. (In Russ.)]

Гончарова, 2011 – Гончарова Е. «Запомнить всё, отметить и сберечь…» (Надежда Павлович об Александре Блоке) // Александр Блок: Исследования и материалы. [Вып. 4]. СПб., 2011. С. 276–308 [Goncharova E. "Remember everything, make notes and preserve…" (Nadezhda Pavlovich about Alexander Blok). *Aleksandr Blok*: *Issledovaniya i materialy*. Vol. 4. St. Petersburg, 2011. Pp. 276–308. (In Russ.)]

Городецкий, 1920а – Городецкий С. Покойнички // Красная газета (Петроград). 1920. № 175. 8 августа. С. 3. [Gorodetsky S. The dead ones. *Krasnaya Gazeta* (Petrograd). 1920. № 175. August 8. P. 3. (In Russ.)]

Городецкий, 1920б – Городецкий С. Разложение интеллигенции // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 12 августа. № 178 (670). С. 1. [Gorodetsky S. Degradation of the intelligentsia. *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 1920. August 12. № 178 (670). P. 1. (In Russ.)]

Городецкий, 1920в – Городецкий С. Литература и революция // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 17 августа. № 182 (674). С. 2. [Gorodetsky S. Literature and revolution. *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 1920. August 17. № 182 (674). P. 2. (In Russ.)]

Городецкий, 1921 – Городецкий С. Александр Блок, 1880–1921 // Искусство (Баку). 1921. № 2–3. С. 58. [Gorodetsky S. Alexander Blok, 1880–1921. *Iskusstvo* (Baku). 1921. № 2–3. C. 58. (In Russ.)]

Городецкий, 1922 – Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Печать и революция (Москва). 1922. Кн. 1 (январь-март). С. 75–88. [Gorodetsky S. Memoirs of Alexander Blok. *Pechat' i revolyutsiya* (Moscow). 1922. Vol. 1 (January–March). Pp. 75–88. (In Russ.)]

Городецкий, 1923 – Городецкий С. Литература и мещанство // Жизнь искусства. 1923. № 12 (887). 27 марта. С. 5–6. [Gorodetsky S. Literature and philistinism. *Zhizn' Iskusstva*. 1923. No. 12 (887). March 27. Pp. 5–6. (In Russ.)]

Городецкий, 1966 – Городецкий С. Стихи. М., 1966. [Gorodetsky S. Stikhi [Poems]. Moscow, 1966.]

Городецкий, 1969 – Автобиография С.М. Городецкого / Публ. Н. Такташевой // Русская литература. 1969. № 3. С. 186–190. [S.M. Gorodetsky's autobiography. Ed. by N. Taktasheva. *Russkaya literatura*. 1969. № 3. Pp. 186–190. (In Russ.)]

Гумилев, 1988 – Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. [Gumilev N. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrical and narrative poems]. Leningrad, 1988.]

Гумилев, 1991 – Гумилев Н. Сочинения в 3 т. Т. 3. М., 1991. [Gumilev N. Sochineniya v 3 t. [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow, 1991.]

Грошиков, 1920 – Гр[ошиков] Ф. Пришедший с «того» берега… (Поэт Городецкий в доме Лассаля) // Красная газета (Петроград). 1920. № 173. 6 августа. С. 4. [Groshikov F. The one who came from "that" shore… (Poet Gorodetsky in the house of Lassalle). *Krasnaya Gazeta* (Petrograd). 1920. № 173. August 6. P. 4. (In Russ.)]

Дарственные надписи Блока, 1982 – Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Вступ. ст. и публ. В. Мордерер и А. Парниса // Александр Блок.

Новые материалы и исследования. Кн. 3. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1982. С. 5–152. [Blok's inscriptions on books and photographs. Introduction by V. Morderer and A. Parnis. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 3. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1982. Pp. 5–152. (In Russ.)]

Дневник-20 – Блок А. Дневник. Лето 1920 – 1921 г. февраль // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 654. Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт. Оп. 1. Ед. хр. 319. URL: http://blok.literature-archive.ru/ru/content/dnevnik-1920-1921-gg (дата обращения: 06.06.2020). [Blok A. Dnevnik. Leto 1920 – 1921 g. fevral [Alexander Blok. Diary. Summer 1920 – 1921 February]. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. Fund 654. Inventory 1. No. 319. URL: http://blok.literature-archive.ru/ru/content/dnevnik-1920-1921-gg]

Жирмунский, 1920 – Жирмунский В. Поэзия Кузмина // Жизнь искусства. 1920. № 576. 7 октября. С. 1. [Zhirmunsky V. Kuzmin's poetry. *Zhizn' iskusstva*. 1920. No. 576. October 7. P. 1. (In Russ.)]

Зобнин и др., 1991 – Жизнь Николая Гумилева / Сост. Ю. Зобнин, В. Петрановский, А. Станюкович. Л., 1991. [Zhizn Nikolaya Gumileva [The Life of Nikolai Gumilev]. Yu. Zobnin, V. Petranovsky, A. Stanyukovich (eds.). Leningrad, 1991.]

ЗК-61 – Блок А. Записная книжка № 61. 1920 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 654. Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт. Оп. 1. Ед. хр. 367. URL: http://blok.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-no-61 (дата обращения: 06.06.2020). [Alexander Blok. Notebook No. 61. 1920. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. Fund 654. Inventory 1. No. 367. URL: http://blok.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-no-61]

Иванов, 1922 – Иванов Г. О новых стихах // Дом Искусств. 1921 <1922>. № 2. С. 96–99. [Ivanov G. On new poems. *Dom Iskusstv*. 1921 <1922>. № 2. Pp. 96–99. (In Russ.)]

Иванов, 1928 – Иванов Г. Петербургские зимы. Париж, 1928. [Ivanov G. Peterburgskie zimy [Petersburg winters]. Paris, 1928.]

Конечный и др., 1989 – Артистическое кабаре «Привал комедиантов» / Конечный А., Мордерер В., Парнис А., Тименчик Р. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 96–154. [Konechny A., Morderer V., Parnis A., Timenchik R. Artistic cabaret Comedians' Halt. *Pamyatniki kul'tury*. *Novye otkrytiya*. *Ezhegodnik*. *1988*. Moscow, 1989. Pp. 96–154. (In Russ.)]

Кузмин, 1981 – Письма М.А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М.А. Кузмина / Предисл. и публ. К. Суворовой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1981. С. 143–174. [M.A. Kuzmin's letters to Blok and excerpts from M.A. Kuzmin's diary. Foreword by K. Suvorova. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 2. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1981. Pp. 143–174. (In Russ.)]

Кузмин, Дневник – Кузмин М. Дневник X. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 232: Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, беллетрист, переводчик. Оп. 1. Ед. хр. 58. [Kuzmin M.A. Dnevnik X [Diary X]. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 232. Inventory 1. No. 58.]

Линдеберг, 2011 – Линдеберг О. Некоторые вопросы издания записных книжек Блока в составе академического Полного собрания сочинений

и писем // Александр Блок: Исследования и материалы. [Вып. 4]. СПб., 2011. С. 241–256. [Lindeberg O. Some issues of the publication of Blok's notebooks as part of the academic Complete Works and Letters. *Aleksandr Blok*: *Issledovaniya i materialy*. Vol. 4. St. Petersburg, 2011. Pp. 241–256. (In Russ.)]

Лукницкий, 2010 – Лукницкий П. Труды и дни Н.С. Гумилева / Под общ. ред. Ю. Зобнина. СПб., 2010. [Luknitsky P. Trudy i dni N.S. Gumileva [The works and days of Nikolai Gumilev]. Yu. Zobnin (ed.). St. Petersburg, 2010.]

Лурье, 1923 – Лурье В. Маленькая столовая напротив кухни // Дни (Берлин). 1923. № 190. 17 июня. С. 9. [Lurie V. Small dining room opposite the kitchen. *Dni* (Berlin). 1923. № 190. June 17. P. 9. (In Russ.)]

Магомедова, 2009 – Магомедова Д. Что является текстом записных книжек А. Блока? // Текстологический временник: Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 518–541. [Magomedova D. What is the text of A. Blok's notebooks? *Tekstologicheskiy vremennik: Russkaya literatura XX veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. M., 2009. Pp. 518–541. (In Russ.)]

Мандельштам, 1972 – Мандельштам Н. Вторая книга. Paris, 1972. [Mandelstam N. Вторая книга [Second book]. Paris, 1972.]

Нельдихен, 2013 – Нельдихен С. Органное многоголосье / Вступ. ст. Д. Давыдова; Сост., подгот. текста, примеч. и подбор илл. М. Амелина. М., 2013. [Nel'dikhen S. Organnoe mnogogolose [Organ polyphony]. D. Davydov (introduction); M. Amelin (ed., notes). Moscow, 2013.]

Одоевцева, 1963 – Одоевцева И. На берегах Невы // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 74. С. 136–155. [Odoevtseva I. On the banks of the Neva. *Novyi Zhurnal* (New York). 1963. Vol. 74. Pp. 136–155. (In Russ.)]

Одоевцева, 1967 – Одоевцева И. На берегах Невы. Вашингтон, 1967. [Odoevtseva I. Na beregakh Nevy [On the banks of the Neva]. Washington, D.C., 1967.]

Оксенов, 1923 – Оксенов И. <Рец.:> А. Беленсон. «Врата тесные» // Книга и революция (Петроград). 1923. № 11–12 (23–24). С. 61–62. [Oksenov I. Review of: A. Belenson. "Vrata tesnye". *Kniga i revolyutsiya* (Petrograd). 1923. No. 11–12 (23–24). Pp. 61–62. (In Russ.)]

Оношкович-Яцына, 1993 – Оношкович-Яцына А. Дневник, 1919–1927 / Публ. Н. Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 355–456. [Onoshkovich-Yatsyna A. Diary, 1919–1927. Ed. by N. Teletova. *Minuvshee*: *Istoricheskiy al'manakh*. *13*. Moscow; St. Petersburg, 1993. Pp. 355–456. (In Russ.)]

Оцуп, 1920 – Оцуп Н. Вечер Н. Гумилева. (Дом Искусств) // Жизнь Искусства. 1920. № 523. 6 августа. С. 1. [Otsup N. Poetry evening by N. Gumilev. (House of Arts). *Zhizn' Iskusstva*. 1920. № 523. August 6. P. 1. (In Russ.)]

Оцуп, 1927 – Оцуп Н. А.А. Блок. (Из личных воспоминаний) // Сегодня (Рига). 1927. 14 августа. № 180. С. 4. [Otsup N. A.A. Blok. (From personal memories). *Segodnia* (Riga). 1927. August 14. № 180. P. 4. (In Russ.)]

Павлович, Письма – Павлович Н. Письмо А.А. Блоку от 15 сентября 1920 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 55. Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт. Оп. 1. Раздел 4. Письма А.А. Блоку. Ед. хр. 356. Письма Павлович Надежды Алексеевны. Л. 10. [Pavlovich N. Pismo A.A. Bloku ot 15 sentyabrya 1920 g. [Letter A.A. Block of September 15, 1920]. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 55. Inventory 1. No. 356. Sheet 10.]

Павлович, 1962 – Павлович Н. Думы и воспоминания. М., 1962. [Pavlovich N. Dumy i vospominaniya [Thoughts and memories]. Moscow, 1962.]

Павлович, 1964 – Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке / Коммент. З. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник (1): Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 446–506. [Pavlovich N. Memories of Alexander Blok. *Blokovskiy sbornik* (*1*): *Trudy nauchnoy konferentsii*, *posvyashchennoy izucheniyu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka*, *may 1962 g*. Tartu, 1964. Pp. 446–506. (In Russ.)]

Павлович, 1977 – Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей. Историко-биографический альманах. Т. 11. М., 1977. С. 219–253. [Pavlovich N. Memories of Alexander Blok. *Prometey*. *Istoriko-biograficheskiy al'manakh*. Vol. 11. Moscow, 1977. Pp. 219–253. (In Russ.)]

Петров-Водкин, 1991 – Петров-Водкин К. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Селизаровой. М., 1991. [Petrov-Vodkin K. Pisma. Stati. Vystupleniya. Dokumenty [Letters. Articles. Speeches. Documents]. E. Selizarova (ed., introsuction and commentary). Moscow, 1991.]

Перфильев, 1940 – Перфильев А. [Рец. на кн.] Третьяков В. Берег дальний: Стихи. Tallinn, 1940 // Для Вас. Еженедельный иллюстрированный журнал (Рига). 1940. № 23 (338). 2 июня. С. 20. [Perfil'yev A. [Review of] Tret'yakov V. Bereg dal'niy: Stikhi. Tallinn, 1940. *Dlya Vas*. *Ezhenedel'nyi illyustrirovannyi zhurnal* (Riga). 1940. № 23 (338). June 2. P. 20. (In Russ.)]

Радлова, 1920 – Радлова А. Вечер Александра Блока // Жизнь Искусства. 1920. № 520. 3 августа. С. 1. [Radlova A. Evening of Alexander Blok. *Zhizn' Iskusstva*. 1920. № 520. August 3. P. 1. (In Russ.)]

Рейснер, 1920 – Рейснер Л. О Петербурге // Красная газета (Петроград). 1920. № 162. 24 июля. С. 2. [Reisner L. On Petersburg. *Krasnaya gazeta* (Petrograd). 1920. № 162. July 24. P. 2. (In Russ.)]

Рождественская, Тименчик, 1987 – Блок и Союз поэтов: 1. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / Предисл. и публ. М. Рождественской; Коммент. Р. Тименчика; 2. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. (Литературное наследство. Т. 92). М., 1987. С. 684–695. [Blok and the Union of Poets: 1. Blok in the archive of Vs.A. Rozhdestvensky / Introduction by M. Rozhdestvenskaya. Commentary by R. Timenchik; 2. Reviews preserved in other archives / Ed. by R. Timenchik. *Aleksandr Blok*. *Novye materialy i issledovaniya*. Book 4. (Literaturnoe nasledstvo. Vol. 92). Moscow, 1987. Pp. 684–695. (In Russ.)]

Рождественский, 1966 – Рождественский Вс. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии. 1966. Л., 1966. С. 87–90. [Rozhdestvensky Vs. How did it start? Pages of memoirs. *Den' poezii*. *1966*. Leningrad, 1966. Pp. 87–90. (In Russ.)]

Слонимский, 1920 – Слонимский М. Вздутожилая поэзия. (На вечере поэтов) // Жизнь Искусства. 1920. № 586. 19 октября. С. 1. [Slonimsky M. Poetry with bloated veins. (At the poets' evening). *Zhizn' Iskusstva*. 1920. No. 586. October 19. P. 1. (In Russ.)]

Слонимский, 1921 – Сл<онимский> М. Дракон // Жизнь Искусства. 1921. № 688–689–690. 9–10–11 марта. С. 2. [Slonimsky M. The Dragon. *Zhizn' Iskusstva*. 1921. No. 688–689–690. March 9–10–11. P. 2. (In Russ.)]

Степанов, Устинов, 2011–2012 – Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев: Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила

Ларионова и Глеба Струве) // Наше Наследие (Москва). 2011. № 100. С. 105–127; 2012. № 101. С. 102–129. [Stepanov E., Ustinov A. Nikolai Gumilev: Meetings in Paris in 1917–1918 (Using the materials from the archives of Mikhail Larionov and Gleb Struve). *Nashe Nasledie* (Moscow). 2011. No. 100. Pp. 105–127; 2012. No. 101. Pp. 102–129. (In Russ.)]

Стрельников, 1920 – Пущин Я. <Стрельников Н.>. Необходимый парадокс. (М.А. Кузмин и „Жизнь Искусства“) // Жизнь искусства. 1920. № 569. 29 сентября. С. 1. [Pushchin Ya. <Strelnikov N.>. A necessary paradox. (M.A. Kuzmin and the “Zhizn’ Iskusstva”). *Zhizn’ Iskusstva*. 1920. No. 569. September 29. P. 1. (In Russ.)]

Тименчик, 1994 – Тименчик Р. О фактическом субстрате мемуаров Г.В. Иванова // De visu (Москва). 1994. № 1/2. С. 67. [Timenchik R. On the factual substrate of G.V. Ivanov’s memoirs. *De visu* (Moscow). 1994. № 1/2. Pp. 67. (In Russ.)]

Тименчик, 2017 – Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. [Timenchik R. Podzemnye klassiki: Innokentiy Annenskiy. Nikolay Gumilev [Underground classics: Innokenti Annensky. Nikolai Gumilev]. Moscow, 2017.]

Тихонов, 1980 – Тихонов Н. Устная книга // Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 104–153. [Tikhonov N. The oral book. *Voprosy literatury*. 1980. № 6. Pp. 104–153. (In Russ.)]

Третьяков, 1921а – Третьяков В. Утрата невознаградимая // Сегодня (Рига). 1921. № 182. 13 августа. С. 3. [Tret’yakov V. Irreplaceable loss. *Segodnya* (Riga). 1921. No. 182. August 13. P. 3. (In Russ.)]

Третьяков, 1921б – Третьяков В. Анна Ахматова // Сегодня (Рига). 1921. № 261. 15 ноября. С. 2. [Tret’yakov V. Anna Akhmatova. *Segodnya* (Riga). 1921. No. 261. November 15. P. 2. (In Russ.)]

Третьяков, 1926 – Третьяков В. Литературный Петербург. (Недавнее) // Сегодня (Рига). 1926. № 254. 10 ноября. С. 2. [Tret’yakov V. Literary Petersburg. (Recent events). *Segodnya* (Riga). 1926. No. 254. November 10. P. 2. (In Russ.)]

Третьяков, 1927 – Третьяков В. Памяти А. Блока. (К годовщине смерти) // Сегодня (Рига). 1927. № 174а. 8 августа. С. 2. [Tret’yakov V. In memory of A. Blok. (On the anniversary of his death). *Segodnya* (Riga). 1927. No. 174a. August 8. P. 2. (In Russ.)]

Устинов, Сажин, 1991 – Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 93–112. [Ustinov A., Sazhin V. The burn. On the history of the unreleased “Literaturnaya gazeta” of 1921. *Literaturnoe obozrenie*. 1991. No. 2. Pp. 93–112. (In Russ.)]

Ходасевич, 1997 – Ходасевич В. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. [Khodasevich V. Sobranie sochineniy v 4 t. [Collected Works in 4 vols.]. Vol. 4: Necropolis. Memoirs. Letters. Moscow, 1997.]

Чудовский, 1920 – Чудовский В. «Литературный Альманах» – Анна Радлова // Жизнь искусства. 1920. № 596–597. 30–31 октября. С. 1. [Chudovskiy V. A “Literary Almanac” – Anna Radlova. *Zhizn’ Iskusstva*. 1920. No. 596–597. October 30–31. P. 1. (In Russ.)]

Чуковский, 2013 – Чуковский К. Собрание сочинений в 15 т. Т. 11: Дневник (1901–1921); Т. 14: Письма (1903–1925). М., 2013. [Chukovsky K. Sobranie sochineniy v 15 t. [Collected works in 15 vols.]. Vol. 11: Diary (1901–1921); T. 14: Letters (1903–1925). Moscow, 2013.]

Чукоккала, 1999 – Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Первое полное издание / Сост., подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. М., 1999. [Chukokkala. Rukopisnyy almanakh Korneya Chukovskogo. Pervoe polnoe izdanie [Chukokkala. Korney Chukovsky's handwritten almanac. First complete edition]. E. Chukovskaya (ed., commentary). Moscow, 1999.]

Шкловский, 1922 – Шкловский Владимир Б. <Рец.:> Н. Гумилёв. Костер // Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 57. [Shklovsky Vladimir. Review of N. Gumilev. "Kostior". *Kniga i revolyutsiya*. 1922. 1922. No. 7 (19). P. 57. (In Russ.)]

Эйхенбаум, 1920 – Эйхенбаум Б. О прозе М. Кузмина // Жизнь искусства. 1920. № 569. 29 сентября. С. 1. [Eikhenbaum B. About the prose of M. Kuzmin. *Zhizn' Iskusstva*. 1920. No. 569. September 29. P. 1. (In Russ.)]

Ronen, 1983 – Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jerusalem, 1983.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020
The article was received on 06.05.2020

Об авторе / About the author

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук; PhD (сравнительное литературоведение); главный редактор книгоиздательства «Аквилон», г. Сан-Франциско, США

Andrei B. **Ustinov** – Dr. Phil. Hab.; PhD (Philology); Director of "Aquilon Books", San Francisco, USA

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8468-4854
E-mail: abooks@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-60-75

O. Antropova, E. Ogorodnikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

Automated method of hyper-hyponymic verbal pairs extraction from dictionary definitions based on syntax analysis and word embeddings

This study is dedicated to the development of methods of computer-aided hyper-hyponymic verbal pairs extraction. The method's foundation is that in a dictionary article the defined verb is commonly a hyponym and its definition is formulated through a hypernym in the infinitive. The first method extracted all infinitives having dependents. The second method also demanded an extracted infinitive to be the root of the syntax tree. The first method allowed the extraction of almost twice as many hypernyms; whereas the second method provided higher precision. The results were post-processed with word embeddings, which allowed an improved precision without a crucial drop in the number of extracted hypernyms.

Key words: semantics, verbal hyponymy, syntax models, word embeddings, RusVectōrēs

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-302-00129

FOR CITATION: Antropova O., Ogorodnikova E. Automated method of hyper-hyponymic verbal pairs extraction from dictionary definitions based on syntax analysis and word embeddings. *Rhema.* 2020. No. 2. Pp. 60–75. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-60-75

© Antropova O., Ogorodnikova E., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-60-75

О.И. Антропова, Е.А. Огородникова

**Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация**

Автоматический метод выявления гипо-гиперонимических глагольных пар из глагольных дефиниций на основе синтаксического анализа и векторного представления слов

Исследование посвящено разработке двух методов автоматизированного выявления гипо-гиперонимических глагольных пар из словарных дефиниций. Методы основаны на суждении, что в глагольной словарной статье чаще всего определяемое слово является гипонимом, а толкование формулируется через его гипероним в инфинитиве. С помощью первого метода извлекаются все инфинитивы, имеющие зависимые слова. Во втором методе помимо этого требовалось, чтобы извлекаемый инфинитив был вершиной дерева синтаксического разбора. Первый метод позволяет извлечь почти вдвое больше истинных гиперонимов, в то время как второй метод обеспечивает более высокую точность. Результаты были обработаны с помощью векторного представления слов – это позволило значительно увеличить точность без существенного снижения количества извлеченных гиперонимов.

Ключевые слова: семантика, глагольная гипонимия, синтаксические модели, векторное представление слов, RusVectōrēs

Благодарности. Исследование финансировалось РФФИ в соответствии с исследовательским проектом № 18-302-00129.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Антропова О.И., Огородникова Е.А. Автоматический метод выявления гипо-гиперонимических глагольных пар из глагольных дефиниций на основе синтаксического анализа и векторного представления слов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 60–75. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-60-75

1. Introduction

Studying and determining semantic relations has a special role in contemporary computational linguistics. The main domain of the application of semantic relations extraction is lexicography resources construction (e.g. electronic dictionaries and thesauri). Besides, different semantic relations are used in natural language processing and language teaching resources.

The number of semantic relations is large and the number of semantic units in a language is tremendous. This means that it is almost impossible to establish all links manually; this task requires some other solutions, including automated methods of semantic relations extraction. So, the following research is devoted to the problem of the elaboration of such a method for automated extraction of Russian hyper-hyponymic verbal pairs.

One of the problems is that there are no unified precise criteria of hyponymy (in particular troponymy); its definition is very subjective and depends on individual comprehension and linguistic experience.

Elena Kotsova describes the hypernym and hyponym as:

1. Hypernym
   a. Is more frequent in a natural language;
   b. Allows more active synonymic substitution of species words in speech;
   c. Can be in a role of hypernym in different grades and levels of a genus-species hierarchy;
   d. Is simpler in morphemic structure, has no nominal motivation;
   e. Cannot be a word with an utterly broad meaning.
2. Hyponym
   a. Has more specific meaning and can be divided into semantic features; usually it is a monosemantic word;
   b. Has a seme, which is important for hyponymic links;
   c. Is less frequent, especially for specific words with professional meaning;
   d. More rarely can substitute a word with genus meaning, only in its syntagmatic field;
   e. Has two-seme prototypic semantic structure (hyperseme + hyposeme);
   f. Is in equivalent relations with other hyponyms of this hyponymic group;
   g. Usually has more complex morphemic structure [Kotsova, 2010, p. 25–27].

The authors of Princeton WordNet formulate the idea of hyponymy among verbs as following: “…the many different kinds of elaborations that

distinguish a ’verb hyponym’ from its superordinate have been merged into a manner relation that [Fellbaum, Miller, 1990] have dubbed troponymy (from the Greek *tropos*, manner or fashion). The troponymy relation between two verbs can be expressed by the formula *To V1 is to V2 in some particular manner*” [Fellbaum, 1993, p. 47].

For example, the verbs *плестись*, *брести*, *тащиться* ‘to trail, to plod, to trudge’ are synonyms as they express the same notion and contain the same quantity of information. They are also interchangeable in a context. And the verb *идти* ‘to go’ is their hypernym as it has a broader meaning. It also matches all hypernym criteria described above and fits in the formula: to trail/plod/trudge is to go in some particular manner.

The relevance of our research is determined by the lack of studies dedicated to automated extraction of relations of verbs. As it is shown in the Related Work section, the majority of research is focused on nouns. At the same time the methods applied to nouns in most cases do not work well with verbs. The elaborated method could facilitate many theoretical and applied issues in linguistics, in particular, automated filling of lexical resources.

2. Related Work

Numerous studies on semantic relations extraction have been published since the pioneering work of [Hearst, 1992]. The methods applied to the task vary greatly: lexico-syntactic patterns [Hearst, 1992, 1998], automatic translation from a different language [Pianta et al., 2002], extraction from knowledge databases [Zesch et al., 2008; Panchenko et al., 2012], conversion from a linguistic ontology [Loukachevitch et al., 2016], crowdsourcing [Braslavski et al., 2016], extraction grammars [Gonçalo et al. 2009, 2010], morpho-syntactic rules [Rubashkin et al., 2010] and different combinations of the aforementioned methods with machine-learning techniques such as clustering and word embeddings [Kiselev, 2016; Alekseevsky, 2018; Karyaeva et al., 2018].

Despite such abundance of research, studies on verbs are not easily found as long as most works are focused on nouns. Unlike the others’ work [Gonçalo et al., 2010], which extracted different types of relations for four open grammatical categories (nouns, verbs, adjectives, adverbs). They obtained 58,362 pairs of synonyms for nouns and 30,180 pairs for verbs; 122,478 noun hypernyms and no verb hypernyms at all. These results and our ongoing research allow one to suggest that verbal hyponymy extraction demands some special research as long as methods developed for nouns do not go well with verbs.

The authors of [Goncharova, Cardenas, 2013] designed a method of extraction of hypo-hypernymic hierarchy of verbs from domain-specific

corpora. This method is based on the cognitive theory of terminology [Benitez et al., 2005]. The method is developed further in [Cardenas, Ramisch, 2019]. Firstly, authors automatically extracted noun-verb-noun triples from specialized corpora of environmental science texts in English and Spanish. Secondly, they manually annotated each triple with the lexical domain of the verbs and the semantic class and role of the noun. And lastly, they manually inferred the hypo-hypernymic hierarchy of the extracted verbs according to their syntactic potential: the more types of semantic subclasses of nouns a verb accept, the higher its position in the hierarchy. The method is very different from all the aforementioned ones because it focuses on domain-specific terminology and demands much more human effort. Therefore, despite being a useful tool for the creation of domain-specific ontologies, this method is hardly applicable to common language.

To the best of our knowledge there is no other research on hypernyms extraction for Russian verbs. Our research started from lexico-syntactic patterns [Hearst, 1992, 1998], or specific linguistic expressions or constructions which usually include both hyponym and hypernym in a context. For example, *<hyponym>* ***and other*** *<hypernym>*; *<hypernym>* ***such as*** *<hyponym>* and so on. Firstly, there was an attempt to find some typical lexico-syntactic patterns in corpus data, but it turned out to be inefficient for verbs. Even though hypernyms and hyponyms can both be found in the nearest context, we have failed to discover any regular patterns in corpus data.

We manually analysed more than 400 contexts for 100 hyper-hyponymic pairs and realised that these pairs fulfil the hyponymy function very rarely, no more than 5-6 examples among our set of contexts. For example, the sentence *К тому же хотелось сучить ногами*, ***вертеться***, *вообще* – ***двигаться***, *хотя несколько минут назад он мечтал только об одном – лечь* 'In addition, he wanted to curl his toes, **to spin**, generally – **to move**, although a few minutes ago he dreamed of only one thing – to lie down' includes a hyper-hyponymic pair *вертеться*/*двигаться* 'to spin / to move', but there is no regular pattern that can be applied to other texts to find other hyper-hyponymic pairs. Also it turned out that hyper-hyponymic pairs more often play a role of contextual synonyms in texts [Ogorodnikova, 2017].

Secondly, we have tried to process dictionary data and find some lexico-syntactic patterns there as long as they commonly contain both hyponym and hypernym in one entry. Frequent and universal lexico-syntactic patterns are easily detected for nouns: *<hyponym> – род*/*вид*/*разновидность*/… 'class, sort, kind' *<hypernym>*. We have also failed to detect any similarly universal lexico-syntactic patterns for verbs. Nonetheless, it was noticed that in most cases a hypernym in a definition is accompanied with a repeating specifying word. We have called such words "lexical markers". Unfortunately,

the lexical markers drastically differ for different semantic groups of verbs. For example, such lexical markers as *вверх*/*вниз* 'up/down' are typical for verbs of movement and useless for verbs of speech. Those verbs are usually defined by such markers as *громко* / *тихо*, *невнятно*, *отрывисто 'loudly* / *quietly*, *incomprehensibly*, *abruptly'*. We have manually created a list of such markers for verbs of movement, automatically extracted hyper-hyponymic pairs from six dictionaries and manually evaluated them [Antropova, Ogorodnikova, 2019].

The method based on this idea showed a moderate precision of 0,61, but the coverage of the method depends on the list of markers, which has to be created separately for every semantic group. Manual creation of such lists is time-consuming and the task of automated creation does not seem to be much easier than the task of hyponym extraction itself.

3. Data

The study is mainly based on the material of dictionary definitions for verbs which were taken from seven Russian dictionaries:

1. Babenko L.G.: The Dictionary of Synonyms of the Russian Language, 2011;
2. Babenko L.G.: The Explanatory Dictionary of Russian Verbs, 1999;
3. Efremova T.F.: The New Dictionary of Russian Language. Explanatory-derivational, 2000;
4. Evgenyeva A.P.: The Small Academic Dictionary: in 4 v. The 4th ed., 1999;
5. Kuznetsov S.A.: The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language, 2000;
6. Ushakov D.N.: The Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 v., 1935–1940;
7. Linguistic Ontology Thesaurus RuThes.

These dictionaries are available in electronic form, so they can be easily processed. Besides, they are well-known to Russian linguistics and present the fullest vocabulary.

To check the effectiveness of the proposed methods we used one hundred Russian verbs. This number of test units allows the estimation of the methods and it is possible to analyze all achieved results manually. The verbs were extracted from The Explanatory Dictionary of Russian Verbs because it contains a detailed semantic classification of verbs, and it allows the consideration of the difference between semantic groups as it can influence the result of our analysis. The verbs from different groups were taken proportionally according to rates in the dictionary. We then tested our methods on these verbs' definitions taken from all seven dictionaries.

4. Methods

4.1. Syntactic analysis of definitions

The creation of the method is possible because of traditional definition construction. According to [Komarova, 1990] and [Shelov, 2003] there are some typical classes of definitions. So, the main difference, which is significant for the purpose of the research, is that definitions can be extended or unextended. Extended definitions are usually based on hyponymy, meronymy, or contextual explanations (*рвать – резким движением разделять на части* 'to rip – to divide into parts with an abrupt movement'). Unextended definitions contain synonyms of an entry word or its derivatives referring to another entry (*жульничать – плутовать*, *мошенничать* 'to cheat – to palter, to swindle'; defining perfective referring to its imperfective pair).

The most common type of semantic relations in verbal extended definitions is hyponymy. This speculation allows us to elaborate a method of automated verbal hyper-hyponymic pairs extraction.

So, a hypernym is usually expressed as an infinitive with dependent words. However, this rule still results in the extraction of some noise, as far as an infinitive can be used in different extending constructions. We suggested that it is possible to get rid of some noise by adding a rule that a target infinitive should be the root of syntax tree of the definition.

In order to implement these methods, we decided to use the UDPipe[1] pre-trained model to obtain syntax trees for the definitions. UDPipe offers 3 models for the Russian language. We chose the Russian model trained on SynTagRus because it provides better quality according to its authors' estimations.[2] On the basis of the model we created two methods of hypernyms extraction from dictionary definitions:

1. "InfsWithDependants". It extracts all the infinitives having dependent words in a given definition.

2. "RootInfWithDependants". It extracts the infinitive having dependent words in a given definition only if it is the root of the syntax tree.

So, the definition *стучать – ударять* (*ударить*) *в дверь*, *окно коротким*, *отрывистым звуком*, *выражая этим просьбу* ***впустить*** *кого-л.*, *куда-л.* 'to knock – to hit a door, a window with short, choppy sounds wishing to **let** somebody **in'** can be processed differently. The second method allows the discover of only one infinitive *ударять* 'to hit', which is the true hypernym for *стучать* 'to knock', while the first one extracts two verbs *ударять*, *впустить* 'to hit, to let in', and *впустить* 'to let in' is an example of the noise.

[1] URL: http://ufal.mff.cuni.cz/udpipe

[2] URL: http://ufal.mff.cuni.cz/udpipe/models

4.2. Post-processing with word embeddings

As it is shown in Table 1, "InfsWithDependants" proved to find almost twice as many correct hypernyms as "RootInfWithDependants", whereas the second method delivers considerably higher precision. Thus, we devised an idea how to improve "InfsWithDependants" results by post-processing it with word embeddings.

A word embedding is a mathematical model of a language. It is based on the idea that similar words tend to appear in similar contexts. A word embedding is a trained neural network which transforms words into vectors (or points[3]) in some N-dimensional semantic space: if the words appear in similar contexts, the points are close to each other in the space. Figure 1 shows an example of such a representation. For the current research it is important that word embeddings also allow the calculation of a similarity measure of given words, namely the cosine similarity, which scales from 0 (least similar) to 1 (most similar). For example, according to the embedding from Figure 1, cosine similarity of verbs *глядеть* 'to gaze' and *смотреть* 'to look' is 0.836, *глядеть* and *делать* 'to do' – 0.310, *глядеть* and *обладать* 'to possess' – 0.144. Models differ from each other by the following parameters: corpora used for the model training; part of speech (POS) tags used to distinguish homonymic parts of speech (e.g., if "go" is a verb or a noun); the size of the sliding window – the number of neighbourhood words taken into account; and a number of other technical parameters such as the learning algorithm or dimensionality. See [Kutuzov, Kuzmenko, 2017] for details.

We employed pre-trained embeddings from RusVectōrēs project.[4] The idea of the method is to drop the extracted candidate verb if its similarity with the defined verb is lower than a threshold.

We took "InfsWithDependants" results for the hundred verbs as a starting point and randomly divided them into test (30) and development (70) sets. Then, for each available RusVectōrēs model we did the following. First, we cleaned the development set from verbs absent in a model. Second, we performed 7-fold cross-validation on the development set in order to get a better estimation of a model and find the best threshold for it. After that, we compared all the models by their mean performance on cross-validation and chose the best and applied it to the test set.

[3] Actually, the neural network output is N numbers – a set of coordinates in N-dimensional semantic space. This numbers can be visually represented either as a vector, beginning in the origin of coordinates and ending in the given set of coordinates, or simply as a point with the given set of coordinates.

[4] URL: http://rusvectores.org/ru/models

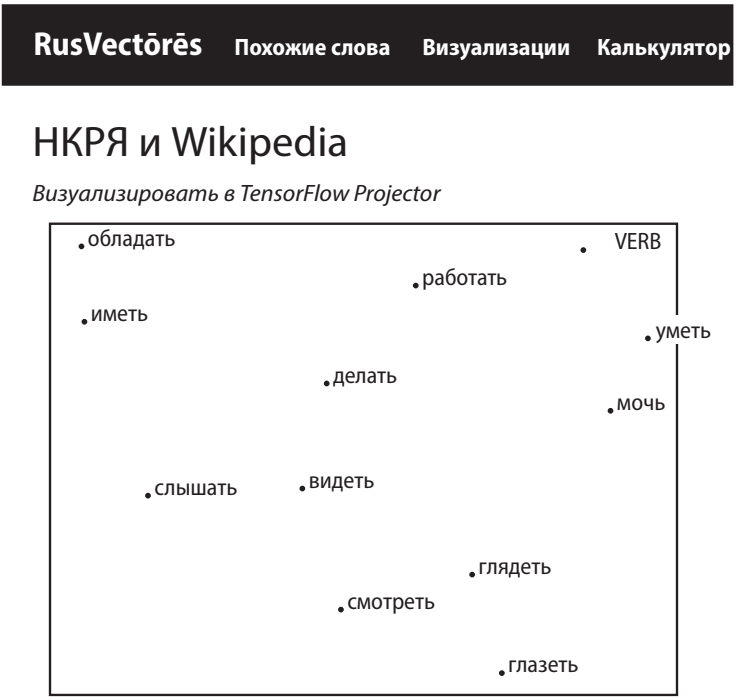

Fig. 1. A visualization of word embeddings

The embeddings are created by a RusVectōrēs model trained on Russian National Corpus and Wikipedia. Represented verbs: *делать* 'to do', *работать* 'to work', *иметь* 'to have', *обладать* 'to possess', *мочь* 'to be able to', *уметь* 'can', *глядеть* 'to gaze', *видеть* 'to see', *смотреть* 'to look' , *глазеть* 'to stare', *слышать* 'to hear'

5. Results and Discussion

"InfsWithDependants" and "RootInfWithDependants" were applied to all the definitions of the hundred verbs. The derived hypernyms were then manually marked for correctness. The evaluation results are summarized in Table 1. Obviously, "RootInfWithDependants" cannot extract more true hypernyms than "InfsWithDependants", as long as it simply adds one more filtering condition. Calculating actual recall is not possible because only the extracted infinitives were marked. Nonetheless, we can get some notion about the recall drop judging by the drop of the true positive rate. "InfsWithDependants" allows the extraction of almost twice as many true hypernyms as "RootInfWithDependants", but it demonstrates a significantly lower precision.

Table 1

"InfsWithDependants" and "RootInfWithDependants" results for the hundred of verbs

Method name	True Positive Rate	Precision
InfsWithDependants	1.000	0.466
RootInfWithDependants	0.595	0.571

Let us consider some typical mistakes arising during the syntax analysis of the definitions. For example, for the definition *вертеться – совершать круговые движения*; *вращаться*, *крутиться* 'to revolve – to carry out circular motions; to rotate, to spin' it marks *крутиться* 'to spin' as dependent from *вращаться* 'to rotate', whereas they actually are homogeneous and both have no dependent words, which is typical for synonyms in definitions and facilitates distinguishing them from hypernyms. Second, a common problem may be illustrated by the definition *доходить – понимая и осознавая что-либо*, *разбираться*/*разобраться в чем-либо* (*в каком-либо сложном вопросе*, *запутанном деле* и т.п.) 'to see the light – to figure something out understanding or realizing it (about challenging issue, complicated problem etc.)'. Here the model mistakenly marks the first verb of verbal adverbial construction as a root while it should have been the homogeneous verbs *разбираться*/*разобраться* 'to figure out'. Such mistakes might be avoided by customising the syntax model for our task. In further research this issue will be addressed.

The following example illustrates drawbacks of our methods. *Заедать – подвергая что-л.* (*обычно какие-л. механизмы*) *отрицательному воздействию*, *зажимать*/*зажать*, *защемлять*/*защемить*, *зацеплять*/*зацепить какую-л. деталь*, *препятствуя движению*, *нормальному функционированию* 'to jam – exposing negatively (usually some devices), to press, to squeeze, to hook a detail, so that movement or action is prevented'. Even if the syntax tree for this definition was perfect, our method does not allow the delineation of hypernyms from synonyms in case the latter have dependent words. The application of our method is also limited to extracting one-verb hypernyms only. Finding the exact boundaries of a multi-word hypernym is much more difficult. A frequent case of multi-word hypernym is the verb *совершать* 'to carry out' which can collocate with different specifying supplements. For instance, the definition to the verb *вертеться* 'to revolve' starts with an expression *совершать движения* 'to carry out motions' in many dictionaries.

As mentioned earlier, we decided to post-process the results of "InfsWithDependants" in order to improve its precision. Performance of every available RusVectōrēs model in "InfsWithDependants" on cross-validation is shown in Table 2. It was possible to calculate recall for this case, because here we processed only the extracted hypernyms, which had been manually marked for correctness, so we knew exactly how many true hypernyms the set contained.

Table 2

Average quality measures on cross-validation for RusVectōrēs models

N	Model parameters			Precision	Recall	F-score
	Corpora	POS tags	Window size			
1	Ruscorpora	Universal tags	20	0.5171	0.6835	0.5813
2	Russian Wikipedia and Ruscorpora	Universal tags	2	0.4851	0.798	0.5943
3	Tayga	Universal tags	2	0.5201	0.7295	0.6011
4	Tayga	None	10	0.5005	0.5889	0.5338
5	Russian news	Universal tags	5	0.4796	0.8957	0.6221
6	Araneum	None	5	0.5215	0.436	0.4728

The models can be downloaded from http://rusvectores.org/models/. Model filenames:
1 – ruscorpora_upos_cbow_300_20_2019;
2 – ruwikiruscorpora_upos_skipgram_300_2_2019;
3 – tayga_upos_skipgram_300_2_2019;
4 – tayga_none_fasttextcbow_300_10_2019;
5 – news_upos_skipgram_300_5_2019;
6 – araneum_none_fasttextcbow_300_5_2018

When fitting the thresholds and choosing the best model we decided to rely on precision rather than F-score because precision for this task does not grow with the increase of the threshold. A typical graph for precision, recall and F-score resembles Figure 1. This shows that precision grows up only to some threshold, but then it decreases. It happens because the word embeddings that we used does not distinguish different meanings of words, thus combining all the meanings of a word into a single average vector. Therefore, if at least one word of a hyper-hyponymic pair is used not in its most frequent meaning, their similarity might be rather low.

Also, Figure 2 demonstrates that recall changes in a much wider span, thus having greater impact on F-score.

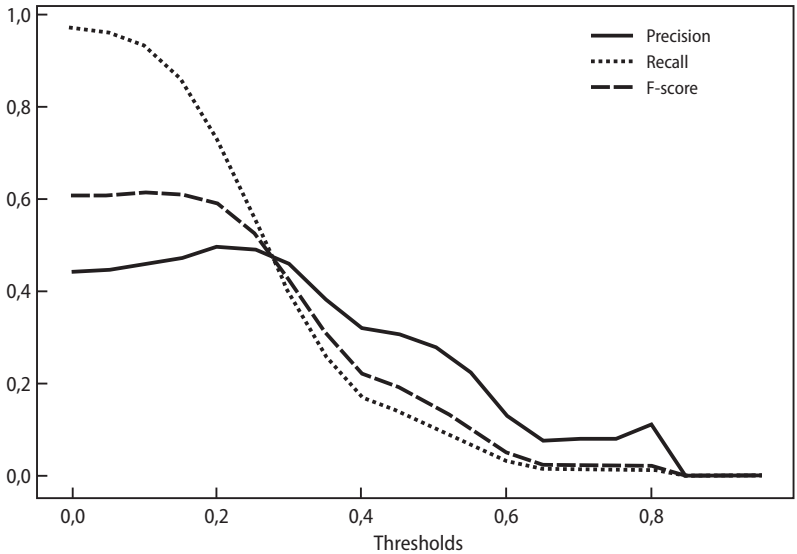

Fig. 2. A typical dependency of precision, recall and F-score from threshold

We chose the third model (Tayga, Universal tags, Window Size = 2) from all the models presented in Table 2 because even though the sixth model (Araneum, No tags, Window Size = 5) has slightly higher precision, the first one has significantly higher recall. We applied the chosen model with the threshold found during cross-validation to the test set and compared it with the corresponding parts of "InfsWithDependants" and "RootInfWithDependants" results (see Table 3). In that way we managed to obtain the results with a higher true positive rate and precision than those of the "RootInfWithDependants" method.

Table 3

Final results for the test set

Method name	True Positive Rate	Precision
InfsWithDependants	1.000	0.401
Post-processed *InfsWithDependants*	0.832	0.517
RootInfWithDependants	0.740	0.504

Conclusion

A preliminary linguistic reflection allowed us to conclude that for verb hyponymy extraction, it is worth using dictionary definitions. In this kind of linguistic source, verbal hyper- and hyponyms occur together more frequently than in others (e.g. corpus data).

Our previous study also allowed us to conclude that lexico-syntactic patterns, widely used for the extraction of hyper-hyponymic pairs of nouns, do not fit for verbs because we were unable to find any verbal lexico-syntactic patterns neither in corpora nor in dictionary definitions. Therefore, some methods of extraction should be developed specifically for verbs.

The study shows that syntactic analysis of definitions is a good starting point for hyper-hyponymic verbal pairs extraction. We developed two methods based on syntactic analysis of definitions and applied them to seven Russian dictionaries. The first method extracted all infinitives that have dependants. The second method also demanded an extracted infinitive to be the root of the syntax tree. The use of pre-trained word embeddings from RusVectores project improved precision of the first syntax-based method without a crucial drop in the number of extracted true hypernyms, which allowed outperformance of the second syntax-based method in both precision and number of extracted true hypernyms.

Nonetheless, analysis of mistakes showed that the syntax model should be customised for our task to improve the results of the developed method. We will address these issues in future research.

References

Antropova, Ogorodnikova, 2019 – Антропова О.И., Огородникова Е.А. Возможности автоматизированного выделения гипо-гиперонимических пар из словарных определений глаголов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 2. С. 51–57. [Antropova O.I., Ogorodnikova E.A. Possibilities of computer-aided extraction of hyper-hyponymic pairs from dictionary definitions of verbs. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Lingvistika*. 2019. Vol. 16. No. 2. Pp. 51–57. (In Russ.)]

Alekseevsky, 2018 – Алексеевский Д.А. Методы автоматического выделения тезаурусных отношений на основе словарных толкований: Дис. … канд. филол. наук. М., 2018. [Alekseevsky D.A. Metody avtomaticheskogo vigeleniya tezaurusnih otnosheniy na osnove slovarnih tolkovaniy [Automatic methods of thesauri relations extraction on the basis of dictionary definitions]. PhD diss. Moscow, National Research University “Higher School of Economics”, 2018.]

Benitez et al., 2005 – Benitez F., Exposito C.M., Exposito M.V., Linares C.M. Framing Terminology: A Process-Oriented Approach. *Meta*: *Translators’ Journal*. 2005. Vol. 50. No. 4. URL: https://www.eru-dit.org/en/journals/meta/2005-v50-n4-meta1024/019916ar (accessed: 11.10.2019).

Braslavski et al., 2016 – Braslavski P., Ustalov D., Mukhin M., Kiselev Y. YARN: Spinning-in-Progress. *Proceedings of the Eight Global Wordnet Conference*. V.B. Mititelu, C. Forăscu, C. Fellbaum, P. Vossen (eds.). Bucharest, 2016. Pp. 58–65.

Cardenas, Ramisch, 2019 – Cardenas B.S., Ramisch C. Eliciting specialized frames from corpora using argument-structure extraction techniques. *Terminology*. *International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*. 2019. 25 (1). Pp. 1–31.

Fellbaum, Miller, 1990 – Fellbaum C., Miller G.A. Folk psychology or semantic entailment? A reply to rips and conrad. *Psychological Review*. 1990. No. 97. Pp. 565–570.

Fellbaum, 1993 – Fellbaum C. English verbs as a Semantic Net. Word-Net: Lexical Database – Revised August, 1993.

Goncharova, Cardenas, 2013 – Goncharova Yu., Cardenas B.S. Specialized Corpora Processing with Automatic Extraction Tools. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. A. Hamilton (ed.). Elsevier, 2013. Pp. 293–297.

Gonçalo et al., 2009 – Gonçalo H.O., Santos D., Gomes P. Relations extracted from a portuguese dictionary: Results and first evaluation. *Local Proc*. *14th Portuguese Conference on Artificial Intelligence* (*EPIA*). L.S. Lopes, N. Lau, P. Mariano, L.M. Rocha (eds.). Springer, 2009. Pp. 541–552.

Gonçalo et al., 2010 – Gonçalo H.O., Gomes P. Onto.PT: Automatic Construction of a Lexical Ontology for Portuguese. *Proceedings of 5th European Starting AI Researcher Symposium* (*STAIRS 2010*). T. Abudawood, P.A. Flach (eds.). Lisbon, 2010. Pp. 199–211.

Hearst, 1992 – Hearst M.A. Automatic acquisition of hyponyms from Large Text Corpora. *Proceedings of the 14th Conference on Computational Linguistics*. Nantes, 1992. Pp. 539–545.

Hearst, 1998 – Hearst M.A. Automated Discovery of WordNet Relations. *WordNet*: *An Electronic Lexical Database*. C. Fellbaum (ed.). Cambridge, 1998. Pp. 132–152.

Karyaeva et al., 2018 – Karyaeva M., Braslavski P., Kiselev Yu. Extraction of hypernyms from dictionaries with a Little Help from Word Embeddings. *Analysis of Images*, *Social Networks and Texts – 7th International Conference*, *AIST*. A. Panchenko, W.M. van der Aalst, M. Khachay et al. (eds.) Moscow, 2018.

Kiselev, 2016 – Киселев Ю.А. Разработка автоматизированных методов выявления семантических отношений для электронных тезаурусов: Дис. … канд. техн. наук. Екатеринбург, 2016. [Kiselev Yu.A. Razrabotka avtomatizirovannykh metodov vyyavleniya semanticheskikh otnoshenii dlya elektronnykh tezaurusov [Elaboration of computer-aided methods of semantic relations extraction for electronic thesauri]. PhD diss. Ekaterinburg, Ural Federal University, 2016.]

Komarova, 1990 – Комарова З.И. Русская отраслевая терминология и терминография. Каменец-Подольский, 1990. [Komarova Z.I. Russkaya otraslevaya terminologiya i terminografiya [Russian branch terminology and terminography]. Kamenets-Podolskiy, 1990.]

Kotsova, 2010 – Котцова Е.Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола): Дис. … д-ра филол. наук. Архангельск, 2010. [Giponimiya v leksicheskoi sisteme russkogo yazyka (na materiale glagola). [Hyponymy in lexical system of the Russian language (on the material of verbs)]. Dr. Hab. diss. Arkhangelsk, Pomor State University, 2010.]

Kutuzov, Kuzmenko, 2017 – Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. *Analysis of Images*, *Social Networks and Texts*. *AIST 2016*. Ignatov D. et al. (eds.). Springer, Cham, 2017.

Loukachevitch et al., 2016 – Loukachevitch N.V., Lashevich G., Gerasimova A.A. et al. Creating Russian WordNet by Conversion. *Proceedings of Conference on Computatilnal linguistics and Intellectual technologies Dialog-2016*. V.P. Selegey et al. (eds.). Moscow, 2016. Pp. 405–415.

Ogorodnikova, 2017 – Огородникова Е.А. Использование лексико-синтаксических шаблонов для формализации родовидовых отношений в толковом словаре // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 20–24. [Ogorodnikova E.A. Applying of lexico-syntactic patterns to hyper-hyponymic relations formalization in an explanatory dictionary. *Evraziyskiy gumanitarny zhurnal*. 2017. No. 2. Pp. 20–24. (In Russ.)]

Panchenko et al., 2012 – Panchenko A., Adeykin S., Romanov P., Romanov A. Extraction of Semantic Relations between Concepts with KNN Algorithms on Wikipedia. *Concept Discovery in Unstructured Data Workshop* (*CDUD*) *of International Conference On Formal Concept Analysis*. D. Ignatov, S. Kuznetsov, J. Poelmans (eds.). Leuven, 2012. Pp. 78–88.

Pianta et al., 2002 – Pianta E., Bentivogli L., Christian G: MultiWordNet. Developing an aligned multilingual database. *Proceedings of the 1st International WordNet Conference*. Ch. Fellbaum, P. Vossen (eds.). Mysore, 2006. Pp. 293–302.

Rubashkin et al., 2010 – Опыт автоматизированного пополнения онтологий с использованием машиночитаемых словарей / Рубашкин В.Ш., Бочаров В.В., Пивоварова Л.М., Чуприн Б.Ю. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции Диалог. Вып. 9 (16). Кибрик А.Е. и др. (ред.). М., 2010. С. 413–418. [Rubashkin V.Sh., Bocharov V.V., Pivovarova L.M., Chuprin B.Yu. The approach to ontology learning from machine-readable dictionaries. *Proceedings of Conference on Computatilnal linguistics and Intellectual technologies Dialog-2010*. No. 9 (16). A.E. Kibrik et al. (eds.). Moscow, 2010. Pp. 413–418. (In Russ.)]

Shelov, 2003 – Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003. [Shelov S.D. Termin. Terminologichnost. Terminologicheskie opredeleniya [Term. Termhood. Terminological definitions]. St. Petersburg, 2003.]

Zesch et al., 2008 – Zesch T., Müller Ch., Gurevych I. Extracting lexical semantic knowledge from Wikipedia and Wiktionary. *Proceedings of the Sixth International Conference on Language Resources and Evaluation*. Marrakech, 2008. Pp. 1646–1652.

Статья поступила в редакцию 26.10.2019
The article was received on 26.10.2019

Об авторах / About the authors

Антропова Оксана Игоревна – старший преподаватель кафедры технической физики Физико-технологического института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Oksana I. Antropova – Senior Lecturer at the Chair of Applied Physics of the Institute of Physics and Technology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: choksy@mail.ru

Огородникова Екатерина Алексеевна – ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Ekaterina A. Ogorodnikova – Teaching Assistant at the Chair of Linguistics and Professional Communication on Foreign Languages of the Department of Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: kruglikova.katya@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-76-91

О.В. Курьянова

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 117485 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991 г. Москва, Российская Федерация

Морфология и линейный порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка

Статья посвящена обсуждению линейного порядка атрибутивных прилагательных различного морфологического состава. Описано исследование, проведенное на корпусе текстов, написанных на старославянском, древнерусском и старорусском языке. Результаты показывают, что прилагательные с разными суффиксами имеют разные тенденции линеаризации.

Ключевые слова: структура именной группы, атрибутивные прилагательные, морфология, русский язык, диахрония

Благодарности. Исследование поддержано грантом РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемым в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Курьянова О.В. Морфология и линейный порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 76–91. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-76-91

© Курьянова О.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-76-91

O. Kuryanova

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation;

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Morphology and linear order of attributive adjectives in the history of the Russian language

The paper discusses ordering of attributive adjectives, which have differences in their derivational and inflectional morphology. A corpus-driven study is presented: the complex corpus, consisting of Old Church Slavonic and Old Russian texts from 11 to 17 centuries was used. Quantitative analysis shows the different ordering tendencies for attributive adjectives with different suffixes.

Key words: noun phrase structure, attributive adjectives, morphology, Russian, diachrony

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant 18-18-00462 "Communicative-syntactic interface: typology and grammar", implemented at the Pushkin State Russian Language Institute

FOR CITATION: Kuryanova O. Morphology and linear order of attributive adjectives in the history of the Russian language. *Rhema.* 2020. No. 2. Pp. 76–91. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-76-91

Постановка задачи

Исследования линейного порядка атрибутивных прилагательных в разных языках породили большое количество гипотез о его устройстве: от идеи о свободном присоединении произвольных атрибутивных прилагательных в произвольной позиции относительно вершинного существительного до попыток доказать наличие строгой иерархии в группе прилагательного, основанной на различных критериях [Cinque, 2004].

Поскольку доказательство иерархической структуры группы прилагательного обычно базируется, в том числе, на межъязыковых сопоставлениях, вопрос о том, где именно в структуре словоформы прилагательного содержится тот смысл, который располагает слово на той или иной ступени иерархии, обычно не ставится. По умолчанию предполагается, что его носителем является лексема целиком. С одной стороны, такой подход позволяет рассчитывать на большую универсальность теоретических обобщений, однако имеет следствием игнорирование различий в морфологической структуре рассматриваемых – мыслимых как одинаковые – прилагательных в разных языках.

Между тем, тезис о том, что вклад в линеаризацию прилагательного могут вносить отдельные морфемы – причем не только лексическое значение корня, но и семантика отдельных аффиксов – на материале русского языка можно продемонстрировать на примере группы притяжательных прилагательных. Различие между *старушечий* и *старушеский* касаются аффиксального оформления при одинаковом лексическом значении корня, при этом линеаризация этих прилагательных отличается соответственно: первое встречается левее в ряду несочиненных определений значительно чаще, чем второе [Толдова, Муханова, 2017]. Одновременно с этим, один и тот же аффикс может присутствовать в различных по семантике прилагательных, и наоборот, в одном семантическом классе возможны прилагательные, содержащие разные аффиксы.

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать, вносят ли аффиксы вклад в линеаризацию прилагательного.

Методы исследования

Исследование проводилось на материале старославянского, древнерусского и старорусского языков с помощью электронного собрания синтаксически размеченных текстов The TOROT Treebank [Eckhoff, 2015].

Всего исследовано 14 текстов: старославянские «Супрасльская рукопись» и «Зографское евангелие», древнерусские (до XIV в.) «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, «Русская правда», «Смоленская торговая правда», «Успенский сборник», Суздальская летопись (Лаврентьевский список), Новгородская первая летопись, «Житие Сергия Радонежского»; старорусские (XIV–XVII вв.) «Задонщина», «Хожение Афанасия Никитина за три моря», «Повесть о взятии Царьграда турками», «Домострой» и «Житие протопопа Аввакума».

Методика исследования в целом совпадает с представленной в [Гращенков, Курьянова, 2018] для древнерусского, старорусского и старославянского языков. В ее основе предположение о том, что в указанных

языках препозитивное употребление определенного класса прилагательных находится **выше** в структурной иерархии, чем постпозитивное, а более **частое** употребление в препозиции некоторого класса прилагательных по сравнению с другим показывает, что первый располагается «выше» второго. Другими словами, если единица некоторого класса занимает «верхнюю» позицию (препозицию) в среднем чаще, чем «нижнюю» (постпозицию), относительно единицы другого класса, это позволяет говорить о тенденции к определенной позиции в структурной иерархии.

В случае, когда прилагательные разделены по семантическим классам (как в указанной выше работе), эта идея реализуется следующим образом. Картографическая гипотеза Г. Чинкве предполагает, что прилагательные внутри своей группы организованы в четкую иерархическую структуру. Эмпирически гипотеза поддержана типологическими наблюдениями за преобладающими и разрешенными цепочками прилагательных в разных языках. На широком ряде языков гипотеза проверяется с помощью контактно расположенных прилагательных, однако одно наблюдение Г. Чинкве позволяет адаптировать проверку гипотезы в ряде языков для неконтактного и даже одиночного расположения прилагательных в именной группе. Вот что он говорит касательно языков типа французского и итальянского, для которых характерны порядки ANA: «Хотя относительное расстояние данных прилагательных (размер и цвет) от существительного не может быть, на первый взгляд, установлено, немаркированный порядок групп прилагательных друг относительно друга в точности тот же самый, что и в AN языках, нежели смесь AN и NA языков. Это описательное обобщение прямо следует из того, что базовый порядок (уровень, на котором накладываются такие ограничения) одинаков для ANA и AN языков, с той разницей, что видимый ANA порядок образуется путем подъема существительного над некоторыми нижними группами прилагательного»[1] [Cinque, 1993, p. 29]. Таким образом, постпозитивное расположение прилагательного оказывается связано с его местом в группе прилагательного и включается в ту же цепочку, что и препозитивные. Если прилагательные образуют сквозную иерархию и постпозитивные в ней будут ниже, чем препозитивные, мы можем использовать именные группы, содержащие хотя бы одно

[1] “Although the relative distance of certain adjectives from the N (size and color) cannotat first sight be established, the unmarked relative ordering of APs among each other is exactlythe same as that of AN languages rather than being a mixture of AN and NA languages.This descriptive generalization follows directly from taking the base order (the level wheresuch restrictions are imposed) to be exactly the same for both ANA and AN languages, withthe observable ANA order derived by raising of the N past some of the lower APs”.

прилагательное, и предполагать, что выбор прилагательным преимущественно препозитивного расположения говорит о его положении выше в иерархии, чем у другого прилагательного, преимущественно выбирающего постпозицию к существительному.

Такой теоретически обоснованный способ увеличения выборки для исследования особенно актуален для малоресурсных языков, какими обычно и являются древние языки. И еще более он актуален для языков со «свободными» порядками слов: если линеаризация прилагательных в целом типологически представляет собой не очень четкую систему (в отличие от некоторых других частей речи), то «свободные» порядки обычно вызывают еще большую путаницу[2].

Представляется, что сложность исследования линейного порядка прилагательных в таких языках связана с тем, что исследователи опираются на два предположения, а именно:

1) для исследования нужны два прилагательных, расположенных контактно;

2) при базовом порядке слов мы должны наблюдать жестко зафиксированный способ линеаризации в каждом встреченном употреблении.

Соблюсти эти два условия на материале древних текстов довольно сложно. Во-первых, сочетаний AAN в корпусах достаточно мало и они часто подталкивают исследователей к противоположным выводам. Во-вторых, предположение о жестком базовом порядке прилагательных в каждой извлеченной из корпуса именной группе может оказаться необязательным: вместо этого мы можем говорить о статистически преобладающем выборе позиции для некоторого прилагательного относительно статистически преобладающего выбора позиции для другого прилагательного.

Важным здесь является то, что мы не говорим о взаимном расположении элементов иерархии как о жестко фиксированном положении каждого из них. Напротив: отталкиваясь от эмпирического наблюдения за вариативностью в языках со «свободным порядком слов», мы стремимся не выбрать из двух полярных суждений (имеем мы дело с иерархией или адъюнкцией), но найти критерий, наиболее органичный для изучаемого материала. Для классификации прилагательных по семантическому признаку такой метод на материале указанных выше древних языков дает результаты, в целом не противоречащие картографической

[2] См. обзор литературы и выводы исследования в [Лаптева, 1963] и [Улитова, 2016], показывающие, насколько разными могут быть представления о линеаризации прилагательных в зависимости от исследуемого материала, и демонстрирующие трудность в формулировке обобщений на основе даже достаточно обширного по меркам исторических корпусов материала.

гипотезе [Cinque, 1993]. Например, прилагательные со значением оценки в среднем чаще занимают препозицию к существительному, чем прилагательные со значением материала.

Отличия от приведенного выше исследования касаются способа выделения классов прилагательных. В настоящем исследовании, в противоположность указанному выше, используются не разные семантические классы, а разные суффиксы, присутствующие в составе прилагательных. Данное исследование имеет целью выявить существование тенденций линейного расположения прилагательных с конкретными суффиксами (преимущественная постпозиция или препозиция), а также тенденций взаимного линейного расположения прилагательных с разными суффиксами, и ограничивается разделением прилагательных на классы по крайнему правому суффиксу в структуре словоформы. В отличие от принадлежности к семантическому классу, в случае с суффиксами мы имеем дело с материально выраженным признаком, поэтому вопрос проверки корректности разделения на классы не ставится, равно как и вопросы о возможности их объединения или дальнейшего дробления. В исследовании не делается попытка предложить исчерпывающий анализ и моделирование стратегий линеаризации прилагательных в представленных древних языках.

Таким образом прилагательные были разделены на классы по присутствию в них суффиксов:

– *-ан*/*-ян* (*сукъняныи*),
– *-в*, *-ев*/*-ов* (*стефановъ*, *сосновыи*),
– *-им*/*-ем*/*-ом* (*неистъщаемыи*, *неначаемыи*, *незнаемыи*, *неугасимыи*),
– *-и*/*ы* (условное обозначение, «бессуффиксный» класс) – *вьседьрзыи*, *твьрдыи*,
– *-ин* (*аньнинъ*, *июдинъ*, *сотонинъ*),
– *-й* (*завоулонь*, *иерусалимль*, *митрополичь*),
– *-к* (*конячии*, *широкыи*, *сладъкъ*),
– *-л* (*озяблыи*, *гнилыи*, *дряхлыи*),
– *-ск* (*соловьчьскыи*, *вьселеньскыи*, *жидовьскъ*),
– *-т* (*ненарочитыи*, *лъжеименитъ*),
– *-ьн*/*-он* (*обычьныи*, *съястьныи*, *сльзьнъ*).

Из корпуса были извлечены все атрибутивные прилагательные вместе с контактно расположенной вершиной-существительным. Таких словосочетаний оказалось около 13 тысяч. Для каждого случая делалась пометка, занимает ли прилагательное позицию перед существительным или после, является ли прилагательное полным или кратким, также указывалась датировка памятника, из которого словосочетание было извлечено.

Предварительный анализ сводных таблиц с позициями разных суффиксов по разным историческим периодам показал отсутствие каких-либо тенденций изменения линеаризации со временем. Поэтому для построения диаграмм размаха были использованы все извлеченные из корпуса примеры употребления с соответствующими признаками, независимо от датировки памятника литературы, содержащего это словоупотребление. Для формирования диаграмм для каждого текста высчитывались доли случаев употребления одного из вариантов соответствующего признака, далее информация по отдельным текстам использовалась в качестве данных для построения диаграммы. Из набора данных удалены случаи, когда материал для анализа по отдельному суффиксу или позиции в памятнике отсутствует: это сделано для того, чтобы не приравнивать случаи, когда 0% значит, что материала нет, и случаи, когда материал распределился только в одну из категорий. Таким образом, точку 0% на графике следует читать как распределение прилагательных с данным суффиксом в конкретном памятнике в противоположную категорию.

Поведение прилагательных с разными суффиксами в четырех комбинациях признаков было проанализировано с помощью визуализации диаграммы размаха, предсказательная сила выделенных признаков проверена с помощью метода логистической регрессии.

Результаты

Сводная информация по каждому виду суффиксов представлена ниже на четырех графиках типа «ящик с усами»: первый график показывает долю прилагательных в препозиции, второй – долю прилагательных в полной форме, на третьем и четвертом отображена доля препозитивных употреблений среди всех прилагательных отдельно в полной и краткой форме соответственно. На графиках (рис. 1–4) можно увидеть центральные значения и пределы варьирования соответствующих признаков по выделенным группам суффиксов.

Графики построены следующим образом. По вертикальной оси отложены классы суффиксов, по горизонтальной – доля соответствующей позиции или формы. «Ящик» представляет собой интерквартильный размах и включает в себя 50% наблюдений. Вертикальной чертой внутри «ящика» обозначена медиана. «Усы» ограничивают почти все остальные варианты. Точками обозначены отдельные наблюдения (каждая точка – среднее значение признака в отдельном тексте). Точки, расположенные вне «ящика» и «усов», – выбросы. Диаграммы отдельных суффиксов ранжированы внутри графика по возрастанию значения медианы.

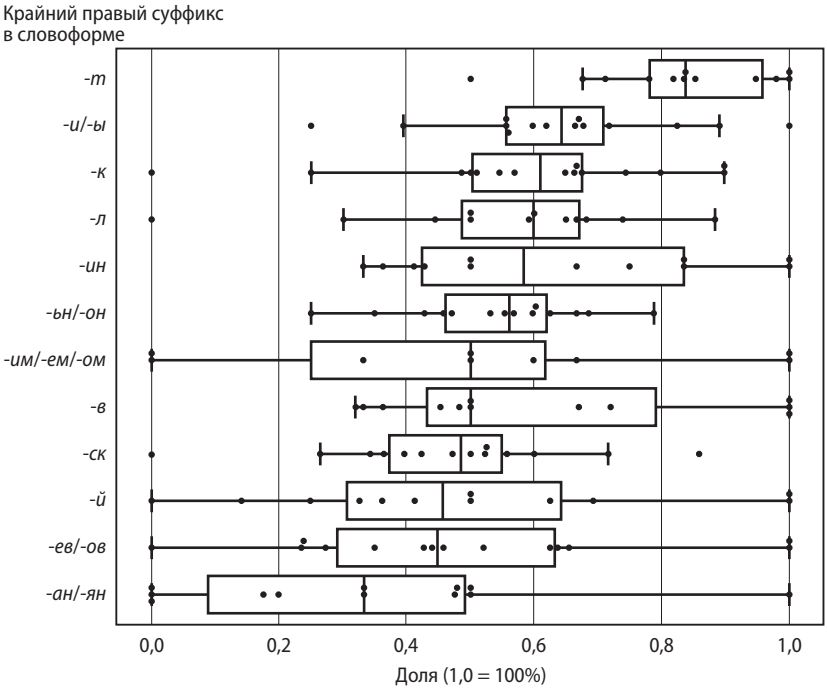

Рис. 1. Все атрибутивные прилагательные в препозиции

На рис. 1 видно, что высокую долю препозиции показывает суффикс *-т*. Чуть меньшее значение демонстрируют «бессуффиксный» класс, *-к* и *-л*. Обобщений для другого полюса в отношении позиции здесь вывести трудно, т.к. наблюдается большой разброс в данных, однако относительный порядок суффиксов по мере центральной тенденции предварительно оценить возможно.

На рис. 2 четко выделяется предпочтение полной формы прилагательными с суффиксами *-т* и *-ск*, чуть менее *-ьн*/*-он*, а также краткой формы суффиксами *-й*, *-ев*/*-ов*.

На рис. 3 отображено распределение признака позиции при контроле признака формы (все прилагательные в полной форме). Здесь мы видим тех же лидеров препозиции, что и на рис. 1: *-т*, *-к*, «бессуффиксный» класс, *-л*.

Суффиксы *-й* и *-ев*/*-ов*, из которых 87% выборки пришлось на семантический класс притяжательных прилагательных[3], разделяют единый

[3] Анализ исходных данных, на графике эта информация не представлена.

семантический класс на две части, одна из которых (*-й*), по-видимому, может находиться в структурной иерархии ниже, чем вторая (*-ев*/*-ов*).

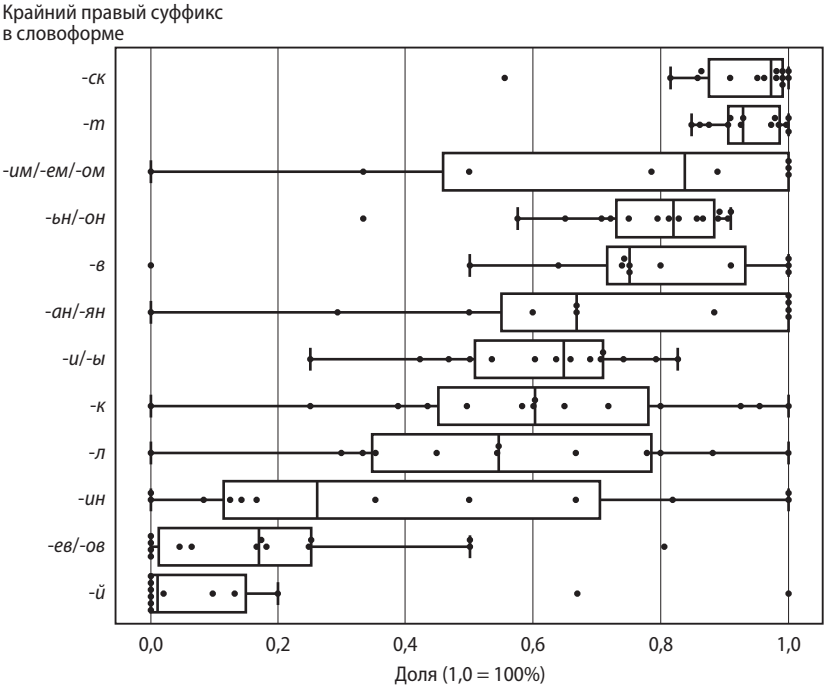

Рис. 2. Все атрибутивные прилагательные в полной форме

На рис. 4 отображено распределение признака позиции при контроле признака формы (все прилагательные в краткой форме). Здесь мы видим, что краткие прилагательные в текстах разных временных промежутков в среднем тяготеют к распределению в постпозицию. По разным суффиксам заметная тенденция только одна – предпочтение суффиксами *-ан*/*-ян* в краткой форме постпозиции.

На рассмотренных диаграммах мы сохраняли знание о том, что у нас есть разные исторические эпохи и, хотя и не включали их в анализ как временной ряд, предварительно усредняли наблюдения по каждому из текстов, чтобы принимать во внимание диахроническую сущность рассматриваемого материала.

Вместе с тем, если предварительное наблюдение об отсутствии исторических тенденций линеаризации прилагательных с отдельными суффиксами верно, то мы можем проанализировать отдельные наблюдения из всех текстов как один корпус без предварительного усреднения.

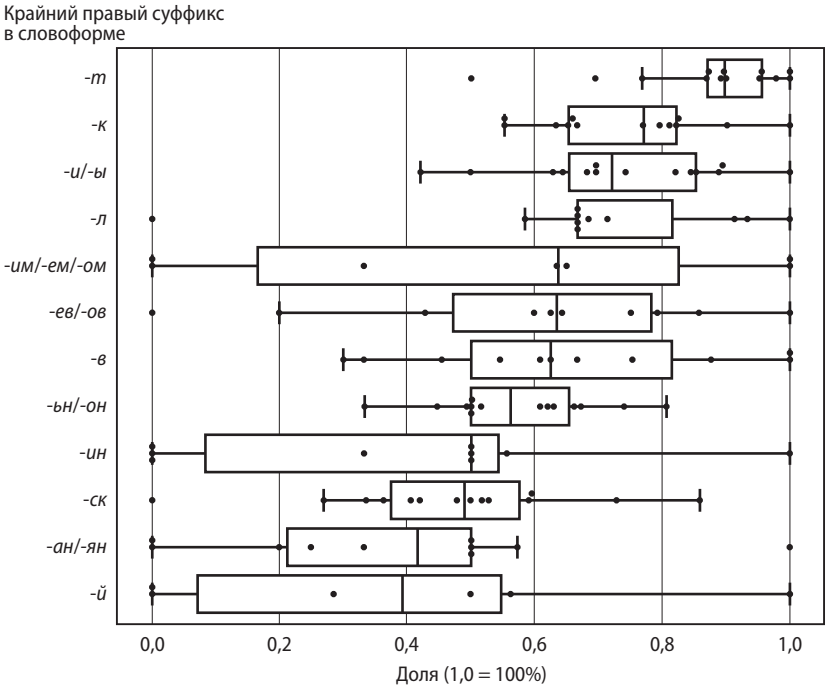

Рис. 3. Доля прилагательных в препозиции среди полной формы

Для решения этой задачи с помощью метода логистической регрессии была построена модель, в которой зависимой переменной была позиция (с двумя значениями исходов: пре- и постпозиция), а независимыми переменными выступали форма (полная и краткая) и класс суффикса (те же, что и в диаграммах выше). Моделирование показало, что качество предсказания позиции при сочетании двух предикторов форма + суффикс лучше, чем модель без предикторов (остаточное отклонение 15 860 при 12 955 степенях свободы против 17 476/12 978), при этом фактор взаимодействия формы и суффикса оказался значимым только для двух суффиксов: *-т* и *-ск*.

Модель с двумя предикторами форма + суффикс оказалась лучшей среди моделей с другими сочетаниями предикторов (табл. 1).

Фактор времени написания текста оказался незначимым. Видимое улучшение на модели дата + суффикс связано, по-видимому, с подтвержденной в [Гращенков, Курьянова, 2018] закономерностью – увеличением доли употребления прилагательных в полной форме по направлению от архаики к современности. Таким образом, на улучшение модели влияет не дата, а фактор формы, с ней коррелирующий.

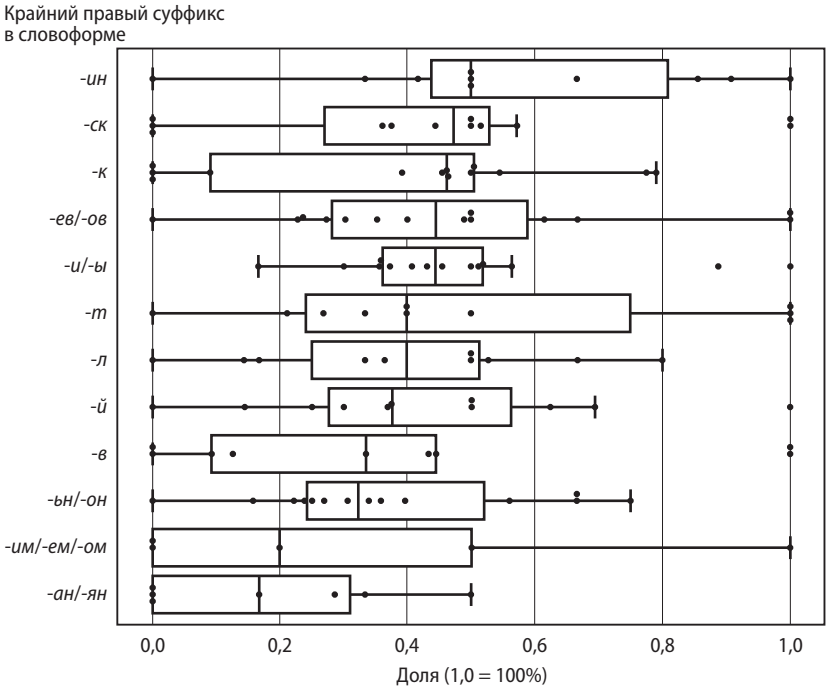

Рис. 4. Доля прилагательных в препозиции среди краткой формы

Таблица 1

Результаты моделирования

Предикторы	AIC
Без предикторов	17 478
Только форма	16 761
Только суффикс	16 620
Форма + суффикс	15 908
Дата + суффикс	16 170
Дата + суффикс + форма	405 549

Улучшение модели по предиктору формы ожидаемо: в процитированной выше работе, как и в большом количестве предшествующих, наблюдение о том, что полная форма чаще встречается в препозиции,

чем краткая, довольно известно. Посмотрим на параметры модели регрессии по единственному предиктору-суффиксу, который нам наиболее интересен в данном исследовании. Выше на диаграммах размаха мы видели, что данные с учетом времени написания текста интерпретировать трудно. Сравнение моделей регрессии показало, почему это так: усреднение наблюдений для получения представления о ситуации в отдельном тексте увеличивает разброс процентных значений за счет относительно небольшого (относительно полного корпуса) количества прилагательных в отдельном тексте. Посмотрим теперь на результаты анализа на корпусе, не разделенном по разным текстам (табл. 2).

Таблица 2

Параметры модели регрессии с единственным предиктором – суффиксом

Suffix	Estimate	Pr(>|z|)
-т	2,1834	<2e – 16***
-к	1,2480	5,57e – 10***
-и/-ы	0,9188	3,10e – 06***
-л	0,8786	0,000164***
-в	0,7024	0,002472**
-ьн/-он	0,6955	0,000373***
-им/-ем/-ом	0,6276	0,041779*
-ин	0,5141	0,045755*
-ск	0,2620	0,186161
-ев/-ов	0,1014	0,629547
-й	–0,3377	0,131047
-ан/-ян	–0,3980	0,038909*

Примечание. */**/*** – суффиксы, влияние которых на позицию прилагательного найдено значимым при расчетах.

Благодаря свойству коэффициентов логистической регрессии показывать увеличение шанса отнесения к тому или иному классу как непрерывную величину, мы можем обращаться с коэффициентами подобно медианам, которые мы использовали ранее для визуального анализа: если отношения медиан классов показывало нам преимущественную

долю одного класса над другим по признаку, то здесь мы оцениваем это отношение численно: в таблице 2 значения коэффициентов регрессии (Estimate) отсортированы по убыванию, число больше нуля указывает на предпочтение препозиции, число меньше нуля указывает на предпочтение постпозиции, при этом если сравнивать числа друг с другом, то можно понять, прилагательное какого класса вероятнее займет препозицию и, возможно, каким вероятнее всего может быть порядок слов, если два прилагательных с разными суффиксами встретятся в одной цепи линейно.

Обсуждение

Результаты показывают, что атрибутивные прилагательные с разными суффиксами ведут себя по-разному в предпочтениях краткой/полной формы и пре-/постпозиции к определяемому слову. Ряд суффиксов показывает достаточно отчетливые тенденции на исследованном корпусе текстов, в то время как другие таких тенденций здесь не обнаруживают.

Менее наглядная картина, возможно, связана с методикой исследования: в расчет брался только крайний правый в ряду суффикс; таким образом, слова с несколькими суффиксами теряли остальную информацию, которая могла повлиять на итоговый результат. Кроме того, классы суффиксов в исследованных текстах представлены в разном объеме, что могло повлиять на тот факт, что вклад не всех суффиксов в итоговую модель прослеживается, следовательно, строить предположения о какой-либо устойчивой синтаксической иерархии суффиксов пока нельзя.

Тем не менее, найденные закономерности могут свидетельствовать в пользу утверждения, что деривационные суффиксы прилагательных обладают синтаксическими свойствами в рассмотренных древних языках.

В пользу связи синтаксических свойств суффикса с позицией прилагательного в именной группе в исследованных в данной статье языках говорит тот факт, что препозицию предпочитают суффиксы, связанные исторически с глаголами (*-т*, *-л*). Известно, что в рассмотренных языках существовало два морфологически схожих класса с названными суффиксами: прилагательные и причастия (несклоняемые действительные прошедшего времени с суффиксом *-л* и страдательные прошедшего времени с суффиксом *-т*). Также мы знаем, что на протяжении длительного времени названные прилагательные функционировали «в обязательной лексико-семантической и деривационной связи с глаголами и причастиями» [Романов, 2014]. Такая близость в семантике и употреблении могла отражаться в синтаксисе прилагательных с суффиксами *-т* и *-л* и приводить к схожим паттернам в организации групп.

Рассмотрим предполагаемую механику этого процесса на примере суффикса *-л*. Здесь мы принимаем широко распространенное представление о VO порядке слов в исследуемых языках [Migdalski, 2016, p. 243]. Итак, причастия с суффиксом *-л* мы знаем как несклоняемые и употреблявшиеся в составе аналитической формы перфекта. Их синтаксис в свете указанного выше допущения о VO порядке слов – [IP Aux [VP [V Part] DP]]] [Lema, Rivero, 1989] (см. также [Migdalski, 2016, p. 251]). Таким образом, прилагательное на *-л*, сближаясь с аналогичным по форме причастием, может показывать такую же преимущественную линеаризацию внутри своей группы: препозицию к имени.

Отдельного исследования заслуживает различие полных форм прилагательных с суффиксами *-й* и *-ев*/*-ов*. С одной стороны, было бы логичным предположить, что различия в их поведении связаны с третьим фактором, референтностью. С другой стороны, достоверное суждение здесь вынести затруднительно, поскольку количество примеров полной формы с данными суффиксами не так велико, как для других классов, и они не сбалансированы по референтности.

Тенденции, выявленные для суффиксов *-н* и *-ск*, в целом коррелируют с утверждением в [Гращенков, 2018, с. 60], где на материале современного русского языка показана синтаксическая избирательность отдельных суффиксов: «…роль самих суффиксов *-н*, *-ск* оказывается различна: *-н* можно назвать полноценным адъективизатором – он переводит исходную основу в новую категорию со всеми доступными для этой категории функциями. В то же время *-ск* является лишь атрибутивизатором – он приписывает основе признаки, необходимые для употребления в функции определения, не делая новообразованную лексему полноценным прилагательным», – и могут быть сформулированы на древнем материале в терминах статистически преобладающего употребления, а не системы строгих, существующих в современном русском языке правил (например, при возможности прилагательного с суффиксом *-ск* употребляться в краткой форме реальный выбор носителей языка в 80–100% случаев – полная форма, при этом вариативность выбора формы для прилагательных с суффиксом *-н* оказывается выше, см. рис. 2).

Заключение

В исследовании предпринята попытка проверить, существуют ли закономерности линеаризации атрибутивных прилагательных в зависимости от наличия в их составе конкретных суффиксов. Для этой решения этой задачи был использован материал старославянского, древнерусского и старорусского языков, представленный в ряде памятников XI –XVII вв.

Результаты показывают, что тенденции линейного расположения в зависимости от морфологии существуют. Тем не менее, результаты настоящего исследования не позволяют говорить о них с точки зрения построения структурной иерархии, какую мы можем наблюдать в работах по изучению линеаризации по семантическому критерию [Cinque, 1993, 2004; Толдова, Муханова, 2017; Гращенков, Курьянова, 2018], и могут быть использованы в качестве наблюдений о поведении отдельных суффиксов. Такие результаты могут быть связаны с методикой исследования, учитывавшей только крайний правый суффикс в структуре словоформы прилагательного, а не полный набор линейно организованных аффиксов, и требуют дальнейшего изучения.

Вместе с тем, успехи семантического подхода совокупно с обнаруженными тенденциями в морфологии могут указывать на комплексный характер явления, когда линеаризация зависит и от лексического значения корня, и от совокупности и/или линейного порядка аффиксов в словоформе. Задачей будущих исследований остается более детальный анализ этого явления, по возможности включающий статистику взаимодействия указанных выше и других известных как влияющие на линеаризацию прилагательных факторов.

Библиографический список / References

Гращенков, 2018 – Гращенков П.В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М., 2018. [Grashchenkov P.V. Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad"ektivnosti i atributivnosti [Grammar of the adjective. Typology of Adjectivity and Attribution]. Moscow, 2018.]

Гращенков, Курьянова, 2018 – Гращенков П.В., Курьянова О.В. Порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка и статус прилагательного в структуре именной группы // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 72–108. [Grashchenkov P.V., Kuryanova O.V. The order of attributive adjectives in the history of Russian and the position of adjectives in the noun phrase. *Rhema*. 2018. No. 4. Pp. 72–108. (In Russ.)]

Лаптева, 1963 – Лаптева О.А. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI–XIV вв.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1963. [Lapteva O.A. Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnogo slovosochetaniya v russkikh tekstakh XI–XIV vv. [The position of a single adjective in the attributive phrases in Russian texts of XI–XIV cc.]. PhD thesis. Moscow, 1963.]

Романов, 2014 – Романов Д.А. К функциональной истории отглагольных прилагательных с суффиксом *-л-* в русском языке // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 4 (12). С. 66–82 [Romanov D.A. To the functional history of verbal adjectives with the suffix *-l-* in Russian. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2014. No. 4 (12). Pp. 66–82 (In Russ.)]

Толдова, Муханова, 2017 – Толдова С.Ю., Муханова Р.В. Порядок следования прилагательных разных семантических классов в русском языке в свете корпусных данных // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International Conference “Dialogue 2017” Proceedings 2017. М., 2017. С. 429–441. [Toldova S.Yu., Mukhanova R.V. The order of Russian adjectives of different semantic types in the light of corpus data. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. *International Conference* “*Dialogue 2017*” *Proceedings 2017*. Moscow, 2017. Pp. 429–441. (In Russ.)]

Улитова, 2016 – Улитова А.С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: Дис. … канд. филол. наук. М., 2016. [Ulitova A.S. Poryadok slov v atributivnyh slovosochetaniyah v pamyatnikah russkoy delovoy i knizhnoy pis’mennosti XVII veka [The word order in the attributive phrases in the documents of Russian busyness and literary writing of XVII c.] PhD diss. MSU, 2016.]

Cinque, 1993 – Cinque G. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Venice Working Papers in Linguistics*. 1993. No. 3 (2). Pp. 21–40.

Cinque, 2004 – Cinque G. ‘Restructuring’ and Functional Structure. *Structures and Beyond*. A. Belletti (ed.). New York, 2004. Pp. 132–191.

Eckhoff, Berdicevskis, 2015 – Eckhoff H.M., Berdicevskis A. Linguistics vs. digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank. *Scripta & e-Scripta*. 2015. No. 14–15. Pp. 9–25.

Lema, Rivero, 1989 – Lema J., Rivero M.-L. Long head movement: ECP vs. HMC. *Proceedings of NELS 20*. T. Sherer (ed.). Amherst, MA, 1989. Pp. 333–347.

Migdalski, 2018 – Migdalski K. Head directionality in Old Slavic. *Advances in formal Slavic linguistics*. 2016. T. 1. P. 241.

Статья поступила в редакцию 18.11.2019
The article was received on 18.11.2019

Об авторе / About the author

Курьянова Ольга Владимировна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga V. Kuryanova – postgraduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2510-475X
E-mail: olga.kurianova@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-92-120

О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991 г. Москва, Российская Федерация

Метод синтаксического прайминга в экспериментальной лингвистике

В данной работе описано явление синтаксического прайминга, т.е. тенденция говорящего повторять синтаксическую конструкцию высказывания, произнесенного им самим или его собеседником незадолго до этого. Рассмотрены основные теоретические понятия, экспериментальная методология, синтаксический материал, так называемый эффект опорного слова, различия в результатах при использовании методов порождения и понимания речи, а также основные теоретические модели синтаксического прайминга. Подробно описаны эксперименты с билингвами. Представлены результаты исследования посессивных конструкций, выполненного на материале русского языка.

Ключевые слова: имплицитная память, прайминг, синтаксический прайминг, эксперимент, эффект опорного слова, билингвы, русский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федорова О.В. Метод синтаксического прайминга в экспериментальной лингвистике // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 92–120. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-92-120

© Федорова О.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-92-120

O. Fedorova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Syntactic priming in experimental linguistics

This paper describes the phenomenon of syntactic priming, that is, the speaker's tendency to repeat the syntactic construction of an utterence used by himself or his interlocutor shortly before. The main theoretical concepts, experimental methodology, syntactic material, the so-called lexical boost effect, differences in results when using speech production or comprehension methods are considered, as well as the main theoretical models of syntactic priming. Experiments with bilinguals are described in detail. The results of the study of Russian possessive constructions are presented.

Key words: implicit memory, priming, syntactic priming, experiment, lexical boost effect, bilingua, Russian

FOR CITATION: Fedorova O. Syntactic priming in experimental linguistics. *Rhema.* 2020. No. 2. Pp. 92–120. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-92-120

1. Введение. Прайминг как эффект имплицитной памяти[1]

В когнитивной психологии прайминг традиционно описывается как один из эффектов **имплицитной памяти**, или памяти без осознания предмета запоминания. В отличие от экспериментальных заданий, тестирующих эксплицитную память, в ходе которых процесс запоминания и воспроизведения информации происходит под осознанным контролем испытуемых, в тестах на имплицитную память испытуемый, выполняя задание под влиянием своего прошлого опыта, сам этого не осознает.

[1] Данная статья представляет собой переработанный вариант публикаций автора [Федорова, 2009, 2014, 2020], изданных небольшими тиражами и недоступных для широкого круга читателей.

Согласно одному из определений, прайминг «касается наблюдения, что слово или предмет, будучи увиденным или услышанным более одного раза, будет в дальнейшем воспринят с большей готовностью» [Бэддели, 2001, с. 25]. Однако этот термин неоднозначен: праймингом называют как «само воздействие, влекущее за собою более точное или быстрое решение задачи в отношении идентичного или сходного воздействия, либо методический прием, основанный на таком воздействии», так и «результат непредвиденного воздействия в обыденной жизни или применения приема в эксперименте, т.е. качественное (наличие/отсутствие) или количественное (скорость, точность) изменение параметров реакции (действия) человека в ответ на появление объекта, с которым он незадолго до этого встречался» [Фаликман, Койфман, 2005, с. 87]. Если различать эти два явления, то первое точнее называть «преднастройкой» [Величковский, 1982], а второе – «прайминг-эффектом». Первый объект в этой паре, который стимулирует эффект прайминга, называют «**праймом»** (prime), а второй – «**целевым стимулом»** (target).

Существует несколько классификаций как явления прайминга, так и прайминг-эффектов. Так, часто противопоставляют когнитивный и эмоциональный прайминг, надпороговый и подпороговый прайминг и некоторые другие. Кроме того, предъявление стимула-прайма не всегда способствует более быстрому и правильному распознаванию и воспроизведению связанных с ним целевых стимулов. В случае, когда преднастройка ухудшает обработку целевого стимула, говорят об отрицательном прайминг-эффекте. Например, идентификация испытуемым цвета целевого стимула обычно замедляется, если в качестве прайма было предъявлено слово-наименование другого цвета. В зависимости от уровня, на котором происходит языковая обработка, **вербальный прайминг** подразделяется на перцептивный (графический или фонологический), грамматический (морфологический или синтаксический), лексический и семантический.

Настоящая работа посвящена описанию синтаксического прайминга. В разделе 2 будут введены основные понятия, включая описание экспериментальных методов, синтаксического материала, так называемого эффекта опорного слова, различий в использовании методов порождения и понимания речи, а также основных теоретических моделей. В разделе 3 мы подробно опишем использование методологии синтаксического прайминга в экспериментах с билингвами. Наконец, раздел 4 будет посвящен экспериментам, выполненным на материале русского языка.

2. Синтаксический прайминг. Основные понятия

Синтаксическим праймингом (далее СП) называют тенденцию говорящего повторять синтаксическую конструкцию высказывания, произнесенного им самим или его собеседником незадолго до этого. Другое распространенное определение трактует СП как «явление, при котором обработка одного высказывания упрощает обработку другого высказывания за счет повторения его синтаксической структуры»[2] [Branigan, 2007, p. 1]. Если в первом определении мерой наблюдаемых прайминг-эффектов является вероятность повторения в целевом высказывании синтаксической структуры высказывания-прайма, то во втором случае речь идет об увеличении скорости обработки целевого стимула. Второе определение лучше коррелирует со стандартными психологическими определениями, однако, как мы покажем, применительно к СП в настоящий момент оно не находит достаточного подтверждения.

Первые работы по исследованию СП были выполнены на материале бытовых диалогов [Schenkein, 1980] и интервью [Weiner, Labov, 1983]. В них была выявлена тенденция повторять в диалогах целые высказывания или их части; так, на реплику одного собеседника *But you can go to sleep tonight* (‘Но ты можешь пойти спать сегодня’) другой собеседник отвечал *How am I going to sleep tonight*? (‘Как я буду спать сегодня?’) [Schenkein, 1980]. Однако все приводимые в этих первых работах примеры можно было трактовать не только как явления собственно СП, но и как лексические или риторические повторы.

Первым экспериментальным исследованием СП считается работа [Levelt, Kelter, 1982], в которой было показано, что голландские продавцы в магазинах на вопрос *Om hoe laat gaat uw winkel dicht*? (‘В какое время закрывается ваш магазин?’) чаще отвечали репликой *Om vijf uur* (‘В пять часов’), а на вопрос *Hoe laat gaat uw winkel dicht*? (‘Какое время закрывается ваш магазин?’) – репликой *Vijf uur* (‘Пять часов’).

Более строго наличие чисто синтаксических прайминг-эффектов было продемонстрировано в работах К. Бок. Ею была разработана специальная процедура: в ходе эксперимента испытуемые то повторяли изолированные высказывания, то описывали картинки, содержательно не связанные с этими высказываниями; синтаксическая форма высказывания, которую они выбирали при описании картинок, часто повторяла синтаксическую форму высказывания, произнесенного непосредственно перед этим [Bock, 1986]. Данное явление было названо Бок синтаксическим праймингом или «синтаксической устойчивостью»

[2] Перевод мой. – *О.Ф.*

(syntactic persistence); позднее в том же значении стал использоваться термин «структурный прайминг». Почти сразу после выхода этой работы Бок с коллегами провела еще несколько экспериментов на СП, которые также оставили заметный след в истории данного направления [Bock, 1989; Bock, Loebell, 1990; Bock et al., 1992]. Начиная со второй половины 1990-х гг. работы по проблематике СП стали появляться одна за другой.

С этого времени, несмотря на наличие нескольких значительных работ, посвященных анализу СП в корпусных исследованиях [Gries, 2005; Szmrecsanyi, 2005, 2006], большинство современных исследователей изучает СП экспериментально. По подсчетам авторов обзора в [Pickering, Ferreira, 2008], за прошедшее с 1986 по 2008 г. время было опубликовано около ста серьезных работ, в которых так или иначе использована методология СП. К 2020 г. эта цифра, по нашим подсчетам, приближается к двум сотням.

Хотя СП заслуживает детального рассмотрения и сам по себе, в большинстве исследований он выступает как методический прием, т.е. как удобный способ лучше понять и описать те синтаксические репрезентации, которые использует человек в процессе порождения и понимания речи. Данная работа также будет посвящена этой задаче – мы покажем, как методология СП может помочь при решении важных вопросов (психо)лингвистики.

2.1. Экспериментальные методы

Наиболее популярные на сегодняшний день методы включают:

1) метод из пионерской работы [Bock, 1986]: испытуемые повторяют по памяти устно или письменно предъявляемые им стимулы-праймы, а затем устно описывают целевые стимулы (picture-description);

2) устное завершение предложений (spoken sentence completion по [Hartsuiker, Westenberg, 2000]);

3) письменное завершение предложений (written sentence completion по [Pickering, Branigan, 1998]);

4) воспроизведение стимулов по памяти после некоторого отвлекающего задания (sentence recall по [Potter, Lombardi, 1998]).

Праймовый и целевой стимулы в таких экспериментах присутствуют в речевой продукции одного человека (within-subjects design), мы будем называть такой тип СП **автопрайминг**ом.

В 2000 г. Х. Браниган с соавторами разработала метод изучения СП в **диалоге** (between-subjects design): в процессе эксперимента два участника, не видя друг друга, по очереди описывали друг другу картинки

(рис. 1) [Branigan et al., 2000]. Один из участников, заранее проинструктированный, так называемый «подыгрывающий» (confederate), заданным образом варьировал синтаксическую структуру своих высказываний, употребляя то дативную конструкцию с двумя беспредложными дополнениями (напр., *The girl gave the boy the book* (‘Девочка дала мальчику книгу’)), далее DO, то дативную конструкцию с косвенным дополнением (*The girl gave the book to the boy* (‘Девочка дала книгу мальчику’)), далее PO. Оказалось, что в диалоге прайминг-эффекты выражены значимо сильнее. С момента опубликования статьи этот метод, получивший название **метода диалога-игры с обученным подыгрывающим** (confederate-scripting), стал одним из самых популярных.

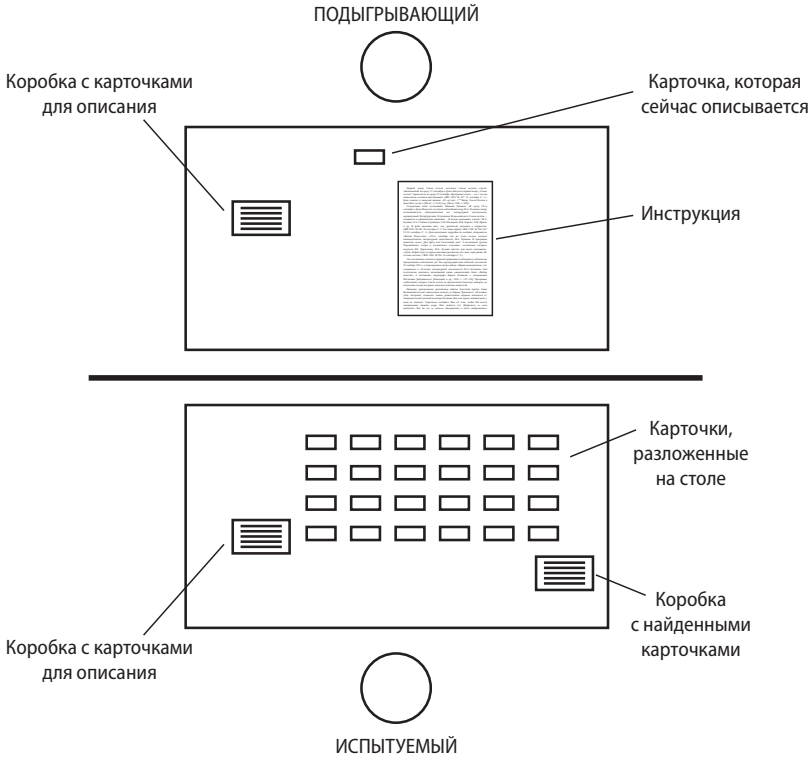

Рис. 1. Экспериментальный дизайн из работы [Branigan et al., 2000]

В последние годы для изучения СП используются такие поведенческие и физиологические методы, как кросс-модальный лексический прайминг [Girbau, 2018], чтение с саморегуляцией скорости [Fine,

Jaeger, 2016; Oltra-Massuet et al., 2017], регистрация вызванных потенциалов мозга [Litcofsky, van Hell, 2019], функциональная магнитно-резонансная томография [Weber, Indefrey, 2009; Segaert et al., 2013], регистрация движений глаз [Arai et al., 2007; Traxler, 2008; Thothathiri, Snedeker, 2008] или их сочетание [Tooley et al., 2013].

2.2. Синтаксический материал

Для того, чтобы иметь возможность изучать явление СП, необходимо подобрать такие две псевдосинонимичные конструкции некоторого языка, чтобы в экспериментальной ситуации испытуемый мог употребить как одну из них, так и другую. В первой работе Бок (1986) изучала две группы **глагольных** конструкций английского языка: активная (пример 1a) vs. пассивная (пример 1b), а также PO (пример 2a) vs. DO (пример 2b), которые с того времени являются классическими при изучении эффектов СП.

(1) a. active
One of the fans punched the referee.
‘Один из болельщиков ударил кулаком судью’

b. passive
The referee was punched by one of the fans.
‘Судью ударил кулак (букв. Судья был ударен кулаком) одного из болельщиков’

(2) a. dative PO
A rock climber sold some cocaine to an undercover agent.
‘Скалолаз продал кокаин агенту под прикрытием’

b. dative DO
A rock climber sold an undercover agent some cocaine.
‘Скалолаз продал агенту под прикрытием кокаин’

Изучение **именной группы** (далее ИГ) началось позже: в работе [Cleland, Pickering, 2003] авторы, используя методику диалога-игры с обученным подыгрывающим [Branigan et al., 2000], показали, что в тех случаях, когда подыгрывающий описывал картинку при помощи препозитивного прилагательного и существительного (напр., *the green sheep* ‘зеленая овца’), испытуемый значительно чаще использовал в своем описании такую же конструкцию (*the red knife* ‘красный нож’); в тех же случаях, когда описание подыгрывающего состояло из существительного и постпозитивного определительного предложения (*the sheep that is green* (‘овца, которая зеленая’)), испытуемый чаще описывал свою картинку как *the knife that is red* (‘нож, который красный’).

Важное место в изучение эффектов СП принадлежит исследованию **порядка слов** в предложении. Например, в [Hartsuiker, Westenberg, 2000] был описан эксперимент, в котором нидерландскоязычные испытуемые заканчивали предложения как в устном, так и в письменном модусе: в первом случае они сначала читали вслух фрагменты предложения на экране компьютера, а потом заканчивали его устно несколькими словами; в письменном модусе они получали небольшой буклет с аналогичными фрагментами. В тех фрагментах, которые были использованы в качестве праймов, порядок следования компонентов предложения был жестко предопределен: в одном случае предложения можно было закончить, использовав только причастие (напр., причастие *geblokkeerd* ‘заблокированный’ в (3a); в другом случае – только вспомогательный глагол (напр., вспомогательный глагол *was* ‘был(а)’ в (3b)). Те же фрагменты, которые использовались в качестве целевых, допускали оба варианта завершения.

(3) a. Dutch Ik kon er niet door omdat de weg was …
‘Я не мог пройти, потому что дорога была …’

b. Dutch Ik kon er niet door omdat de weg geblokkeerd …
‘Я не мог пройти, потому что дорога заблокированная …’

Оказалось, что СП чувствителен к порядку слов: испытуемые чаще заканчивали предложения тем способом, который до этого они использовали в предложении-прайме. Эти результаты являются свидетельством в пользу существования особого подуровня грамматического кодирования высказывания – уровня порядка слов.

Кроме вышеперечисленных, СП исследовался на материале посессивных конструкций: *The man’s car* (‘Этого человека машина’) vs. *The car of the man* (‘Машина этого человека’) [Bernolet et al., 2013], (не)переходности: *The man was driving* (‘Мужчина ехал на машине’) vs. *The man was driving the car* (‘Мужчина вел машину’) [van Gompel et al., 2012], порядка слов в локативной группе: *A cat lies on the table* (‘Кошка лежит на столе’) vs. *On the table lies a cat* (‘На столе лежит кошка’) [Hartsuiker, 1999], порядка слов в ИГ: *The big*, *red chair* (‘Большое красное кресло’) vs. *The red*, *big chair* (‘Красное большое кресло’) [Goudbeek, Krahmer, 2012], сложных ИГ: *The man in the car* (‘Этот мужчина в машине’) vs. *The man* (‘Этот мужчина’) [Bunger et al., 2013].

Подбирая в качестве стимульного материала две конструкции, мы обычно сталкиваемся с такой проблемой, что одна из них оказывается заметно более частотной, чем вторая (забегая вперед, приведем пример из исследований СП на русском материале: распределение посессивных конструкций *Петин папа* vs. *папа Пети* равно 75% : 25%).

Априори мы можем предположить, что более частотная конструкция, являясь менее маркированной, или совсем не будет подвергаться эффекту СП (т.е. праймовое высказывание *Мама Васи моет посуду* будет значимо чаще вызывать целевое высказывание *Папа Коли смотрит телевизор* по сравнению с базовым уровнем или с распределением конструкций по частотности в корпусе, а высказывание *Васина мама моет посуду в* качестве прайма не будет увеличивать вероятность *Колин папа смотрит телевизор*) или будет подвергаться СП в меньшей степени. Как мы покажем в дальнейшем, СП обычно является **сбалансированным** (т.е. первое наше предположение оказывается неверным), но менее частотная конструкция действительно вызывает более сильный эффект СП (так называемый **эффект обратных предпочтений**).

2.3. Повторение опорного слова

Одним из ключевых вопросов в исследованиях СП является вопрос об увеличении эффекта СП при повторении в экспериментальной паре того же опорного слова (lexical boost). В первом исследовании, где был продемонстрирован данный эффект [Pickering, Branigan, 1998], взрослые испытуемые должны были завершать высказывания типа (4a), предполагающие продолжение с использованием конструкции с PO, или (4b), предполагающие использование конструкции с DO. Оказалось, что в случае повторения в праймовом и целевом стимулах одного и того же глагола происходит значимое увеличение эффектов СП, т.е. можно сказать, что лексические повторы увеличивают эффекты СП. Позднее подобный эффект был найден и для ИГ [Cleland, Pickering, 2003].

(4) a. dative PO
The racing driver showed the torn overall …
‘Гонщик показал порванный комбинезон …’

b. dative DO
The racing driver showed the helpful mechanic …
‘Гонщик показал услужливому механику …’

Увеличение эффектов СП при повторении опорного слова также было описано и в корпусном исследовании [Gries, 2005]: из трех тысяч пар предложений с дативной конструкцией из корпуса британского английского языка примерно в $^{2}/_{3}$ случаев наблюдался СП, причем эта тенденция была выражена значительно сильнее при повторе опорного слова.

В эксперименте, описанном в работе [Branigan et al., 2000], изучалось влияние двух факторов: тип дативной конструкции (PO vs. DO), с одной стороны, и идентичность глагола (одинаковый vs. разный

глагол) – с другой. В результате авторам удалось выявить значимый эффект СП, который, однако, оказался значительно сильнее при повторении глагола: при наличии в экспериментальной паре одного и того же глагола (напр., подыгрывающий произносил *The girl* ***gave*** *the boy the book* (‘Девочка дала мальчику книгу’), а соответствующая карточка располагала к ответу *The boy* ***gave*** *the teacher the pen* (‘Мальчик дал учительнице ручку’)) испытуемые употребили на 55% больше скоординированных реплик, в то время как при отсутствии повторов различие было 26% (табл. 1).

Таблица 1

Результаты эксперимента [Branigan et al., 2000], в %

Глагол	Праймовый стимул	Целевой стимул	
		PO	DO
Одинаковый	PO	86	14
	DO	31	69
Разный	PO	65	35
	DO	39	61

2.4. Порождение vs. понимание речи

Первые работы по изучению СП были ориентированы на процессы порождения речи. Более того, в работе [Bock, Lobell, 1990] авторы даже специально подчеркнули, что явление СП активирует синтаксические процедуры, специфические для механизмов порождения речи. В соответствии с этим и используемые методы долгое время были ориентированы исключительно на порождение: в ходе эксперимента говорящие сначала читали или повторяли предложение вслух, а потом, например, описывали некоторую картинку.

Однако позже было установлено, что СП чувствителен и к процессам понимания речи, хотя работ, посвященных изучению СП при понимании речи, до сих пор заметно меньше. Аналогично тому, как исследования СП при порождении речи могут пролить свет на природу синтаксических репрезентаций и механизмов порождения речи, исследования СП при понимании могут помочь нам понять, как происходит процесс понимания речи. Однако несмотря на то, что в общей массе современных психолингвистических исследований количество работ по изучению понимания речи значительно превосходит количество работ

по изучению порождения речи, в случае изучения СП ситуация прямо противоположная. Дело, видимо, связано с тем, что, изучая эффекты СП при порождении, мы обычно оцениваем выбор испытуемого между двумя альтернативными синтаксическими структурами, а в случае понимания речи подобного явного выбора не происходит, так что нам остается только использовать обычные для парадигмы понимания речи методы, основанные по большей части на оценке времени реакции испытуемых. С одной стороны, это затрудняет проведение подобных экспериментов из-за увеличения технических сложностей; с другой стороны, что более важно, в имеющихся на данный момент работах на порождение речи [Smith, Wheeldon, 2001; Corley, Scheepers, 2002; Wheeldon, Smith, 2003], в которых оценивалось время реакции испытуемых, размер эффекта оказался статистически значимым, но слишком небольшим, чтобы на его основе можно было бы с уверенностью говорить об «упрощающей» функции СП.

В одном из первых экспериментов на изучение СП при понимании [Arai et al., 2007] был использован метод регистрации движений глаз. В ходе данного эксперимента испытуемый слышал предложение с дативной конструкцией с PO (пример 5a) или предложение с дативной конструкцией с DO (пример 5b), одновременно видя на экране изображения пирата, принцессы и ожерелья. Если непосредственно перед этим он слышал предложение, в котором была использована конструкция с PO, то через 600–900 мс после начала звучания глагола *send* он бросал взгляд на ожерелье; если же, наоборот, в предыдущем предложении была использована конструкция с DO, то испытуемый чаще смотрел на принцессу. Таким образом был продемонстрирован эффект СП при понимании. Однако когда во втором эксперименте авторы использовали в экспериментальной паре разные глаголы, эффект СП исчез.

(5) a. dative PO
The pirate will send the necklace to the princess.
‘Пират отправит ожерелье принцессе’

b. dative DO
The pirate will send the princess the necklace.
‘Пират отправит принцессе ожерелье’

Однако в эксперименте, описанном в работе [Thothathiri, Snedeker, 2008], авторам удалось получить статистически значимый эффект СП при понимании речи и при использовании в экспериментальной паре разных глаголов. На этот раз в эксперименте был использован метод разыгрывания сцен: слыша аналогичные дативные конструкции (напр., *Show the horn to the dog* (‘Покажи рожок собаке’)), испытуемые

разыгрывали целевые сценки. Таким образом, можно заключить, что эффекты СП при понимании речи оказываются более слабовыраженными, чем аналогичные эффекты при порождении речи. Но, однако, оставалось неизвестно, является ли это следствием того, что СП при понимании задействует иные когнитивные структуры, чем СП при порождении, или дело скорее в менее чувствительной к праймингэффектам методологии.

Кроме того, оказалось, что СП возможен от понимания к порождению. В 2000 г. был проведен эксперимент, в котором испытуемые сначала повторяли вслух праймовые предложения, а потом описывали целевые картинки [Bock, Griffin, 2000]. В 2007 г., повторив тот же эксперимент, авторы изменили метод: испытуемые не повторяли, а лишь слушали праймовые предложения [Bock et al., 2007]. Однако величина эффекта СП от этой манипуляции не изменилась.

Более того, в диалоге эффект СП становится еще сильнее [Branigan et al., 2000], а ведь при использовании метода диалога-игры с обученным подыгрывающим мы наблюдаем СП, идущий от понимания синтаксической структуры собеседника к порождению своей собственной ответной реплики. Таким образом, в подобных работах предполагается, что механизмы, отвечающие за эффект СП, являются общими при порождении и понимании речи.

Таким образом, хотя в некоторых случаях авторам удалось получить значимый эффект СП при понимании без повторения опорного слова, в других случаях он отсутствовал. Это привело к интуитивно логичному предположению, что синтаксический анализ при понимании речи обусловлен лексически, а формулирование высказывания при порождении речи обусловлено синтаксически. Однако подтверждению этой гипотезы мешал тот факт, что во всех проведенных экспериментах были использованы разные методы, разный синтаксический материал, в них участвовали разные испытуемые.

Авторы работы [Tooley, Bock, 2014] проверили эту гипотезу, проведя более строгое сравнение. В их эксперименте приняли участие 286 испытуемых, каждый из которых выполнял задания как на порождение, так и на понимание речи. Процедура порождения речи включала три этапа: быстрое последовательное зрительное предъявление стимулов, отвлекающее задание и повторение вслух праймового предложения. Процедура понимания речи включала те же два первых этапа, а вместо повторения стимулов испытуемые читали их при помощи метода чтения с саморегуляцией скорости. Синтаксический материал включал два типа конструкций: дативные конструкции с PO vs. DO и конструкции с переходным глаголом vs. относительным придаточным (*The nanny scrubbed*

the girl who was filthy (‘Няня отмыла девочку, которая была грязной’) vs. The *girl scrubbed by the nanny was filthy* (‘Девочка, которую мыла няня, была грязной’). Половина стимульных пар была с повтором опорного слова, вторая половина – без повтора. В результате авторам удалось получить значимые и сравнимые по величине прайминг-эффекты для всех случаев, как с лексическими повторами, так и без них. Авторы сделали вывод, что структурные механизмы, стоящие за процессами порождения и понимания речи, являются эквивалентными.

2.5. Модели синтаксического прайминга

Существуют три основные модели, объясняющие эффекты СП: модель остаточной активации, модель имплицитного научения и модель двойного механизма.

В модели **остаточной активации** (residual activation по [Pickering, Branigan, 1998]) альтернативные синтаксические структуры представлены в виде комбинаторных узлов. Например, схема для английских глаголов *give* (‘дать’) и *send* (‘послать’) (рис. 2).

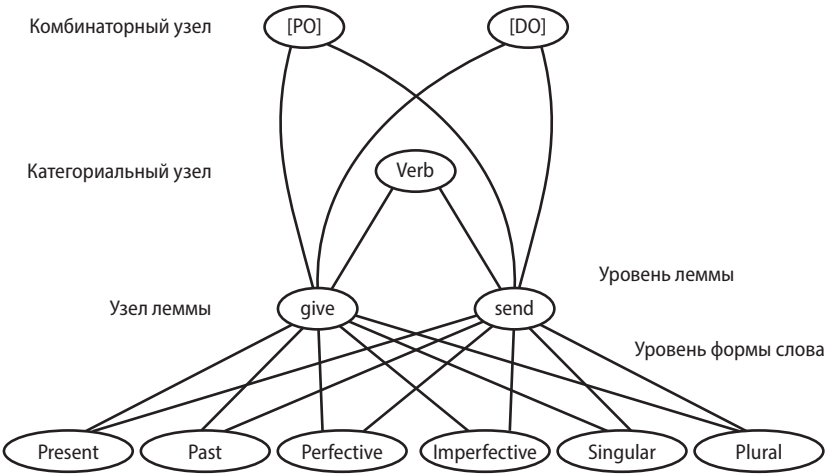

Рис. 2. Модель остаточной активации по [Pickering, Branigan, 1998]

Согласно этой модели, при порождении или понимании некоторого языкового выражения происходит активация определенной леммы (в нашем случае *give*), а одновременно с ней и активация всей релевантной информации, в том числе и соответствующего комбинаторного

узла (в нашем случае конструкции с PO или с DO). Если при дальнейшей вербализации (при автопрайминге или в диалоге) вскоре вновь происходит обращение к этой лемме, остаточная активация всей релевантной информации, в том числе и недавно задействованного комбинаторного узла, увеличивает вероятность употребления аналогичной синтаксической конструкции, т.е. мы наблюдаем явление СП. Данная модель хорошо описывает, в частности, явление увеличения эффектов СП при повторении опорного слова, т.к. эффект остаточной активации распространяется не только на комбинаторный узел, но и на саму лемму и связь между ними; в случае же использования другого глагола (*send* в нашем примере), величина остаточной активации (и СП, соответственно) оказывается ниже. Более того, при помощи этого же механизма удается объяснить эффект, описанный в работе [Melinger, Dobel, 2005]: оказалось, что для получения значимого эффекта СП достаточно использовать в качестве прайма не целое предложение, а лишь изолированный глагол.

Однако данная модель хорошо объясняет лишь те эффекты, которые являются **кратковременными** и совсем не подходит для объяснения долговременных эффектов СП, которые также присутствуют. К настоящему моменту вопрос о «продолжительности жизни» праймингэффектов был поставлен только в нескольких экспериментах по методике автопрайминга. Так, в работе [Boyland, Anderson, 1998] авторы обнаружили эффект СП после двадцатиминутной задержки, а в работе [Bock, Griffin, 2000] была описана некоторая кривая, в соответствии с которой подобные эффекты распределяются при наличии между праймовыми и целевыми стимулами от 1 до 10 стимулов-филлеров. При помощи модели остаточной активации мы не можем объяснить ни подобные результаты, ни так называемый кумулятивный эффект СП, описанный, в частности, в работе [Hartsuiker, Westenberg, 2000], при котором частотность употребления некоторой конструкции увеличивалась от начала эксперимента к его концу. Эти результаты, однако, хорошо описываются в рамках другой теории СП – модели имплицитного научения.

Основная идея модели **имплицитного научения** (implicit learning по [Bock, Griffin, 2000]) применительно к СП состоит в следующем. Когда люди осваивают (первый или второй) язык, они отображают некоторые характеристики одного уровня представления на характеристики другого уровня представления. Например, за лексемой *слон* стоит некоторое образно-визуальное представление на концептуальном уровне, а также фонетическое представление в виде последовательности определенных звуков. Так же, по идее авторов данной теории, обстоит дело и с более абстрактными синтаксическими репрезентациями:

для того, чтобы освоить, например, дативные конструкции, человек должен понять и запомнить, как некоторое концептуальное представление о ситуации <кто, что, кому> отображается в структуру составляющих на синтаксическом уровне. Очередное использование данного отображения с концептуального уровня на уровень грамматического кодирования на некоторое (иногда довольно большое) время увеличивает относительный вес именно этой связи, так что в следующий раз ее использование становится более вероятным. Таким образом усиливается тенденция использовать одну и ту же синтаксическую конструкцию для выражения одного и того же концептуального смысла. В рамках данной модели хорошо могут быть объяснены как долговременный и кумулятивный эффекты СП, так и эффект обратных предпочтений, при котором менее частотная синтаксическая конструкция подвержена более сильному действию СП, чем более частотная. Однако при помощи механизма имплицитного научения не удается описать эффект увеличения СП при повторении опорного слова.

Две рассмотренные выше модели часто описываются как конкурирующие, однако они не являются принципиально несовместимыми. Более того, согласно авторам работы [Ferreira, Bock, 2006] есть все основания рассматривать СП как результат работы некоторой сложной системы с несколькими когнитивными основаниями. При таком подходе данные теории взаимно дополняют друг друга: модель имплицитного научения объясняет долговременные эффекты СП взаимодействием между концептуальным уровнем и уровнем грамматического кодирования, а модель остаточной активации дает объяснение кратковременным эффектам, ограничиваясь уровнем грамматического кодирования высказывания. В работе [Tooley, Traxler, 2010] авторы предложили **модель двойного механизма (**dual mechanism model), которая работает по вышеописанному принципу: механизм остаточной активации объясняет эффекты СП, связанные с повтором опорного слова, а механизм имплицитного научения – более долговременные эффекты СП, возникающие в экспериментах без использования опорного слова.

Объясняя при помощи модели двойного механизма различие между эффектами СП при порождении и понимании, которое выражается в частом отсутствии эффекта СП в экспериментах на понимание без повтора опорного слова, авторы работы [Tooley, Traxler, 2010] полагают, что в экспериментах на порождение речи задействуются оба механизма, а на понимание – только механизм остаточной активации.

2.6. Величина прайминг-эффектов

Завершая разд. 2, приведем некоторые статистические наблюдения. Обычно значимость результатов проведенных экспериментов оценивается при помощи строгих математических вычислений. Но иногда статистически значимый результат отличается от статистически незначимого совсем немного, поэтому величина того или иного эффекта, выраженная в простых процентах (при условии, что все приводимые результаты являются значимыми), также является показательной. Важной особенностью экспериментальных исследований, использующих методологию СП, является значительный разброс величины прайминг-эффектов в зависимости от рассматриваемой синтаксической конструкции, а также используемого метода. Например, в экспериментах, использовавших метод воспроизведения предложений с последующим описанием картинки [Bock, 1986], было обнаружено различие в 23% для дативных конструкций и всего лишь 8% – для активных vs. пассивных конструкций, в то время как при использовании в качестве синтаксического материала тех же дативных конструкций по методу письменного завершения предложений в работе [Pickering, Branigan, 1998] – только 10%.

В работе [Mahowald et al., 2016] был проведен первый **метаанализ** экспериментов на порождение речи взрослыми испытуемыми, представленных в 73 статьях в рейтинговых журналах, отобранных из 2096 публикаций, в которых упоминается явление СП. Авторы показали, что в целом эффект СП имеет вес 1,67 (т.е. если без эффекта СП некоторая конструкция встречается в 50% случаев, то при наличии СП эта вероятность повышается до 63%) без лексических повторов и 3,26 (77%) при наличии лексического повтора.

3. Синтаксический прайминг в экспериментах с билингвами

Психолингвисты, которые изучают синтаксические репрезентации у билингвов, выделяют два направления исследований:

1) как организованы синтаксические репрезентации второго языка у билингвов – аналогично тому, как они организованы у монолингвов или у тех же билингвов, но по отношению к их первому языку, или принципиально иначе;

2) как хранятся синтаксические знания у билингвов – отдельно знания первого языка и отдельно знания второго языка, или часть синтаксических репрезентаций хранится в общем хранилище.

Ответ на первый вопрос обычно ищут, проводя максимально близкие по синтаксическому материалу и методу эксперименты с билингвами

сначала на одном языке, а потом на другом. Для ответа на второй вопрос проводят так называемые межъязыковые эксперименты на СП, при которых испытуемые получают праймовое высказывание на одном языке (по очереди на первом и втором), а целевое высказывание произносят на другом языке. Рассмотрим современное состояние дел в этой области на примере нескольких исследований на материале одного из наиболее распространенных стимулов – дативных конструкций.

В работе, описанной в [Loebell, Bock, 2003], авторы провели эксперимент с немецко-английскими билингвами: испытуемые сначала повторяли предложение на одном из двух языков, а потом описывали картинки на другом языке. Оказалось, что испытуемые, повторяя дативные конструкции с PO или DO на немецком языке (примеры 7a и 7c), чаще использовали дативные конструкции с PO или DO и при описании картинок на английском языке (примеры 7b и 7d):

(7) a. Germ dative DO
Der kleine Junge schrieb seinem Brieffreund einen Brief.
‘Мальчик написал своему другу по переписке письмо’

b. En dative DO
A boy is giving a girl a present.
‘Мальчик дарит девочке подарок’

c. Germ dative PO
Der kleine Junge schrieb einen Brief an seinem Brieffreund.
‘Мальчик написал письмо своему другу по переписке’

d. En dative PO
A boy is giving a present to a girl.
‘Мальчик дарит подарок девочке’

В работе [Meijer, Fox Tree, 2003] были описаны аналогичные результаты при использовании метода воспроизведения стимулов по памяти с испано-английскими билингвами.

Наиболее показательное исследование было проведено с нидерландско-английскими билингвами [Schoonbaert et al., 2007]. Авторы, используя метод диалога-игры с обученным подыгрывающим, сравнивали внутриязыковой прайминг с межъязыковым, а также прайминг с повторением с праймингом без повторения опорного слова. Стимулами послужили дативные конструкции с PO vs. DO:

(8) a. Dutch dative PO
De kok toont een hoed aan de bokser.

b. En dative PO
The cook shows a hat to the boxer.
‘Повар показывает шляпу боксеру’

(8) c. Dutch dative DO
De kok toont de bokser een hoed.

d. En dative DO
The cook shows the boxer a hat.
‘Повар показывает боксеру шляпу’

Результаты четырех проведенных экспериментов говорят о том, что, во-первых, эффект СП был обнаружен во всех четырех типах экспериментальной парадигмы без повторения в экспериментальной паре опорного слова (важно, что величина эффекта СП во всех этих случаях была статистически одинакова):

1) весь эксперимент проводился на нидерландском (первом) языке;

2) весь эксперимент проводился на английском (втором) языке;

3) эксперимент проводился с праймами на нидерландском и целевыми ответами на английском языке;

4) эксперимент проводился с праймами на английском и целевыми ответами на нидерландском языке.

Во-вторых, в случае повторения в экспериментальной паре опорного слова распределение эффектов СП оказалось устроено сложнее: в случае проведения эксперимента с внутриязыковым дизайном повторение слова в обоих случаях значимо увеличивало эффект СП, причем это увеличение оказалось статистически одинаково для обоих случаев. В случае межъязыкового СП с нидерландского (первого) языка на английский (второй) наблюдаемый эффект СП при повторении опорного слова оказался значимо больше, чем без повторений, но значимо меньше, чем для экспериментов с внутриязыковым дизайном. В случае же межъязыкового СП с английского (второго) языка на нидерландском (первый) наблюдаемый эффект СП при повторении опорного слова совпадал по величине с эффектами СП без повторений.

Таким образом, во-первых, нет оснований утверждать, что синтаксические репрезентации первого и второго языков у билингвов устроены принципиально по-разному. Во-вторых, синтаксические знания о первом и втором языках хранятся у билингвов максимально экономно, т.е. все синтаксические конструкции, которые устроены в двух языках одинаково, хранятся в общем хранилище (так называемая **гипотеза о совместном хранении**, shared hypothesis).

В работе [Shin, Christianson, 2009] авторы еще несколько продвинулись в поиске ответов на поставленные вопросы, изучив те же дативные конструкции у корейско-английских билингвов. Основной вопрос, который интересовал исследователей, заключался в том, сколько стадий правильнее выделять при порождении синтаксических конструкций у билингвов: одну или две. В работе [Bernolet et al., 2007] на материале

относительных предложений в речи немецко-нидерландских и нидерландско-английских билингвов было установлено, что более психологически реальным представляется одноуровневый подход к стадии грамматического кодирования у билингвов; однако в работе [Desmet, Declercq, 2006] авторы, проанализировав прайминг относительных предложений у нидерландско-английских билингвов, пришли к противоположному выводу. С целью получить более достоверные результаты авторы работы [Shin, Christianson, 2009] подобрали стимульный материал таким образом, чтобы не только получить ответ на вопрос о количестве уровней грамматического кодирования у билингвов, но и, в случае подтверждения гипотезы о совместном хранении однотипных синтаксических конструкций, иметь возможность установить, на каком из двух уровней – функциональном или позиционном – это совместное хранилище существует. Рассмотрим эту работу более подробно.

Стимульный материал эксперимента был заимствован из [Loebell, Bock, 2003] и переведен на корейский язык. Каждый экспериментальный блок, состоящий из двух предложений английского языка (см. примеры 9a, b), был представлен тремя предложениями корейского (примеры 9c–e):

(9) a. Mary gave a book to John VP[V NP PP]
<что, кому>
‘Мэри дала книгу Джону’

b. Mary gave John a book VP[V NP NP]
<кому, что>
‘Мэри дала Джону книгу’

c. Mary-ka John-eykey chayk-ul cwuessta VP[PP NP V]
<кому, что>

d. Mary-ka John-ul chayk-ul cwuessta VP[NP NP V]
<кому, что>

e. Mary-ka chayk-ul John-eykey cwuessta VP[NP PP V]
<что, кому>

Как можно видеть из приведенных примеров, корейское дативное предложение с двумя беспредложными дополнениями совпадает с английским эквивалентом как по набору составляющих (функциональный уровень грамматического кодирования), так и по их линейному порядку в высказывании (позиционный уровень), в то время как корейское дативное предложение с косвенным дополнением совпадает с английским эквивалентом на функциональном уровне, но различается линейным порядком. Кроме того, корейское дативное предложение

со сдвигом косвенного дополнения полностью совпадает с английским дативным предложением с косвенным дополнением.

Метод данного эксперимента – воспроизведение стимулов по памяти – был взят из работы [Meijer, Fox Tree, 2003]: испытуемые слушали целевое предложение на английском языке, затем праймовое предложение на корейском языке, затем отвечали на вопрос про некоторое корейское слово, входило ли оно в состав только что услышанного предложения корейского языка, после чего должны были повторить целевое английское предложение. Полученные результаты показали небольшой (6%), но значимый эффект межъязыкового СП, который, однако, оказался независим от порядка следования составляющих. Таким образом, результаты данного эксперимента говорят о том, что независимо от различий в базовом порядке слов (SVO для английского языка и SOV для корейского) корейско-английские билингвы демонстрируют эффект межъязыкового СП; авторы работы интерпретируют результаты в пользу большего правдоподобия двухуровневой организации процесса грамматического кодирования у билингвов. Кроме того, была подтверждена гипотеза о совместном хранении у билингвов совпадающих синтаксических конструкций и выдвинуто предположение, что это совместное хранилище существует скорее на функциональном, чем на позиционном уровне грамматического кодирования.

С теоретической точки зрения существует три модели, различающиеся представлениями о степени интеграции синтаксической информации о втором языке в грамматику первого языка. Первая модель представляет собой переложение для билингвов известной модели Лефельта [Levelt, 1989]. Автор этой модели К. де Бо утверждает, что билингвы имеют общее хранилище на уровне лемм, но процессы грамматического кодирования происходят для каждого из языков независимо друг от друга [de Bot, 1992]. Автор другой, так называемой процедурно-декларативной, модели М. Ульман полагает, что синтаксическая обработка высказываний у монолингвов и тех билингвов, которые усвоили второй язык в раннем возрасте, задействует процедурные знания, в то время как в случае более позднего усвоения языка школьным способом задействованы оказываются декларативные знания, которые обычно отвечают за лексические процессы [Ullman, 2001]. В третьей модели [Hartsuiker et al., 2004] предполагается, что как лексическая, так и грамматическая информация хранятся в общем хранилище; эта модель также находит поддержку в исследовании билингвов с афазией [Verreyt et al., 2013]. В работе [Hartsuiker, Pickering, 2008] авторы обобщили следствия из этих трех моделей и проверили их на материале всех существовавших на тот момент исследований, получив свидетельства в пользу большей достоверности третьей модели.

4. Синтаксический прайминг на материале русского языка

В данном разделе будет описана серия экспериментов на материале посессивных конструкций русского языка типа *Петина мама* (препозитивная конструкция, далее ПРЕ) vs. *мама Пети* (постпозитивная конструкция, далее ПОСТ). Данные эксперименты проводились по методу диалога-игры с обученным подыгрывающим [Branigan et al., 2000], в качестве стимулов было использовано 48 пар картинок, аналогичных приведенным на рис. 3.

Рис. 3. Экспериментальная (слева) и отвлекающая (справа) карточки

Ниже мы опишем результаты шести экспериментов на материале посессивной конструкции, два из которых проводились со взрослыми испытуемыми, два с детьми и два с англо-русскими билингвами. В первом взрослом эксперименте участвовало 48 испытуемых, во втором взрослом – 24 испытуемых; в первом детском – 24 ребенка в возрасте четырех лет, во втором детском – 18 детей того же возраста; в первом эксперименте с билингвами участвовало 24 человека, во втором – 18 человек. Первый эксперимент проводился без лексических повторов опорного слова; второй эксперимент – с лексическими повторами.

Статистический анализ показал, что во всех шести экспериментах был продемонстрирован статистически значимый сбалансированный эффект СП: испытуемые чаще порождали препозитивные конструкции, когда слышали препозитивные конструкции, и, наоборот, чаще порождали постпозитивные конструкции, слыша постпозитивные конструкции.

Какая конструкция в русском языке более частотна и как это повлияло на результаты эксперимента? Интуитивно ПРЕ-конструкция воспринимается носителями русского языка как более естественная, но для того, чтобы подтвердить это утверждение статистически, мы провели несколько вспомогательных исследований. Во-первых, был проведен анализ распределения ПРЕ- и ПОСТ-конструкций в Национальном корпусе русского языка, который подтвердил нашу интуицию,

показав распределение 85% : 15% в пользу препозитивных конструкций. Во-вторых, был смоделирован еще один тест, в ходе которого испытуемые должны были описывать те же картинки; никакого воздействия, однако, при этом на них не оказывалось. В итоге 64 взрослых испытуемых и 25 четырехлетних детей (испытуемые, принявшие участие в этом тесте, не участвовали в основном эксперименте) показали аналогичные результаты: взрослые употребили ПРЕ-конструкции в 80% случаев, а дети – в 69%. Таким образом удалось еще раз показать превалирование препозитивной посессивной конструкции. Но сказалось ли это каким-то образом на результатах экспериментов? Напомним, что, согласно гипотезе обратных предпочтений, мы ожидаем получить большее по сравнению с корпусными данными и результатами теста количество употреблений менее частотной, т.е. постпозитивной конструкции. Действительно, различие между количеством ПРЕ- и ПОСТ-высказываний у взрослых испытуемых статистически значимо указывает в сторону ПОСТ-конструкций (рис. 4).

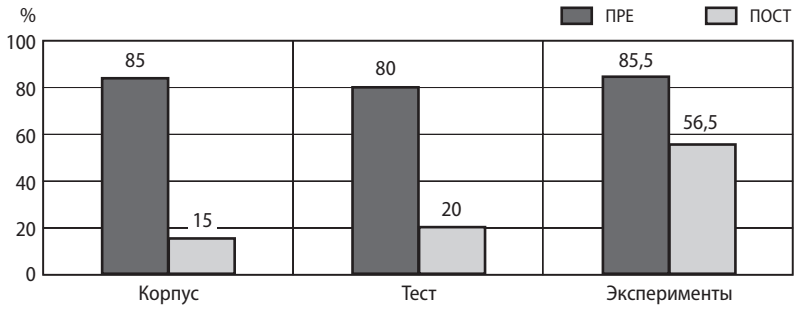

Рис. 4. Распределение ПРЕ- и ПОСТ-конструкций у взрослых

На этой и следующей диаграммах в колонках с экспериментальными данными отдельно обозначено количество ответов с праймингом ПРЕ- и ПОСТ-конструкций (из 100%)

Рассмотрим теперь результаты экспериментов с лексическими повторами опорного слова и без них. Значимый эффект лексических повторов не был обнаружен ни у взрослых, ни у детей, что входит в противоречие с результатами предыдущих исследований и ждет подтверждения в будущих экспериментах.

Обратимся теперь к результатам двух детских экспериментов. Посессивные конструкции являются весьма подходящими в качестве стимульного материала при проведении детских экспериментов, т.к. они осваиваются русскоязычными детьми уже в два-три года. Даже на этапе

голофрастической речи, когда ребенок использует только однословные высказывания, дети часто указывают на какой-либо предмет, называя при этом лицо, которому этот предмет принадлежит. Таким образом, выбранный синтаксический материал теоретически дает возможность проводить эксперименты даже с двухлетними детьми.

Результаты проведенных детских экспериментов показывают, что в них не было зафиксировано более высокого эффекта СП по сравнению со взрослыми: 42% у взрослых и 41,5% у детей. Важным отличием эффекта детского СП от взрослого в этих экспериментах, однако, оказалось различие в экспериментальном распределении ПРЕ- и ПОСТ-конструкций: если у взрослых количество случаев использования ПРЕ-конструкций в ходе экспериментов практически совпало с распределением в корпусе и по результатам вспомогательного теста, то дети в экспериментах одинаково охотно использовали как препозитивную, так и постпозитивную конструкцию, хотя в тесте предпочитали более частотную у взрослых препозитивную (рис. 5). Такое равномерное распределение ПРЕ- и ПОСТ-конструкций в детских экспериментах говорит о том, что, несмотря на то, что у четырехлетних детей уже наблюдается тенденция к употреблению более частотной препозитивной конструкции в спонтанной речи, процесс настройки их синтаксического анализатора на дистрибутивные характеристики инпута еще не завершен.

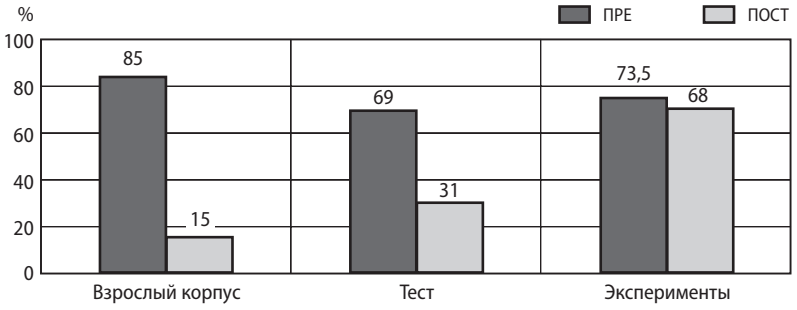

Рис. 5. Распределение ПРЕ- и ПОСТ-конструкций у детей

Таким образом, оказалось, что, в отличие от результатов подобных англоязычных экспериментов с детьми (напр., см. [Branigan, McLean, 2016]), не был получен ни значимый эффект лексических повторов, ни значимый эффект увеличения уровня СП по сравнению со взрослыми испытуемыми. Случайно ли это или действительно какое-то различие между английским и русским языками вызывает такой эффект, можно будет узнать, только смоделировав новые прайминг-эксперименты.

Однако отметим, что в работе [Skarabela, Serratrice, 2009] авторы, проведя эксперимент на СП параллельно с англоязычными взрослыми и четырехлетними детьми на аналогичном посессивном стимульном материале (напр., *the mother of the girl* (‘мама девочки’) vs. *the girl’s mother* (‘девочкина мама’)), неожиданно получили значимо более сильный эффект СП у взрослых, чем у детей.

Опишем теперь результаты англо-русских билингвов. В первом из проведенных экспериментов испытуемые с первым (английским) языком проходили эксперимент на втором (русском) языке; во втором эксперименте был использован межъязыковой дизайн: испытуемые слушали предложения на первом (английском) языке, а затем порождали свои на втором (русском). В обоих экспериментах величина эффекта СП не отличалась от аналогичной в экспериментах с русскими монолингвами, что говорит в пользу модели синтаксических репрезентаций у билингвов, предложенной Хартсуикером и Пикерингом [Hartsuiker, Pickering, 2008].

5. Заключение

Данная работа была посвящена описанию синтаксического прайминга. Как мы показали, исследования СП важны не только сами по себе, но и с точки зрения поиска ответов на важные лингвистические вопросы, в том числе на вопрос о распределении синтаксических репрезентаций двух языков у билингвов.

Современная (психо)лингвистическая наука становится все более и более комплексной: в рамках изучения СП исследователи проводят эксперименты со здоровыми взрослыми носителями, с детьми, с билингвами, с пациентами с различного рода патологией речи; кроме того, привлекаются данные разных языков. Хорошим примером такого комплексного подхода служит работа [Garraffa et al., 2012], в которой авторы описывают эффекты СП на материале эксперимента с итальянскими детьми со специфическим языковым дефицитом.

Подытоживая изложение теоретического раздела 2, сформулируем основные наблюдаемые закономерности:

1) в диалоге эффекты СП значимо выше, чем при автопрайминге;

2) при порождении эффекты СП стабильнее и выше, чем при понимании;

3) эксперименты, в которых фиксируется время реакции, часто дают иллюзорный результат;

4) эксперименты, проведенные в разных модусах (например, испытуемый повторяет стимулы устно, а потом письменно заканчивает предложения), дают обычно более слабый, но тем не менее статистически значимый эффект.

Подводя итоги описания синтаксических репрезентаций у билингвов (раздел 3), отметим, что:

1) межъязыковой СП наблюдается практически во всех экспериментах;

2) внутриязыковой прайминг по величине не отличается от межъязыкового;

3) генетическая близость языков (напр., при сравнении корейско-английских и немецко-английских билингвов) не влияет на величину СП;

4) тип синтаксической конструкции влияет на величину СП.

Наконец, при исследовании посессивных конструкций русского языка (разд. 4) мы обнаружили:

1) отсутствие эффекта опорного слова;

2) одинаковый по величине эффект СП у взрослых и детей;

3) отсутствие преобладания в речи детей препозитивных конструкций, характерных для взрослой речи;

4) отсутствие различий между величиной эффекта СП у билингвов и монолингвов.

Библиографический список / References

Бэддели, 2001 – Бэддели А. Ваша память. Руководство по тренировке и развитию. М., 2001. [Beddeli A. Vasha pamyat'. Rukovodstvo po trenirovke i razvitiyu [Your memory. A user's guide]. Moscow, 2001.]

Величковский, 1982 – Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982. [Velichkovskii B.M. Sovremennaya kognitivnaya psikhologiya [Modern cognitive psychology]. Moscow, 1982.]

Фаликман, Койфман, 2005 – Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. 2005. № 3, 4. [Falikman M.V., Koifman A.Ya. Types of priming in research of perception and perceptual attention. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. *Seriya 14*: *Psikhologiya*. 2005. No. 3, 4. (In Russ.)]

Федорова, 2009 – Федорова О.В. Основы экспериментальной психолингвистики: Синтаксический прайминг. М., 2009. [Fedorova O.V. Osnovy eksperimental'noi psikholingvistiki: Sintaksicheskii praiming [Fundamentals of experimental psycholinguistics: Syntactic priming]. Moscow, 2009.]

Федорова, 2014 – Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М., 2014. [Fedorova O.V. Eksperimental'nyi analiz diskursa [Experimental analysis of discourse]. Moscow, 2014.]

Федорова, 2020 – Федорова О.В. Психолингвистика. М., 2020. [Fedorova O.V. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Moscow, 2020.]

Arai et al., 2007 – Arai M., van Gompel R.P.G., Scheepers C. Priming ditransitive structures in comprehension. *Cognitive Psychology*. 2007. No. 54. Pp. 218–250.

Bernolet et al., 2013 – Bernolet S., Hartsuiker R.J., Pickering M.J. From language-specific to shared syntactic representations: The influence of second language proficiency on syntactic sharing in bilinguals. *Cognition*. 2013. No. 127 (3). Pp. 287–306.

Bock, 1986 – Bock K. Syntactic persistence in language production. *Cognitive Psychology*. 1986. No. 18. Pp. 355–387.

Bock, 1989 – Bock K. Closed-class immanence in sentence production. *Cognition*. 1989. No. 31. Pp. 163–186.

Bock et al., 2007 – Bock K., Dell G.S., Chang F., Onishi K.H. Persistent structural priming from language comprehension to language production. *Cognition*. 2007. No. 104. Pp. 437–458.

Bock, Griffin, 2000 – Bock K., Griffin Z.M. The persistence of structural priming: Transient activation or implicit learning? *Journal of Experimental*: *General*. 2000. No. 129. Pp. 177–192.

Bock, Loebell, 1990 – Bock K., Loebell H. Framing sentences. *Cognition*. 1990. No. 35. Pp. 1–39.

Bock et al., 1992 – Bock K., Loebell H., Morey R. From conceptual roles to structural relations: Bridging the syntactic cleft. *Psychological Review*. 1992. No. 99. Pp. 150–171.

Boyland, Anderson, 1998 – Boyland J.T., Anderson J.R. Evidence that syntactic priming is long-lasting. *Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Hillsdale, 1998. P. 1205.

Branigan et al., 2000 – Branigan H.P., Pickering M.J., Cleland A.A. Syntactic coordination in dialogue. *Cognition*. 2000. No. 75. Pp. 13–25.

Branigan, 2007 – Branigan H.P. Syntactic priming. *Language and Linguistics Compass*. 2007. No. 1. Pp. 1–16.

Branigan, McLean, 2016 – Branigan H.P., McLean J.F. What children learn from adults' utterances: An ephemeral lexical boost and persistent syntactic priming in adult–child dialogue. *Journal of Memory and Language*. 2016. No. 91. Pp. 141–157.

Bunger et al., 2013 – Bunger A., Papafragou A., Trueswell J.C. Event structure influences language production: Evidence from structural priming in motion event description. *Journal of Memory and Language*. 2013. No. 69 (3). Pp. 299–323.

Cleland, Pickering, 2003 – Cleland A.A., Pickering M.J. The use of lexical and syntactic information in language production: Evidence from the priming of noun phrase structure. *Journal of Memory and Language*. 2003. No. 49. Pp. 214–230.

de Bot, 1992 – de Bot K. A bilingual production model: Levelt's speaking model adapted. *Applied Linguistics*. 1992. No. 13 (1). Pp. 1–24.

Desmet, Declercq, 2006 – Desmet T., Declercq M. Cross-linguistic priming of syntactic hierarchical configuration information. *Journal of Memory and Language*. 2006. No. 54. Pp. 610–632.

Ferreira, Bock, 2006 – Ferreira V.S., Bock J.K. The functions of structural priming. *Language and Cognitive Processes*. 2006. No. 21. Pp. 1011–1029.

Fine, Jaeger, 2016 – Fine A.B., Jaeger T.F. The role of verb repetition in cumulative structural priming in comprehension. *Journal of Experimental Psychology*: *Learning*, *Memory*, *and Cognition*. 2016. No. 42 (9). Pp. 1362–1376.

Garraffa et al., 2018 – Garraffa M., Coco M.I., Branigan H.P. Impaired implicit learning of syntactic structure in children with developmental language disorder: Evidence from syntactic priming. *Autism & Developmental Language Impairments*. 2018. No. 3. Pp. 1–15.

Girbau, 2018 – Girbau D. Direct object pronoun sentence processing in Spanish-English children with/without Specific Language Impairment and adults: A cross-modal priming study. *Journal of Communication Disorders*. 2018. No. 72. Pp. 97–110.

Goudbeek, Krahmer, 2012 – Goudbeek M., Krahmer E. Alignment in interactive reference production: Content planning, modifier ordering, and referential overspecification. *Topics in Cognitive Science*. 2012. No. 4 (2). Pp. 269–289.

Gries, 2005 – Gries S.T. Syntactic priming: A corpus-based approach. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2005. No. 34. Pp. 365–399.

Hartsuiker, Pickering, 2008 – Hartsuiker R., Pickering M. Language integration in bilingual sentence production. *Acta Psychologica*. 2008. No. 128 (3). Pp. 479–489.

Hartsuiker, 1999 – Hartsuiker R.J. Priming word order in sentence production. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*: *Section A*. 1999. No. 52 (1). Pp. 129–147.

Hartsuiker et al., 2004 – Hartsuiker R.J., Pickering M.J., Veltkamp E. Is syntax separate or shared between languages? Cross-linguistic syntactic priming in Spanish-English bilinguals. *Psychological Science*. 2004. No. 15. Pp. 409–414.

Hartsuiker, Westenberg, 2000 – Hartsuiker R.J., Westenberg C. Persistence of word order in written and spoken sentence production. *Cognition*. 2000. No. 75. Pp. B27–39.

Levelt, 1989 – Levelt W.J.M. Speaking: From intention to articulation. Cambridge, 1989.

Levelt, Kelter, 1982 – Levelt W.J.M., Kelter S. Surface form and memory in question answering. *Cognitive Psychology*. 1982. No. 14. Pp. 78–106.

Litcofsky, van Hell, 2019 – Litcofsky K.A., van Hell J.G. Bi-directional evidence linking sentence production and comprehension: A cross-modality structural priming study. *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 10. P. 1095.

Loebell, Bock, 2003 – Loebell H., Bock K. Structural priming across languages. *Linguistics*. 2003. No. 41 (5). Pp. 791–824.

Mahowald et al., 2016 – Mahowald K., James A., Futrell R., Gibson E. A meta-analysis of syntactic priming in language production. *Journal of Memory and Language*. 2016. No. 91. Pp. 5–27.

Meijer, Fox Tree, 2003 – Meijer P.J.A., Fox Tree J.E. Building syntactic structures in speaking: A bilingual exploration. *Experimental Psychology*. 2003. No. 50. Pp. 184–195.

Melinger, Dobel, 2005 – Melinger A., Dobel C. Lexically driven syntactic priming. *Cognition*. 2005. No. 98. Pp. B11–B20.

Oltra-Massuet et al., 2017 – Oltra-Massuet I., Sharpe V., Neophytou K., Marantz A. Syntactic priming as a test of argument Structure: A self-paced reading experiment. *Frontiers in Psychology*. 2017. No. 8. P. 1311.

Pickering, Ferreira, 2008 – Pickering M., Ferreira V. Structural priming: A critical review. *Psychological Bulletin*. 2008. No. 134 (3). Pp. 427–459.

Pickering, Branigan, 1998 – Pickering M.J., Branigan H.P. The representation of verbs: Evidence from syntactic priming in language production. *Journal of Memory and Language*. 1998. No. 39. Pp. 633–651.

Potter, Lombardi, 1998 – Potter M.C., Lombardi L. Syntactic priming in immediate recall of sentences. *Journal of Memory and Language*. 1998. No. 38. Pp. 265–282.

Schenkein, 1980 – Schenkein J. A taxonomy for repeating action sequences in natural conversation. *Language Production*. B. Butterworth (ed.). Vol. 1. London, 1980. Pp. 21–47.

Schoonbaert et al., 2007 – Schoonbaert S., Hartsuiker R.J., Pickering M.J. The representation of lexical and syntactic information in bilinguals: Evidence from syntactic priming. *Journal of Memory and Language*. No. 56. Pp. 153–171.

Segaert et al., 2013 – Segaert K., Kempen G., Petersson K.M., Hagoort P. Syntactic priming and the lexical boost effect during sentence production and sentence comprehension: An fMRI study. *Brain and Language*. 2013. No. 124 (2). Pp. 174–183.

Shin, Christianson, 2009 – Shin J.-A., Christianson K. Bilingual syntactic processing: Evidence from cross-linguistic structural priming. *Cognition*. 2009. No. 112 (1). Pp. 175–180.

Skarabela, Serratrice, 2009 – Skarabela B., Serratrice L. 'The doctor's mother' or 'the mother of the doctor'?: Syntactic priming of possessive noun phrases in English preschoolers. *Abstract from BUCLD 33*. Boston, 2009.

Szmrecsanyi, 2005 – Szmrecsanyi B. Creatures of habit: A corpus linguistic analysis of persistence in spoken English. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. No. 1. Pp. 113–149.

Szmrecsanyi, 2006 – Szmrecsanyi B. Morphosyntactic persistence in spoken English: A corpus study at the intersection of variationist sociolinguistics, psycholinguistics, and discourse analysis. Berlin; New York, 2006.

Thothathiri, Snedeker, 2008 – Thothathiri M., Snedeker J. Syntactic priming during language comprehension in three- and four-year-old children. *Journal of Memory and Language*. 2008. No. 58 (2). Pp. 188–213.

Tooley, Bock, 2014 – Tooley K.M., Bock K. On the parity of structural persistence in language production and comprehension. *Cognition*. 2014. No. 132. Pp. 101–136.

Tooley et al., 2013 – Tooley K.M., Swaab T.Y., Boudewyn M.A., Zirnstein M., Traxler M.J. Evidence for priming across intervening sentences during on-line sentence comprehension. *Language and Cognitive Processes*. 2013. No. 29. Pp. 289–311.

Traxler, 2008 – Traxler M.J. Lexically independent priming in online sentence comprehension. *Psychonomic Bulletin & Review*. 2008. No. 15 (1). P. 149.

Ullman, 2001 – Ullman M.T. A neurocognitive perspective on language: The declarative/procedural model. *Nature Reviews Neuroscience*. 2001. No. 2. Pp. 717–726.

van Gompel et al., 2012 – van Gompel R.P.G., Arai M., Pearson J. The representation of mono- and intransitive structures. *Journal of Memory and Language*. 2012. No. 66 (2). Pp. 384–406.

Verreyt et al., 2013 – Verreyt N., Bogaerts L., Cop U. et al. Syntactic priming in bilingual patients with parallel and differential aphasia. *Aphasiology*. 2013. No. 27 (7). Pp. 867–887.

Weber, Indefrey, 2009 – Weber K., Indefrey P. Syntactic priming in German-English bilinguals during sentence comprehension. *NeuroImage*. 2009. No. 46 (4). Pp. 1164–1172.

Weiner, Labov, 1983 – Weiner E.J., Labov W. Constraints on the agentless passive. *Journal of Linguistics*. 1983. No. 19. Pp. 29–58.

Статья поступила в редакцию 02.03.2020
The article was received on 02.03.2020

Об авторе / About the author

Федорова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультетета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga V. Fedorova – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5034-3859
E-mail: olga.fedorova@msu.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-121-135

Е.А. Еремина

**Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

«Грамматика» словесного образа в обучении иностранцев восприятию русского художественного текста

Словесные образы присущи художественным текстам; понимание многих особенностей словесных образов представляет трудность для изучающих русский язык как иностранный. В настоящей статье рассмотрены грамматические средства («грамматика») словесного образа как один из факторов сложности художественного текста. Описаны стратегии, которые могут использоваться учащимися для преодоления трудностей восприятия лексико-грамматической и образной структуры художественного текста на русском языке. Приведены результаты эксперимента, направленного на выявление уровня восприятия иностранцами грамматических средств создания словесных образов. Предложены упражнения, развивающие навыки и умения восприятия грамматического аспекта словесных образов, ориентированные на средний и продвинутый этапы изучения русского языка. В качестве примера рассматриваются словесные образы стихотворения С.А. Есенина «Береза».

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, языковое образование, межкультурная коммуникация, художественный текст, русская литература, словесные образы, грамматика, времена года

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Еремина Е.А. «Грамматика» словесного образа в обучении иностранцев восприятию русского художественного текста // Рема. Rhema. 2020. № 2. С. 121–135. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-121-135

© Еремина Е.А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-121-135

E. Eremina

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation

"Grammar" of verbal image in Russian literature in teaching foreigners

Verbal images are immanent for fiction texts. Many features of verbal images are difficult to understand for foreigners. The paper considers grammatical structure of verbal images as a source of a possible perceptive failure. Strategies for foreign students to overcome difficulties in understanding lexical, grammatical and imagery structure of the text are described. Experimental data on the perception of "grammar" of verbal images by foreign students is provided. Activities for developing skills in comprehension 'grammar' of verbal images for intermediate students are suggested. Verbal images of the poem "Birch" by S.A. Esenin are analyzed as an example.

Key words: language education, intercultural communication, teaching Russian as a foreign language, fiction and poetry, Russian literature, verbal images, grammar, the seasons

FOR CITATION: Eremina E. "Grammar" of verbal image in Russian literature in teaching foreigners. *Rhema.* 2020. No. 2. Pp. 121–135. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-2-121-135

1. Введение

Применение художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному преследует множество целей, среди которых обучение языку и речи на аутентичном материале, знакомство с русской культурой и формирование вторичной языковой картины мира, развитие межкультурной компетенции. Художественная речь интенсифицирует изучение русского языка [Маркова, 2005]. Однако художественный текст на русском языке содержит в себе столько разноуровневых трудностей для иностранцев, что нередко учащиеся считают их непреодолимыми и предпочитают избегать «сложные» места.

Сложность и трудность текстового материала соотносятся между собой как объективно данное (сложное устройство структуры, наложение планов, пересечение смыслов) и субъективно воспринимаемое (вызывающее трудности, приводящее к недопониманию или к непониманию текста). Понятия легкости/трудности и простоты/сложности, соотношение их между собой, применение их к обучению русскому языку иностранцев подробно рассмотрены В.М. Вятютневым [Вятютнев, 1984, с. 102–123]. Сложность текста вызывает у рецепиента трудности, но между этими явлениями нет прямой зависимости: иногда «простой» текст вызывает больше трудностей, а сложный – меньше; один и тот же материал у одних людей вызывает больше трудностей, у других – меньше; наконец, у разных читателей могут появляться разные трудности в связи с разными «сложными» явлениями текста.

Художественный текст как учебный материал необходимо предварительно, до предъявления аудитории, проанализировать с точки зрения его сложности и в результате спрогнозировать трудности, которые он может вызвать на определенном этапе обучения у конкретных учащихся. С учетом сложности материала и прогнозируемых трудностей составляются задания, способствующие развитию умений, необходимых иностранцу для дальнейшей самостоятельной деятельности – читательской, и, шире, коммуникативной, межкультурной.

Сложность художественного текста как учебного материала обусловлена, среди прочих факторов, сложностью словесных образов. Принимая подход Н.В. Павлович, под словесными образами подразумеваем семантически двуплановые единицы – фрагменты текста, – в которых сопоставляются как минимум два элемента, противоречащие друг другу в широком смысле [Павлович, 2004, с. 19]). Исследователь отмечает следующие факторы, влияющие на сложность словесных образов:

1) лексическое воплощение образа;
2) повторение отождествляемых понятий в лексемах образа;
3) способ отождествления элементов образа;
4) принадлежность образа к нескольким парадигмам;
5) абстрактность;
6) иерархичность [Там же, с. 244–285].

С точки зрения методики обучения русскому языку как иностранному следует выделить еще один немаловажный фактор – грамматические средства создания словесного образа, или «грамматика» словесного образа.

Цель исследования, представленного в настоящей статье, состоит в том, чтобы проанализировать грамматические средства создания словесного образа в художественном тексте с точки зрения их сложности,

выявить уровень трудности понимания этих грамматических средств иностранными студентами, на основе чего разработать задания, направленные на обучение иностранцев эффективному восприятию рассмотренных средств.

2. Грамматические средства создания словесного образа: лингвистический анализ

Знание основ грамматики русского языка вообще играет ключевую роль в смысловом восприятии художественного текста, поскольку помогает иностранцу реализовывать стратегии понимания нового слова. Так, встретив незнакомую лексему, учащиеся, во-первых, по грамматическому облику слова устанавливают его частеречную принадлежность; во-вторых, опираясь на синтаксическую структуру, устанавливают функцию слова в предложении. Кроме того, учащимся помогает знание корней и аффиксов [Кулибина, 2015, с. 92–93]. Ниже рассмотрим, какие стратегии могут использовать иностранные учащиеся для преодоления трудностей восприятия грамматических средств словесных образов.

В качестве примера грамматически сложного комплекса словесных образов возьмем строки из стихотворения С.А. Есенина «Береза»:

На пушистых ветках снежною каймой
Распустились кисти белой бахромой.

С грамматической точки зрения в этом предложении использованы два именных словосочетания – *снежною каймой* и *белой бахромой*, – характеризующие действие *распустились кисти*. Два словосочетания схожи друг с другом: это конструкции «прилагательное + существительное» в форме творительного падежа. Однородные по своей роли, в предложении по месту своего положения они окружают характеризуемое действие: располагаются до (*снежною каймой*) и после (*белой бахромой*) него. Эта синтаксическая особенность создает трудность иностранному читателю, которому для понимания этих строк необходимо отойти от ожидаемого порядка членов предложения и увидеть их «кольцевую» композицию.

Важно, что именные словосочетания использованы в форме творительного падежа. Значение этой падежной формы в данном контексте – творительный сравнения. Необходимо подчеркнуть, что «творительный сравнения представляет собой особую синтаксему, особое падежное значение грамматической формы», которое создает трудность для исследования, связанную с тем, что «здесь такие признаки синтаксемы, как значение и функция, не лежат на поверхности, а могут быть выявлены лишь в результате системного анализа» [Девятова, 2008, с. 47].

Отметим, что речь идет о творительном сравнения как грамматическом средстве выражения образа, а не о сравнении как о тропе. Что касается тропов, то согласимся с точкой зрения, согласно которой здесь имеет место двойная метаморфоза – переходное «преобразование» между метафорой и сравнением [Цупикова, 2009, с. 194].

Рассмотрим особенности творительного сравнения, реализованные в стихах С.А. Есенина. Во-первых, творительный сравнения характеризуется перцептивным модусом – модусом наблюдения (модусная рамка «я вижу»), по терминологии Н.М. Девятовой [Девятова, 2008, с. 49]. Во-вторых, основная функция творительного сравнения в тексте – изобразительная; это означает, что «фрагменты такого текста представляют собой наблюдаемый фрагмент действительности и характеризуются соприсутствием наблюдателя в изображаемом пространстве, совпадением времени действия и времени его наблюдения» [Там же]. В анализируемых строках, в самом деле, представлены зрительные образы: *снежною каймой*; *белой бахромой*. Зрительность образа березы в стихотворении подчеркивается многими исследователями [Зайцев, 2006, с. 168; Перелыгин, 2008; Болотнова, 2016, с. 409–410]. При этом особо подчеркивается роль белого цвета, в т.ч. в сочетании с серебром [Смирнова, Ван, 2014; Чжу, 2015; Аврамова, 2015; Ма, 2016]). И.И. Степанченко отмечает, что в стихотворении зрительные образы («бахрома снега») сочетаются с тактильными («пушистый», «бахрома кистей»), а также акустическими («сонная тишина») [Степанченко, 1991, с. 125].

Сложность рассматриваемой образной конструкции в том, что глагол *распустились* совершенного вида в форме прошедшего времени обозначает действие, уже состоявшееся; но при этом он является частью образа-преображения, процесса из прошлого: снег «распускался», превращаясь в цветы, в кисти, бахрому, кайму. Так в художественном пространстве совмещается не только наблюдатель и наблюдаемое, но и процесс и результат.

Модус наблюдения (модусная рамка «я вижу») воспринимается иностранным учащимся без особого труда, в том числе благодаря «наглядной» поддержке слов, передающих зрительное впечатление, таких как *пушистый*, *ветки*, *кисти*, *белый*. Благодаря этому у иностранного читателя создается эффект соприсутствия в изображаемом пространстве. Однако трудности могут возникнуть на фоне рассогласования между создаваемым в стихотворении образом наблюдаемого процесса и знанием о грамматическом значении глаголов совершенного вида как результате изменения (поскольку именно с этим значением совершенного вида знакомятся иностранные учащиеся прежде всего, ср. [Ласкарева, 2016, с. 69–70]).

В-третьих, творительный сравнения из двух элементов – «то, что сопоставляется» и «то, с чем сопоставляется» – сосредотачивает внимание воспринимающего на втором, поскольку «этот фрагмент “накладывается” на исходную сравниваемую ситуацию» [Девятова, 2008, с. 50]. В рассматриваемом примере эта особенность творительного сравнения значительно осложнена. Исходным элементом (тем, что сопоставляется) здесь является снег, но лексически он эксплицирован в виде прилагательных *снежный* и *белый*: *снежною каймой*, *белой бахромой*, – а также *пушистый*, устойчивого компонента языковой метафоры *пушистый снег*. Так, логически первым звеном образной цепочки представляется сопоставление ‘*Снег → кисти’ («Распустились *кисти»*), которое, однако, прямо не вербализовано в тексте. Образная конструкция *На пушистых ветках снежною каймой* / *Распустились кисти белой бахромой* осложнена и действием, которое также выражено образно: снег-кисти «распустились». Складывается следующая сложная структура образов:

‘*Снег → Кисти → Распустился(-лись) → Ткань: кайма и бахрома’.

Итак, с помощью творительного сравнения создается зрительный образ-метаморфоза: снег превращается в кисти, которые распускаются и становятся тканью (возможно, скатертью, платком или шалью) с каймой и бахромой. Сложная грамматическая конструкция выражает не менее сложный комплекс образов.

Для иностранного обучающегося восприятие такой сложной структуры образов, выраженной с помощью сложной грамматической конструкции, представляет значительные трудности. Стратегии для понимания этой структуры могут быть следующими. Сначала иностранец должен: а) понять грамматические значения, б) проанализировать синтаксические отношения, затем ему необходимо в) установить семантические связи между словами, г) выделить образные блоки, д) вычленить элементы образного сопоставления и, наконец, е) логически связать их между собой. В результате этих мыслительных операций читатель сможет приблизиться к пониманию смысла, заложенного автором художественного текста.

3. Восприятие грамматических средств словесного образа: экспериментальные данные

Восприятие грамматических средств, выражающих словесные образы сложной структуры, вызывает у иностранных обучающихся большие трудности. С целью доказать или опровергнуть этот тезис был проведен эксперимент. В исследовании приняли участие 67 студентов второго курса бакалавриата факультета русского языка как иностранного

Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Студентам было предложено определить значение грамматической конструкции в строках из стихотворения С.А. Есенина «Береза»:

> Какое грамматическое значение выражают словосочетания «снежною каймой» и «белой бахромой», употребленные в форме творительного падежа, в стихотворении С.А. Есенина «Берёза» (На пушистых ветках *снежною каймой* / Распустились кисти *белой бахромой*)?

Были предложены следующие варианты ответа с примерами употребления[1]:

1. Обозначение инструмента и средства, предмета, с помощью которого осуществляется действие: *писать ручкой*.
2. Выражение действующего лица в страдательных конструкциях: *работа написана студентом*.
3. Выражение способа передвижения (транспорта): *лететь самолётом*.
4. Выражение времени: *вернуться поздним вечером*.
5. Выражение места передвижения: *идти незнакомыми улицами*.
6. Выражение способа и образа действия: *говорить громким голосом*.
7. Выражение объекта: *доволен своим сыном*.
8. Образное сравнение: *слёзы текут ручьём*.
9. Выражение предиката: быть чем? кем? являться/называться чем? кем? стать чем? кем? и др.

Подчеркнем, что испытуемыми были студенты-филологи; определение значения языковой единицы является частью их профессиональной компетенции, поэтому формулировка задания не должна была создавать дополнительные трудности.

Результаты опроса получились следующими (студенты могли выбрать несколько вариантов ответа, поэтому в сумме результаты ответов превышают 100%). Самым распространенным оказался ответ (1) «обозначение инструмента и средства, предмета, с помощью которого осуществляется действие»; его дали 37% опрошенных. Это одно из первых значений творительного падежа, с которым знакомятся иностранцы, начинающие изучать русский язык; по-видимому, это и послужило причиной распространенности ответа.

На втором по частоте месте варианты (2) «выражение действующего лица» и (9) «выражение предиката» – по 30%. На третьем месте варианты (3) «способ передвижения», (5) «место передвижения», а также (8) «образное сравнение» (корректный ответ) – по 24%. Еще меньше

[1] Все варианты, кроме п. 8, сформулированы на основе пособия по грамматике для иностранцев [Глазунова, 2007, с. 55].

обучающихся выбрали значения (6) «способ и образ действия» и (7) «объект» – 22 и 18% соответственно. При этом (6) можно считать близким к правильному. Интересно, что 9% иностранцев выбрали варианты (6) и (8) одновременно.

Как видно, лишь четверть (24%) иностранных студентов-филологов смогли определить, что в строках *На пушистых ветках снежною каймой* / *Распустились кисти белой бахромой* использован творительный сравнения, а следовательно, распознать словесный образ. Из них только 9% увидели, что образному переосмыслению подвергается способ действия. Логично предположить, что понимание подобных грамматических конструкций вызывает еще больше трудностей у иностранцев нефилологических специальностей.

Итак, тезис о том, что восприятие грамматических средств, выражающих словесные образы сложной структуры, вызывает у изучающих русский язык иностранных учащихся большие трудности, можно считать экспериментально доказанным. Грамматический аспект словесных образов как языковых единиц действительно представляет для обучающихся особую трудность; проблему вызывает, в частности, осознание *образности* значения, переданной лексико-грамматическими средствами. Семантические компоненты словесного образа также являются фактором трудности художественного текста для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

4. Обучение восприятию грамматических средств словесного образа

Результаты эксперимента дают все основания полагать, что при обучении иностранцев чтению художественных текстов целесообразно уделять особое внимание «грамматике» словесных образов. В то же время следует помнить, что в литературных произведениях «грамматика» является средством выражения образа, передачи настроения, чувства, идей и – шире – художественного замысла.

С учетом выявленных особенностей словесных образов художественного текста, внутритекстовой структуры словесных образов и трудностей восприятия грамматических средств словесного образа иностранными студентами, разрабатываются задания для учащихся. Приведем некоторые задания на материале стихотворения С.А. Есенина «Береза».

Прочитайте предложения из стихотворения. Выделите в них грамматическую основу: субъект и предикат / подлежащее и сказуемое. Найдите сложное предложение, состоящее из двух простых, в нем будет две грамматические основы.

Необходимость задания на выявление грамматической основы обусловлена несколькими причинами. С одной стороны, приведенные выше экспериментальные данные показали, что большинство иностранцев испытывают трудности с определением субъекта и предиката в предложениях с образными конструкциями: не случайно одинаковы по частоте (по 30%) были ответы, ошибочно приписывающие словосочетаниям *снежною каймой* и *белой бахромой* значения «выражение действующего лица» и «выражение предиката». С другой стороны, несмотря на то, что большинство предложений в стихотворении простые (кроме одного), в каждом из них заключается своя трудность для иностранного учащегося: в первой и последней строфе субъект и предикат расположены на расстоянии друг от друга и разделены второстепенными членами предложения, субъекты *берёза*, *заря* находятся в первых стихах строф, а предикаты *принакрылась*, *обсыпает* – в третьих; во второй и третьей строфе субъект и предикат стоят рядом, но в инверсивном порядке (*распустились кисти*, *стоит береза*, *горят снежинки*). Наконец, без понимания грамматической основы предложения невозможен дальнейший анализ словесных образов и их структуры и, соответственно, невозможно понимание синтаксической связи между образными словосочетаниями.

В выделенных вами грамматических основах определите элемент ‘X’ (то, что сопоставляется) и элемент ‘Y’ (то, с чем сопоставляется). В каком предложении и субъект, и предикат имеют прямое значение, т.е. не составляют словесного образа? В каком предложении оба элемента – и субъект, и предикат – имеют образное значение?

В ходе выполнения этого задания учащиеся обращают внимание на образность грамматической основы предложений, их задача – установить направление образного переноса, определить, какой элемент пейзажа является «исходным» в нарисованной поэтом картине-метаморфозе, а какой нужен для сопоставления, создает второй смысловой план. Эта задача выполнима в отношении образов парадигм типа ‘Предмет → Действие’ (типологию образов см. [Павлович, 2004, с. 70–86]): ‘Берёза → Принакрылась’, ‘Снежинки → Горят’, ‘Заря → Обсыпает’. Однако напомним, что в словесном образе *распустились кисти* оба элемента несут двуплановую нагрузку и участвуют в сложной структуре ‘*Снег → Кисти → Распустился(-лись) → …’

Кроме того, поскольку элемент *снег* выражен в стихотворении косвенно, следует задать учащимся дополнительные вопросы:

Как вы думаете, что на самом деле описывается во втором четверостишии? Что выступает «реальным» субъектом? Что лежит на ветках и «распускается»?

С опорой на контекст иностранцы восстанавливают первое звено образной цепочки – «снег».

Следующее задание направлено на то, чтобы сравнить средства, с помощью которых выражается сопоставление в тексте:

Сравните первую и последнюю строфы. С чем сопоставляется снег в первой строфе? Какое слово указывает на сопоставление? Какие другие слова используются в русском языке для выражения сравнения? С чем вы могли бы сравнить снег? Составьте собственные предложения, используя сравнительные конструкции со специальными союзами.
С чем сопоставляется снег в последней строфе? Как мы можем понять, что это сопоставление, без специального «сравнительного» слова?

В более продвинутых группах можно дать задание на более глубокий анализ образов и грамматических средств их создания в первом и последнем четверостишиях:

Сравните образы первой и последней строфы. Что в них общего? Чем они различаются? Чем похожи и чем различаются а) грамматические средства, б) синтаксические конструкции? Как изменяется точка зрения на пейзаж, широта охвата пейзажа? Сопоставьте действующее лицо / субъект в первой и последней строфе. Как связано изменение действующего лица с изменением места действия? Что остается неизменным в двух строфах?

Наиболее трудным для иностранцев в стихотворении С.А. Есенина «Береза» является комплекс образов второй строфы, выраженных грамматическими конструкциями с творительным сравнения. С целью помочь учащимся преодолеть трудности в понимании этого комплекса словесных образов предлагаем следующие задания и вопросы на наблюдение и анализ.

Какое действие характеризуют словосочетания «снежною каймой» и «белой бахромой»? С чем сопоставляется снег в этих словесных образах? Опишите, какими становятся ветви березы после того, как на них ложится снег.

Далее иностранным обучающимся предлагаются для сравнения словесные образы тех же парадигм ‘Снег → бахрома’, ‘Снег → пух’, ‘Снег → серебро’, но из других художественных текстов, например: *И под снежной бахромою…* / *Чудной жизнью он* [лес] *блестит*; *Весь опутан*, *весь окован* / *Снежной цепью пуховой* (Ф.И. Тютчев. Чародейкою Зимою...), *Серебро*, *огни и блёстки*, – / *Целый мир из серебра!* (В. Брюсов. Первый снег). Словесные образы разных текстов сопоставляются и с точки зрения принадлежности их к парадигмам, и с точки зрения их грамматического воплощения.

После того, как обучающиеся на материале нескольких художественных текстов научатся опознавать грамматические структуры, выражающие образное значение, целесообразно попросить их создать собственное монологическое высказывание с использованием словесных образов:

Рассмотрите картину К. Крыжицкого «Лес зимой». Придумайте словесные образы парадигм ‘Снег → бахрома’, ‘Снег → пух’, ‘Снег → серебро’, используя грамматические конструкции «прилагательное + существительное», словосочетания с прилагательными и существительными в форме творительного падежа (творительного сравнения); словосочетание (сравнение) со словами *как*, *точно*, *похож на*. Используя конструкцию «глагол + существительное», придумайте словесный образ ‘Зима → (живое) существо’. С получившимися образами составьте рассказ «Лес зимой».

Приведем фрагмент одного из сочинений иностранной студентки, в котором она использует словесные образы зимы, в авторской редакции: «Зимой на деревьях мы не видим зелёные листья, а белый снег. По-моему, снег на деревьях похож на пух шуб и деревья похожи на тонких девушек в коричневых шубах с белым пухом».

Достоинства заданий на создание собственного речевого произведения с использованием словесных образов в том, что они активизируют студентов (происходит переход от рецептивной к продуктивной речи), способствуют запоминанию учебного материала через активную деятельность, повышают мотивацию учащихся, в том числе к дальнейшему чтению художественных произведений. Однако у подобных заданий есть и недостатки; они обсуждаются в работе [Еремина, 2018].

5. Заключение

Грамматические средства создания словесного образа – один из факторов сложности художественного текста для иностранного читателя. Наряду с лексическими средствами, принадлежностью образа нескольким парадигмам, абстрактностью и иерархичностью, сложностью структуры словесных образов текста, «грамматика» словесного образа затрудняет понимание иностранцами текста как на уровне информации, так и на уровне смысла. Для того чтобы «расшифровать» словесный образ сложной структуры, нужно выявить следующее:

1) значения лексических и грамматических средств;

2) синтаксические отношения между элементами и семантические связи между словами;

3) образные блоки, элементы образного сопоставления и внутритекстовые связи между словесными образами.

Проведенное исследование показало, что значительное число иностранных учащихся испытывают затруднения с установлением смысла многозначного грамматического явления в конкретном контексте. Иностранцу, воспринимающему текст на русском языке, нелегко отличить образное, двуплановое выражение от неóбразного, однопланового, и тем более – установить эти планы, понять, что с чем сопоставляется в словесном образе.

На основе выявленных сложностей конкретных словесных образов и трудностей восприятия их «грамматики» разрабатываются упражнения и задания, направленные на формирование у иностранных учащихся специальных навыков и умений восприятия грамматического аспекта словесных образов. В настоящей статье в качестве учебного материала выбрано стихотворение С.А. Есенина «Береза», но предлагаемая методика работы применима и к другим художественным текстам. В дальнейшем планируется создание методической разработки на основе прозаических и поэтических произведений русских писателей.

Одно из преимуществ предложенных приемов работы над грамматическими средствами словесных образов в том, что они помогают избежать таких приемов, как перевод данной конструкции в другую, например, замена творительного сравнения так называемой *как*-конструкцией (*распустились кисти белой бахромой* – *снег как кисти белой бахромы). Как доказала Н.М. Девятова, подобные приемы влекут за собой неизбежные потери смысла, заложенного автором текста [Девятова, 2008, с. 49–51]. С другой же стороны, предложенные в настоящей статье приемы помогают иностранным учащимся осознать и запомнить грамматические средства, выражающие образные значения в художественной речи. Сопоставление парадигмы образа и грамматических средств создания словесного образа, составление собственных текстов по аналогии способствуют более глубокому пониманию грамматических средств и собственно словесного образа, что влияет на понимание художественного текста в целом.

Известно, что сложность художественных текстов, заключающаяся среди прочего в сложности словесных образов, нередко отталкивает учащихся от чтения русской литературы. Поэтому на занятиях по русскому языку как иностранному целесообразно знакомить их с разнообразными стратегиями, необходимыми для успешного восприятия художественных текстов. Отметим, что описанная методика обучения ориентирована на учащихся широкого круга специальностей, поскольку русская литература представляет интерес для иностранцев вне зависимости от их профессиональной деятельности.

Библиографический список / References

Аврамова, 2015 – Аврамова В. Концептуализация времен года в русской и болгарской ментальности // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2015. Т. 9. № 9. С. 169–193. [Avramova V. Conceptualization of the seasons in the Russian and Bulgarian mentality. *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov*. 2015. Vol. 9. No. 9. Pp. 169–193. (In Russ.)]

Болотнова, 2016 – Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М., 2016. [Bolotnova N.S. Filologicheskii analiz teksta [Philological analysis of the text]. Moscow, 2016.]

Вятютнев, 1984 – Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М., 1984. [Vyatyutnev M.N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy) [Theory of a textbook of Russian as a foreign language (methodological foundations)]. Moscow, 1984.]

Глазунова, 2007 – Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. СПб., 2007. [Glazunova O.I. Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh. Morfologiya [Grammar of the Russian language in exercises and comments. Morphology]. St. Petersburg, 2007.]

Девятова, 2008 – Девятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте // Русский язык в школе. 2008. № 10. С. 47–52. [Devyatova N.M. Comparison Instrumental case: Meaning and function in the text. *Russkii yazyk v shkole*. 2008. No. 10. Pp. 47–52. (In Russ.)]

Еремина, 2018 – Еремина Е.А. Почему дружба не блестит? Словесные образы в продуктивной речи иностранных студентов // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Сб. научных статей XVII Международной научно-практической конференции. СПб., 2018. С. 201–206. [Eremina E.A. Why friendship does not glitter? Verbal images in the productive speech of foreign students. *Yazyk*, *kul'tura*, *mentalitet*: *problemy izucheniya v inostrannoi auditorii*. St. Petersburg, 2018. Pp. 201–206. (In Russ.)]

Зайцев, 2006 – Зайцев В.А. Есенин и современные поэты: жанры, поэтика, традиции (к постановке вопроса) // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. Рязань, 2006. С. 167–180. [Zaitsev V.A. Esenin and modern poets: Genres, poetics, traditions (to pose the question). *Esenin na rubezhe epokh*: *itogi i perspektivy*: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, *posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. Esenina*. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva (eds.). Ryazan, 2006. Pp. 167–180. (In Russ.)]

Кулибина, 2015 – Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: Учебно-методич. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб., 2015. [Kulibina N.V. Zachem, chto i kak chitat' na uroke [Why, what and how we read on the lesson]. Text-book for the teachers of Russian as a foreign language. St. Petersburg, 2015.]

Ласкарева, 2016 – Ласкарева Е.Р. Чистая грамматика: Учебное пособие. 7-е изд. СПб., 2016. [Laskareva E.R. Chistaya grammatika [Pure grammar]. Textbook. St. Petersburg, 2016.]

Ма, 2005 – Ма С. Использование концептуальной метафоры в поэзии С. Есенина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4 (66). С. 120–123. [Ma S. The use of conceptual metaphor in S. Esenin's poetry. *Filologicheskie nauki*. *Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 12-4 (66). Pp. 120–123. (In Russ.)]

Маркова, 2005 – Маркова И.Н. Специфика художественной речи как психологический фактор интенсификации обучения русскому языку студентов-иностранцев // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 201–203. [Markova I.N. The specifics of fiction speech as a psychological factor in the intensification of teaching Russian for foreign students. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. No. 4. Pp. 201–203. (In Russ.)]

Павлович, 2004 – Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004. [Pavlovich N.V. Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke [The language of images. Image paradigms in Russian poetic language]. M., 2004.]

Перелыгин, 2008 – Перелыгин П.В. Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С. Есенина и Н. Рубцова // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1. С. 161–166. [Perelygin P.V. Colour spectrum as an element of individual style of an author. Investigation of S. Esenin's and N. Rubtsov's literary heritage. *Tomsk State University Journal*. 2008. No. 1. Pp. 161–166. (In Russ.)]

Смирнова, Ван, 2014 – Смирнова Т.И., Ван С. Семантика цвета в пейзажных зарисовках Сергея Есенина и Ван Вэя // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2014. № 1 (1). С. 52–55. [Smirnova T.I., Van S. Semantics of color in landscape sketches by Sergey Esenin and Van Wei. *Evraziiskii vestnik gumanitarnykh issledovanii*. 2014. No. 1 (1). Pp. 52–55. (In Russ.)]

Степанченко, 1991 – Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). Харьков, 1991. [Stepanchenko I.I. Poeticheskii yazyk Sergeya Esenina (analiz leksiki) [Poetic language of Sergey Esenin (analysis of vocabulary)]. Kharkov, 1991.]

Цупикова, 2009 – Цупикова Е.В. Освоение специфических образных средств языка как пресуппозиционного момента интерпретации текста // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 192–196. [Tsupikova E.V. Mastering the specific figurative means of language as a presuppositional moment of text interpretation. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2009. No. 5 (81). Pp. 192–196. (In Russ.)]

Чжу, 2015 – Чжу П. Образность как категория лексикологии: берёза // Экология языка и речи: Материалы четвертой Международной научной конференции / Отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов, 2015. С. 289–291. [Zhu P. Imagery as a category of lexicology: Birch. *Ekologiya yazyka i rechi*. A.S. Shcherbak (ed.). Tambov, 2015. Pp. 289–291. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 13.10.2019
The article was received on 13.10.2019

Об авторе / About the author

Еремина Елена Анатольевна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры русского языка как иностранного, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Elena A. Eremina – PhD in Education; Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0334-7731
E-mail: ereminaea@herzen.spb.ru

Издание подготовили к печати: редактор *А. А. Козаренко*, корректор *А. А. Алексеева*, обложка, макет, компьютерная верстка *Н. А. Попова*

Rhema. Рема

2020.2

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.06.2020 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 8,5 п. л. Тираж 1000 экз.